

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> приятного чтения!

Лейбниц Г.-В. Статьи, трактаты, малые произведения
СВИДЕТЕЛЬСТВО ПРИРОДЫ ПРОТИВ АТЕИСТОВ
ЧАСТЬ 1

Телесные явления не могут быть объяснены без бестелесного начала, т. е. Бога человек божественного ума Фрэнсис Бэкон Верулам-ский справедливо заметил, что философия, если отведать ее слегка, уводит от Бога, если же глубоко зачерпнуть ее – приводит к нему¹. Это мы видим в нынешний век, столь же обильный знанием, как и нечестием. Блестящие успехи математических наук и попытка проникнуть путем химии и анатомии в недра вещей показали, что весьма многие явления можно объяснить, так сказать, механически из фигуры и движения тела, между тем как древние прибегали в этом случае либо к создателю, либо к каким-то бестелесным формам. И вот некоторые проницательные люди стали делать попытки объяснить существование явлений природы, или феноменов, наблюдаемых в телах, без допущения Бога и не принимая его в расчет. Вскоре, после некоторых успехов (разумеется, пока дело не дошло еще до первоначал и оснований), они, как бы на радостях от своей удачи, поспешили объявить, что не могут объяснить естественным путем ни Бога, ни бессмертия души, но что вера в эти вещи обязана своим происхождением гражданским установлениям или историческому преданию; так думал остроумный Гоббс, который за свои открытия заслуживал бы того, чтобы здесь умолчать о нем, если бы я не считал нужным прямо выступить против его авторитета, который может произвести дурное действие. Другие, к сожалению, пошли еще дальше и, усомнившись уже в авторитете св. Писания, в исторической истине и историческом предании, пустили в ход совершенно открытый атеизм².

Но мне показалось в высшей степени недостойным, чтобы ум (animus) наш был вводим в заблуждение своим собственным светом, т. е. философией. Поэтому я сам стал предаваться исследованию вещей и с тем большим усердием, что мне тяжело было чувствовать, как эти ухищрения новых философов отторгали от меня величайшее благо жизни, именно уверенность в вечном существовании после смерти и надежду на то, что благодать Божия снизойдет некогда на добрых и невинных.

Итак, отбросив предрассудки и отложив в сторону св. Писание и исторические свидетельства, я обращаюсь к мысленному рассечению тел, чтобы посмотреть, нельзя ли без допущения бестелесной причины дать объяснение тому, что является в телах нашим чувствам.

И прежде всего я охотно соглашаюсь с нынешними философами, воскресившими Демокрита и Эпикура (их Роберт Бойль весьма удачно называет корпускулярными философами), как-то: с Галилеем, Бэконом, Гассенди, Декартом, Гоббсом, Дигби – в том, что при объяснении телесных явлений не следует без нужды прибегать ни к Богу, ни к какой-либо другой бестелесной вещи, форме или свойству (не стоит впутывать Бога, если предмет его недостоин) и что все, насколько возможно, следует выводить из природы тела и его первичных свойств величины, фигуры и движения.

Но что, если я докажу, что в природе тела нельзя найти начала даже этих первичных свойств? Тогда, надеюсь, наши натуралисты признают, что тела сами по себе, без бестелесного начала, существовать не могут. А докажу я это совершенно ясно и просто.

А именно если эти свойства нельзя будет вывести из определения тела, то очевидно, что они не могут существовать в телах, взятых сами по себе. Ибо основание всякого состояния должно быть выводимо или из самой вещи, или из чего-нибудь внешнего. Определение же тела состоит в том, чтобы существовать в пространстве. И все люди называют телом то, что они находят в каком-либо пространстве, и, наоборот, все, что есть тело, они находят в некотором пространстве. Определение это состоит из двух терминов: пространства и существования в нем.

Из термина «пространство» вытекает в теле величина и фигура. Ибо тело всегда имеет ту же величину и фигуру, как пространство, которое оно наполняет. Но здесь остается неясным, почему оно наполняет именно такой-то величины и такое то пространство, а именно почему например, оно имеет 3 фута, а не 2. почему оно имеет квадратную форму, а не круглую. Из природы тел это объяснено быть не может, так как одна и та же материя безразлична в какой угодно

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org фигуре, все равно, круглой или квадратной. Следовательно, раз мы не желаем прибегать к бестелесной причине, на это может быть только два ответа: либо данное тело было квадратным от вечности, либо оно сделалось квадратным от столкновения с другим телом. Если мы скажем, что оно от вечности было квадратным, то этим мы не дадим никакого объяснения, ибо почему же оно не могло быть от вечности сферическим? Ведь нельзя себе представить, чтобы вечность могла быть причиной какой бы то ни было вещи. Если же мы скажем, что оно сделалось квадратным вследствие движения другого тела, то остается вопрос, почему от этого движения оно получило именно такую, а не иную фигуру. Если опять объяснять это движением другого тела и так до бесконечности, то все эти ответы через всю бесконечность будут влечь за собой все новые и новые вопросы, и окажется, что никогда не истощится почва для того, чтобы искать основания оснований, и, значит, никогда не будет дано полное объяснение. Очевидно, следовательно, что из природы тел их определенная величина или фигура выведена быть не может.

Мы сказали, что определение тела имеет две части: «пространство» и «существование в нем»; но из термина «пространство» вытекает некоторая, но неопределенная величина и фигура. К термину же «существование в том пространстве» относится движение, ибо тело, начиная существовать в другом, чем прежде, пространстве, тем самым приходит в движение. Но если более тщательно рассмотреть дело, то окажется, что хотя из природы тела и вытекает способность к движению, но само движение не вытекает. Именно в силу того самого, что данное тело находится в этом пространстве, оно может находиться и в другом, равном и подобном первому, т. е. может двигаться; в самом деле, быть в состоянии находиться в другом пространстве, чем прежде, — значит иметь способность перемещать пространство, а иметь способность перемещать пространство — значит иметь способность двигаться, ибо движение есть перемена пространства. Но действительное движение из существования в пространстве не вытекает, и скорее из

самого себе, вытекает противоположное движению. именно сохранение в том же пространстве, или покой. Таким образом, в телах, представленных самим себе, нельзя найти основания движению. И тщетна уловка тех, которые так объясняют движение: всякое тело либо двигалось от вечности, либо движется другим телом, смежным и находящимся в движении. Именно если они скажут, что данное тело от вечности находилось в движении, то непонятно, почему же не могло оно от вечности находиться в покое, ибо нельзя себе представить, чтобы время, даже бесконечное, могло быть причиной движения. Если же они скажут, что данное тело движется другим смежным движущимся телом, а это последнее — третьим и так до бесконечности, то от этого несколько не станет яснее, почему движется первое тело, второе, третье и вообще какое бы то ни было, пока не будет объяснено, почему движется [10] последующее, от которого получают свое движение все предыдущие. Ведь заключение до тех пор остается необоснованным, пока не указаны основания всех оснований, особенно если, как в данном случае, тот же самый вопрос остается во всей силе до самого конца.

Таким образом, полагаю, мною вполне доказано, что определенная фигура и величина, а также и движение вообще не могут заключаться в телах, взятых сами по себе. Я уже и не буду говорить здесь (так как это требует более глубокого исследования), что до сих пор никем еще не объяснена из природы самих тел причина их связного состава (*consistentia*).

От связного же состава тел происходит: 1) что большое тело не уступает своего места малому при столкновении с ним; 2) что тела или части тела взаимно сцепляются друг с другом, откуда и происходят те осозаемые свойства тел, которые обыкновенно называются вторичными, как-то: твердое и жидкое их состояние, жесткость, мягкость, гладкость, шероховатость, упругость, хрупкость, рассыпчатость, тягучесть, ковкость, плавкость; 3) что твердое тело при столкновении с другим, не уступающим ему места, отражается от него. Короче говоря, от связности тел происходит их непроницаемость, сцепление и отражение (*reflexio*). И вот, если кто-нибудь объяснит мне причину этих свойств из фигуры, величины и движения материи, я с удовольствием признаю его великим философом. Здесь, по-видимому, возможно только одно объяснение, именно: тело потому сопротивляется

толкающему его телу и отражает его, что его частицы на поверхности незаметно движутся навстречу другому телу. Но предположим, что толкающее тело наносит удар не по той линии, по которой его встретят частицы тела, которому предстоит

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org испытать толчок, а по какой-нибудь другой, например по косвенной; от этого тотчас же должно прекратиться противодействие, сопротивление, отражение в противоречие тому, что оказывается на опыте. Сцепление же вовсе не может быть объяснено из противодействия и вообще из движения. Если я, например, толкаю кусок бумаги, то часть, которую я толкаю, уступает, и, значит, здесь не может быть никакого противодействия или сопротивляющегося движения. Но часть эта уступает не одна, а влечет вместе с тем за собой и прилегающие к ней остальные части. Конечно, нельзя отказать в доле истины и основания тому, что утверждали в древности Демокрит, Эпикур и Лукреций, а в недавнее время – последователи их Пьер Гассенди и Жан-Хризостом Маньян, а именно что естественной причиной сцепления в телах служат некоторые сцепляющиеся одна за другую фигуры, как-то: крючки, багорчики, колечки, фигурки с разными выступающими частями и вообще все искривления и изгибы твердых тел, захватывающие друг друга. Но ведь все эти цепкие орудия сами должны быть плотными и крепкими, чтобы выполнять свое назначение и сдерживать вместе части тел. Однако же откуда в них самих прочность? Не предположить ли крючки у крючков и так до бесконечности? Но если есть основание для сомнения в первом случае, то оно будет и во втором, и в третьем, и так без конца. На эти затруднения у тех остроумнейших философов не оставалось другого ответа, кроме того, чтобы предположить в последнем составе тел некоторые неделимые тельца, которые они называют атомами и которые разнообразными сочетаниями своих разнообразных фигур производят различные качества чувственно познаваемых тел. Но и в этих последних тельцах решительно неоткуда взяться сцеплению и неделимости.

Правда, древние дали некоторое объяснение этому, но настолько нелепое, что новейшие (*recentiores*) философы его устыдились. Именно, они говорили, что части атомов потому сцеплены друг с другом, что между ними нет пустоты; откуда следует, что все тела, раз прикоснувшись друг к другу, должны нераздельно сцепиться наподобие атомов, потому что при всяком прикосновении тела к

телу между ними не бывает пустоты. Но нет ничего более нелепого и более противоречащего опыту, чем это постоянное сцепление. Итак, для объяснения атомов правильным будет прибегнуть в конце концов к Богу, который дает прочность этим последним основам вещей. И я удивляюсь, что ни Гассенди, ни кто-либо другой из проникательных философов нашего времени не обратил внимания на этот замечательный случай доказать бытие Божие. Ведь очевидно, что в последнем составе тел природа не может обойтись без помощи Бога.

Мы доказали, что тела могут иметь определенную фигуру и величину, а также и движение только при предположении бестелесного Существа. Легко видеть, что это бестелесное Существо (*Ens*) едино для всех ввиду всеобщей взаимной гармонии, особенно когда тела получают движение не каждое порознь от своего собственного бестелесного Существа, но взаимно друг от друга. Но почему это бестелесное Существо избрало именно такую, а не иную величину, фигуру и движение, это можно объяснить лишь в том случае, если Оно разумно, мудро ввиду красоты вещей и всемогуще ввиду повиновения их его мановению. Такое бестелесное Существо и будет Умом (*Mens*), управляющим всем Миром (*Mundus*). т. е. Богом.

Часть 2

Доказательство бессмертия человеческой души посредством непрерывного сорита

Душа человеческая есть существо, некоторое действие которого состоит в мышлении.

Если некоторое действие какого-либо существа есть мышление, то некоторое действие этого существа есть вещь, непосредственно сознаваемая (*sensibilis*) без представления (*imaginatione*) частей.

В самом деле, мышление есть вещь: 1) непосредственно сознаваемая; так как душа, когда сознает себя мыслящую, непосредственно предстает сама себе; 2) мышление есть вещь, сознаваемая без представления частей. Это ясно из опыта. Ибо мышление есть то самое неуловимое нечто, которое мы сознаем (*sentimus*). когда сознаем себя мыслящими. Когда, например, мы сознаем, что думали о Тиции, мы сознаем не только то, что имели

в своем уме (*diutno*) образ Тиция (конечно, имеющий части), ибо этого недостаточно еще для мышления" ведь мы имеем образы в уме даже тогда, когда не думаем о них.

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org но и coiiaevi сверх того, что осозна-ш (cogitasse) этот образ Тиция; и вот в представлении-то этого самого сознания мы и не замечаем никаких частей.

Если некоторое действие какого-либо существа есть вещь, непосредственно сознаваемая без представления частей, то некоторое его действие есть вещь без частей

Ибо. каковым что-нибудь непосредственно сознается, таковым оно и существует в действительности причина заблуждения заключается в среде, так как если бы причиной заблуждения был объект сознания, то он всегда сознавался бы ложно, а если бы ею был субъект, он всегда бы сознавался ложно.

Если некоторое действие какого-нибудь предмета есть вещь без частей, то некоторое действие этого предмета не есть движение.

Ибо всякое движение имеет части, по доказательству Аристотеля и всеобщему признанию.

Если некоторое действие какого-либо предмета не есть движение, то этот предмет не есть тело.

Ибо всякое действие тела есть движение. В самом деле, всякое действие вещи есть изменение ее сущности; сущность же тела состоит в том, чтобы существовать в пространстве, а изменение существования в пространстве есть движение. Итак, всякое действие тела есть движение

Что не есть тело, то не существует в пространстве

Ибо определение тела состоит в том, чтобы существовать в пространстве.

Что не существует в пространстве, то не способно к движению.

Ибо движение есть перемена пространства.

Что не способно к движению, то недоступно распаде нию.

Ибо распадение есть движение в частях

Что недоступно распадению, то неразруσιμο.

Ибо разрушение есть внутреннее распадение.

Все неразруσιμο бессмертно.

Ибо смерть есть разрушение живого существа, или распадение его механизма, посредством которого оно является двигающим само себя.

Следовательно, душа человеческая бессмертна, что и требовалось доказать.

ПИСЬМО К ЯКОБУ ТОМАЗИУ О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМИРИТЬ АРИСТОТЕЛЯ С НОВОЙ ФИЛОСОФИЕЙ

Невозможно даже выразить, как от кусочка твоей истории философии потекли у всех слюнки: ясно, в самом деле, какая разница между голым перечнем имен и твоими глубокими рассуждениями о связи философских мнений. И действительно, сколько ни слышал я разговоров сведущих людей о твоём опыте (а ты знаешь, что я не люблю говорить комплиментов), все говорят в один голос, что никто, кроме тебя, не был в состоянии дать цельную и полную историю философии. Многие, обладающие более знанием древности, чем предмета (artis), познакомили нас скорее с биографиями философов, чем с их учениями, ты же даешь нам историю не философов, но философии. Говорят, что в Англии печатается «История развития наук со времени Аристотеля» Иосифа Гленвилля; но я думаю, что он будет заниматься лишь ходом математики, механики и новейшей физики, и, таким образом, полагаю, ничего не предвосхитит у тебя. Если бы ты только довел нить своего изложения до новейшей эпохи и убедил нашу легкомысленную молодежь, что далеко не все следует приписывать новаторам, хотя с другой стороны, и нельзя всего отнимать от них. Существуют Патриции, Телезии, Кампа-неллы, Бодены, Низолии, Фракасторы, Карданы, Гали-леи, Бэконы, Гассенди, Гоббсы, Декарты, Бассо, Дигби, Сеннерты, Шперлинги, Деродоны. Дейсинги и много Других, между которыми раздирается мантия философии.

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
Указать миру их значение для тебя будет забавой, а для общества – пользой.

Кто не согласится с твоим суждением о том мнении "агемина, будто Бог составляет первую материю вещей? О самом деле, в гипотезах его нет никакой стройности, в рассуждениях – ни малейшей связи, мнения его просто

чудовищны, и. если бы у него не было кое-чего достойного внимания в области специальной физики, ему положитель но лучше было бы помолчать! Впрочем, мне кажется, что родоначальниками его учения являются Скалигер, Сеннерт и Шперлинг (ведь он выставляет себя учеником и по следнего). которые утверждают, что формы проистекают не из пассивной потенции материи, а из активной потенции действующей причины, откуда они и выводят, что Бог производит творения скорее из своей активной потенции. нежели из объективной и как бы пассивной потенции ничто. Таким образом, по их мнению, Бог производит вещи из себя и, следовательно, есть первая материя вещей. Впро чем, ты лучше рассудишь об этом.

Что касается Декарта и Клауберга, я согласен с тобой, что ученик яснее учителя. Но опять-таки осмелюсь сказать, что почти ни один из картезианцев не прибавил ничего нового к открытиям учителя В самом деле, Клауберг. Геерборд, Тобиас Андрез, Генрих Региус представили не что иное, как пересказы учения своего вождя, правда весьма ученые. Картезианцами я называю только тех, которые следуют принципам Декарта, причем из их числа следует безусловно исключить таких великих людей, как Бэкон, Гассенди, Гоббс, Дигби и другие, которых обычно яенно смешивают с картезианцами, тогда как они были современниками или даже предшественниками Декарта, да и по уму не уступали ему. если даже не превосходили его Что же касается меня, то я менее всего признаю себя картезианцем Я принимаю общее всем этим восстанавите лям философии правило, что в телах все должно объясняться только посредством величины, фигуры и движения. У Декарта я согласен только с его методом, ибо. как только дело дошло до приложения последнего, Декарт со вершенно позабыл всю свою строгость и сразу запутался в каких-то странных (míras) гипотезах, в чем совершенно правильно упрекает его Фоссий в книге о свете.

Поэтому я не побоюсь сказать, что нахожу гораздо больше достоинств в книгах аристотелевской «физики». чем в размышлениях Декарта" настолько я далек от картезианства я осмелился бы даже прибавить, что можно сохранить все восемь кнш [аристотелевской физики] без ущерба для новейшей философии и этим самым опро вергнуть то, что говорят даже ученые люди о невозможно сти примирить с нею Аристотеля В самом деле. большая часть из того, что говорит Аристотель о материи, форме.

отрицании, природе, месте, бесконечном, времени, движе нии, совершенно достоверна и доказана, за исключением единственно того, что он говорит о невозможности пустоты Мне не представляется необходимой ни пустота, ни наполненность и кажется, что природу можно объяснять и тем и другим способом. Пустоту отстаивают Гильберт, Гассенди. Герике; наполненность Декарт. Дигби, англичанин Томас. Клерк в книге о наполненности мира, возможность того и другого Томас Гоббс и Роберт Бойль Хотя, признаюсь, и не легко, но все же возможно без пустоты объяснить разряженность (rarefactiones) вещей Недавно я взял книгу ученого-француза Жана Батиста Дюгамеля о согласовании древней и новой философии, изданную не так давно в Париже, где гипотезы знаменитых древних и новых [философов] и элегантно излагаются, и часто тонко разрешаются. Он также немало говорит о расхождении относительно пустоты В прочих же многочисленных рассуждениях Аристотеля в XIII книге «Физики», во всей «Метафизике», «Логике» и «Этике» ни один здравомыслящий человек не усомнится. Кто откажется принять именно субстанциальную форму то, чем субстанция одного тела отличается от субстанции другого? Что касается до первой материи, то нет ничего более достоверного. Является только один вопрос: возможно ли дать истолкование путем величины, фигуры и движения общим положениям Аристотеля о материи, форме и изме нении^ Схоластики отрицают это, реформаторы утвержда-юг Мнение последних представляется мне не только более верным, но и более согласным с самим Аристотелем; я скажу вкратце о том и о другом.

Итак, прежде всего об Аристотеле. Что схоластики удивительно исказили смысл его учений, это тебе, славнейший муж. известно более, чем кому-либо, так как ты первый вывел на свет добрую часть заблуждений этого рода. И тогда как в этом согласны с тобой по отношению h метафизике Сонер и Дрейер, к логике – Виет, Заба-ре 1ла, Юнгий, к политике – Язон Денорес. Пиккарт, Конринг. Фельден.

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
Дурриус и многие другие, то, скажи на милость, отчего не предположить того же самого или даже худшего и по отношению к физике, опирающейся на ощущение, опыт и математику – орудия, которых почти вовсе не было у схоластиков, запертых в монашеских кельях. Итак, достаточно вероятно, что они заблуждались в физике. Но если я докажу больше, а именно что это более

чем достоверно? В данном вопросе можно идти двояким путем: либо показать, что реформированная философия может быть согласована с аристотелевской и не противоречит ей, либо, далее, показать, что объяснять одну другую не только можно, но и должно и что, таким образом, уже из аристотелевских начал вытекает то, чем так хвастаются новейшие философы. Первым путем будет доказана возможность, вторым – необходимость согласования; хотя, впрочем, дело будет уже решено, если мы покажем возможность согласования. Ибо если возможно и то и другое объяснение – и схоластиков, и новейших [философов], то из двух возможных гипотез следует всегда избирать более ясную и понятную, какова, без сомнения, гипотеза новейших, которая не воображает себе никаких бестелесных существ в телесной среде и не принимает ничего, кроме величины, фигуры и движения. И я полагаю, что лучше всего докажу возможность такого согласования, если попрошу указать мне хоть одно из аристотелевских начал, которые нельзя было бы объяснить величиной, фигурой и движением.

Первая материя есть сама масса, в которой нет ничего, кроме протяженности и антитипии ¹, или непроницаемости (*impenetrabilitas*). Протяженность она имеет от наполняемого ею пространства; собственно же природа материи состоит в том, что она есть нечто плотное и непроницаемое и в силу этого при встрече с чем-либо другим (так как одно из них должно уступить место) способное к движению. Эта непрерывная масса, наполняющая мир, есть, пока все части ее находятся в покое, первая материя, из которой возникает все посредством движения и в которую разрешается все посредством покоя. В ней самой по себе нет никакого разнообразия иначе как через движение, и она представляет собой чистое безразличие. Этим уже распутываются все узлы схоластиков. Прежде всего они спрашивают о свойстве ее бытия до всякой формы. На это следует ответить, что она есть сущее до всякой формы, хотя и существующее, ибо все, что находится в каком-нибудь пространстве, существует, чего, конечно, нельзя отрицать относительно этой массы, даже лишенной всякого движения и раздельности; что же касается до сущности материи или самой формы телесности, то она состоит в антитипии, или непроницаемости. Равным образом материя имеет количество, но только неограниченное, как говорят аверроисты, или неопределенное, так как, раз она непре-

рывна, она не разделена на части, таким образом, в ней не дано действительных границ (я говорю не о внешних границах мира или всей массы, но только о внутренних пределах частей), тем не менее протяжение или величина в ней даны.

От материи перейдем по порядку к форме. И если мы предположим, что форма есть не что иное, как фигура, то и здесь все отлично сойдется; ибо так как фигура есть граница тела, то и для появления в материи фигур необходимы будут границы. А для того чтобы в материи возникли различные фигуры, необходима раздельность частей. Раз части разделены, то тем самым каждая часть получает отдельные границы (так как непрерывно примыкающими Аристотель называет такие вещи, границы которых совпадают (*сbv та ёслаш ev*)). Раздельность же и прерывность в этой дотоле непрерывной массе может явиться двояким способом: или так, что вместе с непрерывностью исчезает и смежность (это бывает, когда нечто разрывается таким образом, что остается пустое пространство), или так, что смежность остается (это бывает, когда какие-нибудь части, оставаясь в непосредственном соприкосновении друг с другом, движутся в различные стороны; например, две сферы, из которых одна заключает в себе другую, могут двигаться в разные стороны, оставаясь смежными, хотя и перестают быть непрерывными). Отсюда ясно, что если изначально масса была сотворена прерывной или разделенной пустотами, то те или иные формы уже с самого начала были соединены с материей; если же масса изначально была непрерывной, то необходимо, чтобы формы возникали посредством движения (об уничтожении известных частиц для образования в материи пустот я не говорю, так как это сверхъестественно). Из движения же возникает деление, из деления – границы частей, из границ частей – их фигуры, из фигур – формы, и, следовательно, формы возникают из движения. Отсюда ясно также, что всякое расположение к форме есть движение; ясно также, как разрешается запутанный спор о происхождении форм. Почтенный Герман Конринг в особой диссертации не нашел другого выхода из этого спора, как допустить, что формы возникают из ничего. Но вышеприведенные размышления указывают гораздо более простой путь, так что нет

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
нужды прибегать к такому учению. А именно: формы возникают из потенции материи, не производя ничего нового, но только

уничтожая старое и порождая границы частей посредством деления, подобно тому как человек, обтесывающий колонну, не делает ничего другого, как только удаляет ненужные части, и то, что остается по их устранении, получает тем самым ту фигуру, которую мы называем колонной. Подобно этому, все фигуры или формы содержатся в самой массе, и им недостает только определенности и действительного отделения от других примыкающих к ним форм. Раз допущено такое объяснение, всякие возражения против происхождения форм из потенции материи становятся пустяками

Теперь остается перейти к изменениям. Обыкновенно (и правильно) насчитывают следующие виды изменений: происхождение (*generatio*), уничтожение (*corruptio*), увеличение (*augmentatio*). уменьшение (*dimmutio*). качественное изменение (*alteratio*). и перемена места (*mutatio localis*). или движение (*motus*). Все эти виды, по мнению новейших философов, можно объяснить посредством одного пространственного движения. Прежде всего что касается увеличения и уменьшения, то дело ясно: в самом деле, изменение количества в целом происходит тогда, когда известная часть меняет место, присоединяясь или отдалаясь. Остается объяснить посредством движения происхождение, уничтожение и качественное изменение. Укажу прежде всего на то, что нумерически тождественное изменение бывает в одно и то же время происхождением и качественным изменением различных вещей; например, если правда, что гниение заключается в известных червях, незаметных для невооруженного глаза, то всякое гнилое тело будет качественным изменением человека и происхождением червя. Подобным образом Гук показал в своей микрографии, что плесень на бумаге есть зародившийся мельчайший лесок; следовательно, плесень будет качественным изменением бумаги и происхождением маленьких кустарничков. Вообще же как происхождение и уничтожение, так и качественное изменение можно объяснить тонким движением частиц. Например, так как белое есть то, что отражает наибольшее количество света, а черное – то, что отражает мало света, то белым будет всякое тело, поверхность которого содержит множество маленьких зеркал; вследствие этого пенящаяся вода бела, так как она состоит из бесчисленных пузырьков и, сколько пузырьков, столько зеркал, между тем как раньше почти вся вода представляла только одно зеркало; точно так же

когда разобьешь стекло, то при этом образуется столько же зеркал, сколько частей, и по этой причине толченное стекло белее цельного. Подобным же образом когда вода разбивается на пузырьки, точно на отдельные зеркала, то является белизна; от этого снег белее льда, а лед белее воды. Ибо несправедливо, будто снег есть сгущенная вода. тогда как скорее он есть вода разреженная, почему он и легче воды и занимает более пространства. Этим способом разрешается и софизм Анаксагора о черном снеге. Отсюда ясно, что цвета возникают только вследствие изменения фигуры и положения на поверхности; и если бы позволяло место, то то же самое легко можно было бы показать и относительно света, теплоты и всех качеств. Если же посредством одного движения изменяются качества, то тем самым изменится и субстанция, так как с изменением всех, а то и некоторых составных элементов уничтожается и сама вещь (так, например, уничтожив свет или теплоту, мы уничтожим и огонь; то и другое можно произвести, задержав движение; по этой причине закрытый со всех сторон огонь умирает за недостатком воздушной пищи), не говоря уже о том, что вообще сущность отличается от своих качеств только в отношении к чувствам. В самом деле, один и тот же город представляет одно зрелище, если смотреть на него с башни, стоящей в его середине (что совершенно подобно тому, как если бы мы стали рассматривать самую сущность), и иное, если подойти к нему извне (что совершенно соответствует восприятию качеств тела); и, как меняется сам внешний вид города, смотря по тому, подходит ли к нему с восточной или западной стороны, точно так же меняются и качества сообразно с различием органов.

Из всего этого вполне ясно, что все изменения можно объяснить движением. И этому не препятствует то, что происхождение совершается мгновенно, между тем как движение совершается последовательно, ибо происхождение есть не движение, но конец движения, а конец движения происходит мгновенно; так, известная фигура производится или происходит только в самый последний момент движения, например круг производится только последним моментом кругового движения. Уже из этого ясно, почему субстанциальная форма состоит в неделимом и не допускает увеличения и уменьшения в степени. Ведь и фигура не допускает увеличения или уменьшения в степени, и, хотя один круг может быть больше другого, он

все таки не более круг, чем другой круг, так как сущность круга состоит в равенстве линий, проведенных от центра к окружности, а равенство состоит уже в неделимом и не может быть большим или меньшим. При этом нельзя возражать, что фигура или величина – случайные свойства (*accidentia*). ибо они не всегда случайны; например, хотя для свинца жидкое состояние является случайным свойством, так как свинец бывает жидким только в огне, однако для ртути жидкость – существенное свойство; причина же жидкого состояния лежит, без сомнения, в свободной криволинейности частей – в их шарообразной, цилиндрической, овальной или иной сферической форме; следовательно, криволинейность есть случайное свойство для мельчайших частиц свинца и существенное для ртути. Вот почему все металлы происходят из ртути. скрепленной солями, соли же состоят по природе из прямолинейных фигур, способных к покою; вследствие этого если мы растворим соли в воде и затем дадим им свободно сгущаться, то они явятся, как известно химикам, в форме тетраэдров, гексаэдров, октаэдров и т. д., но отнюдь не в круглой или криволинейной форме. Таким образом, соли являются причиной твердости; и эти острые соли, будучи в недрах земли смешаны в мельчайших частицах со ртутью, препятствуют своим промежуточным положением свободе криволинейных частиц и образуют металл. В огне же металл возвращается к природе ртути, потому что огонь, проникая между мельчайшими частицами, освобождает криволинейные части ртути от прямолинейных частей соли. Отсюда происходит жидкое состояние металла в огне. Таким образом, ясно, что едва ли есть что-либо в аристотелевской физике, чего нельзя было бы объяснить и в реформированной физике.

Все эти примеры явились у меня сами собою во время писания. Бесчисленное количество других примеров собрано по всей натуральной философии другими лицами. И не опасаясь, что сказанное мною выше окажется списанным у Рея 2 или что ты можешь лучше следовать за мной, опираясь на его авторитет. Все это давно продумано мной. еще до того, как я услышал о Рее. Читал я и Рея, но почти не помню сейчас, что он говорит по этому вопросу. К тому же Рей не первый и не единственный среди тех, которые пытались согласовать Аристотеля с новейшими. Первый проложил эту дорогу, как мне кажется, Скалигер; в наше время Кенельм Дигби и его современник англичанин Томас –

первый в сочинении о бессмертии души. второй в своих основных началах перипатетической философии – по ставили это прямой своей целью. К тому же самому стремятся Абдиас Трей и в особенности Эрхард Вешек, До сих пор доказано только, что согласование вол можно; остается доказать, что оно необходимо. В самом деле, о чем другом трактует Аристотель в своей физике, как не о фигуре, величине, движении, месте. времени? Если же природа тела вообще состоит в этом, то и природа каждого отдельного тела сведется к известной фигуре, известной величине и т. п. Да и сам он говорит в 4-й и 1-й главе 111-й книги «Физики», что всякая наука о при роде занимается величиной (с которой, разумеется, связана фигура), движением и временем. Тот же Аристотель говорит в разных местах, что предметом физики является бытие, находящееся в движении (*Ens mobile*), что наука о природе трактует о материи и движении; и сам он причину всего совершающегося в подлунном мире полагает от в небе. Небо, говорит он, действует на низшие сферы не иначе как посредством движения. Движение же производит только движение или границы движения, а именно величину и фигуру и происходящие из них положения, расстояние, число и т. д. Следовательно, ими должно объяснять все в естествознании. Тот же Аристотель ымекает (1-я книга «Физики», глава 7), что медь так же относится к фигуре статуи, как материя – к форме. Впрочем, я уже доказывал, что фигура есть субстанция, или, лучше сказать, что пространство есть субстанция, а фигура нечто субстанциальное, исходя из того, что всякая наука имеет предметом субстанцию; а, что геометрия есть наука, этого нельзя отрицать. Были люди, которые отвечали на это, что скорее приведут место, где Аристотель отрицает научность геометрии, чем я приведу место, в котором Аристотель говорил бы то. что я ему приписываю. Я несколько не сомневаюсь, славнейший муж, что есть несколько мест у Аристотеля, которые со всякими натяжками можно истолковать в пользу такого взгляда, однако я думаю, что они опровергаются другими бесчисленными его признаниями на этот счет. В самом деле, что всего чаще встречается во всех книгах его «Аналитик», как не примеры геометров, так что кажется, что в геометрических доказательствах как бы мерило всех прочих доказательств. "о конечно, нелепо было бы считать низшее мерилом высшего. Только схоластики стали смотреть так презрительно

на математиков и старались всеми способами исключить математику из числа настоящих наук. опираясь главным образом на тот аргумент, что геометрия

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org доказывает свои положения не из причин Но если мы рассмотрим дело ближе, то окажется, что геометрия доказывает именно из причин. В самом деле. она выясняет фигуры из движения: из движения точки происходит линия, из движения линии – поверхность, из движения поверхности – тело, из движения прямой по прямой происходит плоскость, из движения прямой вокруг неподвижной точки происходит круг и т. п. Таким образом, построение фигур есть движение; свойства же фигур доказываются из построений, т. е. из движения, следовательно, априори и из причин. Значит, геометрия есть истинная наука. Итак, признавать предмет геометрии, т. е. пространство, за субстанцию вовсе не будет противно Аристотелю. И нет ничего нелепого в том, что геометрия имеет предметом субстанциальную форму тел. Да и сам Аристотель прямо говорит в XIII книге «Метафизики», что геометрия отвлекает [ся] от материи, цели и действующей причины, из чего следует, что она должна заниматься субстанциальной формой или акцидентальной. Но акцидентальной формой она не занимается, так как последняя включает в свое реальное определение субъект, в котором она существует, или материю, между тем как Аристотель говорит, что геометрия отвлекает [ся] от материи. Итак, геометрия занимается субстанциальной формой.

И вот. когда я пишу это, мне приходит в голову мысль. что между науками существует некоторая прекрасная гармония, если тщательно взвесить дело: теология или метафизика говорит о действующей причине вещей. т. е. об уме; нравственная философия (все равно – практическая или гражданская, так как обе представляют одну и ту же науку, как я узнал от тебя) говорит о цели вещей, т. е. о благе; математика (я разумею чистую, так как остальная составляет часть физики) говорит о форме вещей, т. е. о фигуре; физика говорит о материи вещей и единственном ее состоянии, вытекающем из сочетания ее с другими причинами, а именно о движении. Ибо ум (Mens). стремясь достигнуть блага и желательного ему состояния и фигуры вещей, сообщает материи движение. Материя же сама по себе не способна к движению, и начало всякого движения есть ум, как это правильно полагал и Аристотель.

Да. наконец. Аристотель нигде, кажется, и не воображает каких-то субстанциальных форм, которые сами по себе являются причиной движения в телах, как это принимают схоластики. Он, правда, определяет природу | как начало движения и покоя и называет форму и материю • природой, причем форму более, чем материю, но отсюда еще не следует, как того хотят схоластики, что форма есть какое-то нематериальное (хотя и грубое в телах) бытие. которое само собою, без содействия внешней вещи сообщает телу движение, например камню – движение вниз. Правда, форма есть причина движения и его начало. но не первое. В самом деле, тело движется только в том случае, если будет двинуто извне, как это вполне справедливо не только говорит, но и доказывает Аристотель; например, шар. покоящийся на плоскости, во всю вечность не двинется, если не явится какой-нибудь внешний двигатель, например какое либо другое тело. И уже в случае такого столкновения это другое тело является источником сообщения движения, фигура же. в данном случае шарообразность, – источником восприятия движения, так как. если бы по свойству самого тела шарообразность отсутствовала, оно не уступило бы так легко другому. Из этого ясно, что схоластическое понятие о форме вовсе не следует из аристотелевского определения природы. Итак. я признаю, что форма есть начало движения в своем теле и что само тело есть начало движения в другом теле; но первое начало движения есть первая и реально отвлеченная от материи форма (которая есть вместе с тем и действующая причина), а именно ум. Отсюда следует, что свобода и сама произвольность (spontaneum) свойственны только уму. Итак, нет ничего абсурдного в том, что из субстанциальных форм только ум может быть назван первоначалом движения, все же остальные получают движение от ума. Пользуясь одним этим аргументом, Аристотель доходит до первого двигателя. Некоторые делают на это два возражения: во-первых, этот аргумент будто бы не имеет никакой силы по отношению к Эпикуру, который наделяет свои атомы присущим им самим по себе движением вниз. Я согласен, что этот аргумент не будет иметь для него никакого значения, если не доказать ему предварительно нелепости и невозможности того. чтобы тело получало движение от самого себя, как это и делает уже Цицерон – если не ошибаюсь, в сочине нии «О природе богов», – тонко осмеивая Эпикура за то,

что он вводит этим в свои гипотезы нечто беспричинное и бессмысленное. В самом деле, в природе вещей нет никакого «вниз» самого по себе, а только по отношению к нам, а следовательно, и нет причины, почему известное тело стало бы двигаться в ту, а не в эту сторону. Итак, отрицанию Эпикура мы легко противопоставим положение, что все движущееся движется другою, находящеюся вне его вещью, и

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org защитим подвергающуюся опасности достоверность бытия Божия. Другое возражение состоит в том, что, по-видимому, Аристотель исходил в своем заключении не столько из того положения, что начало всякого движения лежит вне движущегося тела, сколько из другого, а именно что процесс в бесконечность невозможен. Но, славнейший муж, прошу тебя, будь судьей в нашем споре и подумай внимательно, не требуется ли в данном случае соединение обоих положений? Ведь если не будет допущено, что движущаяся вещь движется отвне, то у нас не получится ровно никакого процесса, не говоря уже о процессе в бесконечность: возражающий упрется с самого начала и ответит, что данному телу совершенно достаточно его самого для того, чтобы произвести движение посредством своей субстанциальной формы, и, следовательно, нет надобности ни в каком двигателе, не говоря уже о первом. Таким образом, с отнятием первой ступени и, так сказать, фундамента рухнет тотчас и вся эта лестница. Кроме того, Эпикур допускал и процесс в бесконечность; значит, следует смотреть не столько на то, что допускал или не допускал Эпикур, сколько на то, что может быть доказано достоверным образом. Необходимо кратко коснуться аристотелевской философии и реформированной философии. У философов дело здесь обстоит так же, как и у теологов. Святые отцы объясняют св. Писание превосходными истолкованиями, а потом монахи затемняют (его) суевериями. Когда забрезжил свет ума (*orta luce animo-rum*), реформированное богословие явилось в трех видах: первое, еретическое, отвергающее сами Писания, как [произведения] фанатиков; второе, схизматическое, примиряющее древних ученых отцов церкви со св. Писанием и первоначальной церковью, как [произведением] евангелистов 3. Подобным же образом греческие истолкователи разъясняют Аристотеля, а схоластики затемняют. Когда забрезжил свет, реформированная философия явилась в трех видах: одна – нелепая, представленная Парацельсом, Гельмоитом и другими, вообще отвергающими

Аристотеля; другая – дерзкая, мало внимания обращающая на древних, даже открыто их презирающая и [потому] делающая подозрительными даже свои хорошие рассуждения, как, например, у Декарта, и, наконец, третья – истинная, признающая Аристотеля мужем величайшим, в большинстве случаев правым 4.

До сих пор я, кажется, достаточно примирил философию Аристотеля с реформированной; теперь я в кратких чертах выясню очевидную истинность самой новейшей философии. Для этого нужно доказать, что в мире не существует ничего, кроме ума, пространства, материи и движения. Умом я называю бытие мыслящее; пространство есть бытие первично-протяженное, или математическое тело, т. е. такое, которое не содержит в себе ничего, кроме трех измерений, и есть всеобщее место всех вещей. Материя есть бытие вторично-протяженное, или такое, которое кроме протяжения, или математического тела, имеет и физическое тело, т. е. сопротивление, антитипию, плотность, наполнение пространства и непроницаемость, состоящую в том, что при встрече двух таких тел либо одно из них уступает место, либо другое в свою очередь приходит в состояние покоя; из такой природы непроницаемости вытекает движение. Итак, материя есть бытие в пространстве или бытие, сопротивляющееся с пространством. Движение есть перемена пространства. Фигура же, величина, положение, число и т. д. суть не [виды] бытия (*entra*), реально отличные от пространства, материи и движения, но лишь отношения между пространством, материей, движением и их частями, созданные привзошедшим умом. Фигуру я определяю как границу протяженного, величину – как число частей в протяженном. Число я определяю так: единица + единица + единица и т. д., т. е. как совокупность единиц. Положение сводится к фигуре, так как оно есть конфигурация нескольких вещей. Время есть не что иное, как величина движения. А так как всякая величина есть число частей, то нет ничего удивительного, что Аристотель определил время как число движения.

До сих пор я объяснил только термины и указал, в каком смысле нужно их употреблять, но пока еще не доказал ничего. Докажем теперь, что для объяснения явлений мира и указания их возможных причин нет нужды предполагать что-либо, кроме ума, пространства, материи и движения, что ничего другого даже и нельзя предполо-

гать, хотя, впрочем, если мы докажем, что ничего, кроме вышеуказанного, не нужно, то отсюда само собой будет вытекать, что гипотезы новейших философов лучше, так как они ничем, кроме этих вещей, не пользуются для объяснения явлений. Ибо это недостаток гипотезы, если она делает ненужные предположения. А что все явления мира можно объяснить только из этих начал, это доста точно показывает чтение новейших философов, а также ясно и из того, что я говорил выше, доказывая возможность согласования с Аристотелем. Затем следует также заме

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
туть. что более ясные гипотезы лучше. Но человеческий ум не может представить себе ничего, кроме ума (именно когда мыслит о самом себе), пространства, материи. движения и того, что является результатом сравнения их между собою, а все, что сверх этого, – одни слова, которые можно произносить и на разные лады комбинировать между собою, но объяснить и понять которые нельзя в самом деле. разве можно представить себе бытие, не причастное ни протяжению, ни мышлению? Так зачем же предполагать души животных и растений, невещественные субстанциальные формы элементов и металлов, не при частные ни протяжению, ни мышлению? Гораздо правильнее поступили Кампанелла в книге «Об ощущении вещей и магии» и Маркус Марци в сочинении «Об идеях созидательницах». приписывая – хотя ложно, но зато совершенно согласно со своими гипотезами – этим субстанциальным формам неодушевленных вещей чувство, знание, представление и волю Подобное же видим мы и в тайной (occulta) философии Агриппы, приписывающего каждой вещи ангела как бы в качестве повитухи, и в рассуждениях Скалигера о пластической силе и ее мудрости. Таким образом, у нас будет столько же божков, сколько субстанциальных форм. а в конце концов мы дойдем и до языческого многобожия. Да и те, которые ювоят о невещественных субстанциях тела, могут объяснить свою мысль, только прибегая к сравнениям их с человеческой душой. Отсюда приписываемые этим субстанциальным формам стремления и естественный инстинкт, из природы и вытекает естественное познание; отсюда известные положения (axioma): природа не делает ничего напрасно, всякая вещь избегает своего разрушения, природа стремится к непрерывности, подобное склонно к подобному, материя стремится к более благородной форме и т. п., между тем как в действительности в природе не существует никакой

мудрости и никакого стремления, чудный же порядок ее происходит от того, что она есть Божий механизм (Horo-logium Dei). Таким образом, очевидно, что гипотезы реформированной философии имеют то преимущество над гипотезами схоластиков, что они не только не излишни, но и вполне ясны.

Остается доказать более тонким рассуждением, что при объяснении природы тел и нельзя принимать других реальностей, кроме тех, которые я назвал. Это будет произведено следующим образом. Телом обыкновенно называется то, что обладает каким-нибудь чувственным качеством; далее, из чувственных качеств многие могут быть отняты от тела, однако таким образом, что оно все-таки продолжает оставаться телом. В самом деле, известное тело, хотя бы оно и было лишено всякого цвета, запаха, вкуса, все-таки называется телом. Воздух, например, обыкновенно признается телом, хотя он и прозрачен и часто лишен всякого цвета, запаха и вкуса; равным образом воздух остается телом, когда бывает лишен и звука. Итак, следует отбросить зрительные, слуховые, вкусовые и обонятельные качества, как вовсе не входящие в природу тела. Значит, все дело сводится к осязательным качествам. При этом первичные из них. каковы теплота, влажность, сухость, холод, могут отсутствовать поодиначке: так. в воде может не быть теплоты, в земле – влажности, в воздухе – сухости, в огне – холода, однако каждое из этих тел остается телом. А что остальные осязательные качества, например гладкость, легкость, крепость и т. п. не входят в сущность тела, это признают все уже тем самым, что называют их вторичными, т. е. происходящими от других, которые с большим основанием могут считаться существенными свойствами; сверх того, каждое из них может отсутствовать в известном теле. Итак, следует отыскать такое чувственное качество, которое принадлежит всем телам, и только телам, и по которому люди, точно по примете, отличают тело от не тела. Такое именно качество мы находим в плотности, или антитипии, взятой вместе с протяжением. Ведь если люди ощущают что-нибудь как только протяженное или только видят его. они не называют это тотчас же телом, а думают иногда, что это просто призрак воображения (speciein et ^«утаецца) (хотя, собственно говоря, такое протяженное всегда есть тело и обладает антитипией, правда не доступной нашим чувствам, но все-таки постигаемой 4*

==99

разумом); если же они не только видят нечто, но и осязают его. т. е. находят в нем антитипию, то называют его телом, то же. что лишено антитипии. они не признают за тело Значит, и философы, и простые люди полагают природу тела в двух свойствах, протяжении и антитипии, взятых вместе. Первое из них мы получаем посредством зрения. второе – посредством осязания; поэтому, соединяя то и другое чувство, мы удостоверяемся обыкновенно, что данные вещи не призрак воображения. Быть протяженным – значит не что иное, как находиться в пространным; антитипия же состоит в том, что две вещи не могут находиться в одном и том же

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org пространстве и какая-нибудь из них необходимо должна двигаться или прийти в состояние покоя. Из этого ясно. что сущность тела состоит в протяжении и антитипии, и так как в вещах нет ничего без причины, то и не должно предполагать в телах ничего такого, причина чего не может быть выведена из основных свойств тел, составляющих их сущность. Причина же может быть выведена из них только посредством их определений. Следовательно, в телах нельзя предполагать ничего такого, что не вытекает из определения протяжения и антитипии. Но из них вытекают только величина, фигура. положение, число, способность к движению и т. п. (само же движение не вытекает из них. откуда следует, что тела могут получать движение только от нематериальных вещей). Отсюда ясно, что все качества и изменения должны объясняться из величины, фигуры, движения и т. д. и что теплота, цвет и т. п. суть не что иное, как тончайшие фигуры и движения.

Осмелюсь, наконец, утверждать, что мы никогда не дадим серьезного отпора атеистам, социнианам 5, натуралистам и скептикам, если не установим именно такой философии. Ее я считаю божественным даром, который дан миру в его преклонном возрасте как единственная скрижаль (*tabula*). на которой спасутся благочестивые и благоразумные люди среди катастрофы наступающего атеизма. Я же, сколь ни мало по причине недостатка времени мое знание ученых мужей, опасаясь всякий раз. когда думаю, со сколькими одаренными и одновременно совершенно безбожными людьми мне придется иметь дело. Ходит по рукам неизданная книга Бодена (о, как бы я хотел вместе с Ноде, чтобы она никогда не была издана!). пухлая, конечно, которую он назвал «Тайна возвышенных» и в которой объявил себя врагом христианской религии 6.

==100

По сравнению с ней диалоги Ванини – игрушки. Читал ее мельком и от души благодарю Бога за то, что он снабдил меня такой надежной философией (в которой было бы неблагодарностью отрицать, сколь многим я обязан тебе), благодаря которой я отразил ее, [книги], стрелы. Достоин всяческой похвалы труд Кл Спицелия, который он употребил на искоренение атеизма. Письмо его об этом предмете, выпущенное в последние девять дней, надеюсь, ты увидишь Узнай же, какое отношение имел к нему я некогда на досуге, находясь на постоялом дворе, я написал работу размером около двух листов, в которой более тщательно, чем обычно, рассуждал о доказательстве бессмертия души и существования Бога. Я сообщил их одному другу Через него они попали в руки преподобного ф Спенера, франкфуртского пастора, при этом автор, разумеется, остался скрытым Спенер передал Спицелию; Спицелий присоединил [ее] под названием «Свидетельство природы против атеистов» к концу своего недавнего послания об искоренении атеизма к Ант. Рейзеру. Но я не одобряю, а, напротив, искренне скорблю о том, что этот отрывок был напечатан с множеством ошибок; прежде всего сорит, в котором я пытался доказать бессмертие души, вследствие изменения начальных строк совершенно искажен Спицелий заявляет, что он не знает автора 7 Я ожидаю суждения о самом способе доказательства. Не похвалы жажду я. но оценки, поскольку для религии важна не поверхностная защита. Иногда все же мне кажется, что я гораздо преуспел и в той и в этой [защите] 8 ибо там, конечно, нельзя прочесть о том, что я с того времени открыл о постоянном творении в движении и внутренней природе мыслящего существа (*entis cogitantis*) или духа (*mentis*).

Я писал тебе когда то о товариществе, которое намеревались создать некоторые немцы Об этом немец кая книга объемом в несколько листов, изданная книгопродавцем Гезием под эгидой филладельфийского братства Видится мне сладкий сон, что это вроде общества розенкрейцеров Ваш Шурцфлейш вызвал удивительно большое смятение на Парнасе. Очень хотелось бы мне знать, что думают у вас великие мужи. на которых он надеется выехать, об этом экземпляре Боклер грозит ему с кафедры Автор политического описания путешествия, которое выходит ныне. несомненно, тот самый бургундский комментатор на орудие мира Изумляюсь дерзновенности мужа

==101

Мне остается прибавить, славнейший муж, что потому так пространно изложил тебе все мои размышления, что не знаю более сведущего и беспристрастного судьи в этих вещах. Ты проник во все уголки древних и не пренебрегаешь новыми открытиями, когда они того стоят; ты лучше всех можешь объяснить древних и подвергнуть критике новейших философов. Ты вполне правильно полагаешь, что когда появляются новые взгляды, то, если даже их истина доказана очевиднейшим образом, все-таки

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org не следует по возможности отступать от общепринятых выражений, хотя бы они принадлежали и схоластикам.

Благоденствуй же. украшение отечества, и не прекращай своих блестящих трудов (весьма многие из которых и задуманы, и исполнены с редким талантом), но выпускай их в свет.

==102

СУЩЕСТВУЮТ ДВЕ СЕКТЫ НАТУРАЛИСТОВ...

Существуют две секты натуралистов, которые ныне пользуются известностью и которые ведут свое происхождение от античности: одна из них обновила учение Эпикура, другая по существу повторяет взгляды стоиков. Первые считают, что всякая субстанция, включая душу и даже самого Бога, является телесной, иначе говоря. состоит из материи, или протяженной массы. Отсюда следует, что никакого всемогущего и всеведущего Бога не может быть, ибо каким образом тело могло бы влиять на все, не подвергаясь в свою очередь воздействию всего и не разрушаясь? Это хорошо понял некто Ворстий. когда он отказал своему Богу во всех тех великих качествах, коими обыкновенно наделяют своих богов другие люди. Кое-кто уверовал, что солнце, которое, по свидетельству наших чувств, безусловно, является самым могучим из всех зримых вещей, и есть Бог; но они не знали, что такими же солнцами являются все неподвижные звезды и, следовательно. одно не может все видеть и все сотворить. Всякое тело тяжеловесно и оказывает сильное действие, если оно больших размеров, или слабое, если оно невелико; если же, невзирая на малый вес, оно обладает большой мощностью (как, например, порох, употребляемый в артиллерии), то в момент действия оно разрушается. Вот почему тело не может быть Богом. Оттого в былое время Эпикур, а в наши дни Гоббс, утверждая, будто все вещи материальны, ясно показали, что если следовать их взглядам, то никакого провидения не существует.

Секта новоявленных стоиков считает, что бестелесные субстанции существуют, что человеческие души не являются телами, что Бог это душа или, если угодно, высшая мировая сила (*puissance*), даже, если хотите, причина самой материи, но в то же время существует некая слепая необходимость, которая направляет его действия; поэтому-

==103

де Бог играет в мире такую же роль, как пружина или гиря в часах. Они утверждают, что машинообразная необходимость свойственна вещам, что свое действие вещи оказывают по принуждению, а не по разумному волеизъявлению этого божества, так как, собственно говоря, Бог не обладает ни разумением (*entendement*), ни волей: это качества, присущие людям; что все вещи. какие только возможны, сменяют друг друга в соответствии со всеми теми многообразиями, на какие способна материя; что не следует отыскивать конечные причины; что нельзя быть уверенным ни в бессмертии души, ни в будущей жизни; что по отношению к Богу не существует справедливости: он сам своим определением решает, что есть добро и справедливость, и, значит, не нарушает справедливости, делая невинных несчастными. Таким образом, эти господа допускают существование провидения лишь на словах, что же касается практических следствий и правил, как нам следует вести себя в жизни, то тут все сводится к учению эпикурейцев, т. е. к тому, что высшее счастье состоит в покое и довольстве жизнью такой, какова она есть, и другого быть не может, так как бессмысленно противоборствовать вихрю вещей, не удовлетворяясь тем, что является незыблемым. Если бы они знали, что все вещи подчинены строгому порядку ради общего блага и ради частного благосостояния тех, кто умеет пользоваться этим порядком, они не приравнивали бы счастье к простому терпению. Я знаю, их фразы не похожи на те, которые я сейчас привел, но если вникнуть в суть их взглядов, то со сказанным мною можно согласиться. Это по существу взгляды Спинозы, и есть немало людей, которым кажется. что и Декарт придерживался того же мнения. Без сомнения, он навлек на себя немалые подозрения тем, что отказался от поиска целевых причин, утверждая, что нет ни добра, ни справедливости, ни даже истины, кроме той, которую установил абсолютным образом Бог. и, более того, проронив замечание (правда, мимоходом) о том, что любые возможные разновидности материи последовательно сменяют друг друга.

Если обе эти секты – эпикурейцев и стоиков – угрожают благочестию, то секта

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org сторонников Сократа и Платона, которая отчасти, как мне кажется, опирается на Пифагора, напротив, гораздо более согласуется с требованиями благочестия. Достаточно прочесть восхитительный диалог Платона о бессмертии души¹. чтобы убедиться, что

==104

в нем содержатся мысли, совершенно противоположные взглядам наших новейших стоиков. Перед тем как выпить роковую чашу, Сократ говорит в нем об истинном смысле своей смерти. Он утешает опечаленных друзей, возбуждая в них вместо скорби восхищение своими удивительными умозаключениями, и возникает впечатление, что, прощаясь с этой жизнью, он готовится вступить в другую, чтобы наслаждаться там счастьем, предуготованным для высоких душ. Я верю, говорит он, что, уходя отсюда, я встречу там людей лучших, чем здесь; в крайнем же случае я уверен, что увижу богов. Он высказывает мнение, что целевые причины являются главными в физике и что искать их нужно для объяснения смысла и основания (raison) вещей. Смеясь над Анаксагором, он словно смеется над нашими нынешними физиками. Все, что он говорит по этому поводу, заслуживает внимания.

«Однажды, – говорит он, – я слышал, как кто-то читал книгу Анаксагора, где есть слова о том, что причина (cause) всех вещей – некое разумное существо и оно-то их устроило и украсило. Мне это необыкновенно понравилось, ибо я полагал, что ежели мир есть произведение разума (intelligence), то не в нем сотворено наиболее совершенным образом, какой только возможен. Поэтому я считал, что тот, кто захотел бы понять, по какой причине вещи возникают и гибнут или же пребывают, должен был бы искать то, что отвечает представлению о совершенстве каждой вещи. Человеку, таким образом, надлежит изучать в себе самом или в какой-либо иной вещи не что иное, как то, что является наилучшим и наиболее совершенным. Ибо тот, кто познал бы наиболее совершенное, легко мог бы судить на этом основании о том, что является несовершенным, так как знание о том и другом одно и то же. Принимая во внимание все это, – продолжает Сократ, – я мечтал найти учителя, который сумел бы растолковать основания вещей, например объяснил бы, какую форму имеет земля – круглую или плоскую – и почему ей лучше быть именно такой, а не другой. И еще мне хотелось бы, чтобы, ответив на вопрос, находится ли земля в центре универсума или нет, он объяснил бы мне, почему именно такое положение является для нее наиболее подходящим. И чтобы он дал мне такие же разъяснения относительно солнца, луны, звезд, а также их движений. И наконец, показав все. что наиболее подходит для каждой вещи. пусть он затем покажет мне, в частности, то, что

==105

является наилучшим вообще. Преисполненный такой надежды, я поскорее взял произведения Анаксагора и пересмотрел их. однако мои ожидания далеко не оправдались. С удивлением обнаружил я, что он отнюдь не пользуется представлением о высшем направляющем разуме. на который он сослался вначале, что он больше не говорит ни о красе, ни о совершенстве вещей, а вводит какие то маловероятные эфирные вещества. Тем самым он уподобляется тому, кто сначала, например, сказал бы, что Сократ во всем руководствуется разумом, а потом, когда понадобилось бы объяснить конкретно мотивы его поступков, заявил бы, что он-де потому сидит здесь, что его тело состоит из костей, плоти и жил, что кости твердые, однако имеют промежутки или сочленения, а жилы могут натягиваться или расслабляться, что все это придает телу гибкость, и вот, дескать, по этой причине и сидит. Или, желая объяснить причину этой сегодняшней беседы, стал бы ссылаться на воздух, на голосовые связки, органы слуха и тому подобные вещи. совершенно упустив из виду подлинные причины, а именно то, что афиняне сочли для себя выгоднее осудить меня, нежели оправдать, а я предпо чел остаться и сидеть здесь, нежели спастись бегством. Не то, клянусь, эти кости и эти жилы давно нашли бы убежище у беотийцев и мегарцев, если бы я не рассудил, что честнее и благороднее будет для меня принять казнь, которую пожелало назначить мне отечество, чем вести на чужбине жизнь изгнанника и скитальца. Вот почему противно разуму считать за причину эти жилы и кости с их движени ями. Конечно, если кто-нибудь скажет, что без жил и костей я не мог бы осуществить все это. он будет прав. но одно дело – истинная причина, а другое – условие, без которого эта причина не могла бы стать причиной Люди. которые, допустим, заявляют, что круговращение тел – это и есть то, что удерживает землю в том положении. в котором она находится, забывают, что божественная власть располагает куда более изящным способом; эти люди не понимают, что благо и

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
красота – вот что по настоящему скрепляет, образует и поддерживает мир» Вплоть до этого места Платон повторяет слова самого Сократа, но то, что следует далее об идеях или формах. хотя и не менее великолепно, является несколько более трудным для понимания.

==106

ПИСЬМА К ГОББСУ

Именитейший муж!

Когда недавно из письма одного друга, посетившего Англию, к величайшей моей душевной радости, я узнал, что Ты в столь преклонном возрасте благополучно здравствуешь, то не мог не обратиться к Тебе с письмом; и, если это сделано несвоевременно. Ты сможешь наказать меня молчанием, а мне будет достаточно того, что я засвидетельствовал свои чувства.

Твои сочинения, как изданные в отдельности, так и собранные вместе, я прочитал, надеюсь, почти все и почерпнул в них сточько поучительного, сколько в немногих других книгах нашего века. Не в моем обычае льстить, но все, кому довелось ознакомиться с Твоими трудами в области гражданских учений (*in civili doctrina*), вместе со мной признают, что ничего нельзя прибавить к их замечательной, при такой краткости, убедительности; ничто не может быть более законченным и полезным практически. чем содержащиеся в них определения. Выведенные из них теоремы некоторых затрудняют; есть и такие, кто злоупотребляет ими до сумасбродства, что происходит. как я полагаю, по большей части из непонимания их разумного применения. Таковы, например, общие законы движения: ничто не начинает двигаться, не восприняв движения от другого тела; сколь угодно большое тело может быть выведено из состояния покоя сколь угодно малым легчайшим движением и пр. – если кто попытается применить это к наблюдаемым явлениям вдруг, не показав предварительно, что большая часть тел. кажущихся неподвижными, нечувствительно движутся, то вызовет насмешки даже у непросвещенной толпы. Подобным же образом, кто приложит доказанные Тобой положения о государстве ко всем сообществам, носящим в просторе-

==107

чи это название. Твои атрибуты высшей власти – ко всем притязующим на титул царя, принца, монарха, величества. Твои положения о высшей свободе в естественном состоянии – ко всем гражданам различных государств, вступающим в какие-либо деловые взаимоотношения, тот, насколько я могу предположить и по твоему суждению, впадает в большую ошибку. Я знаю, что есть на свете много республик, которые представляют собой не единое государство, а конфедерацию нескольких, много монархов по титулу, которым прочие никогда не подчиняли свою волю; и Ты не отрицаешь, что в предположении существования Владыки мира не может быть никакого вполне естественного состояния людей вне всякого государства, раз Бог – общий Монарх для всех: поэтому не правы те, кто вменяет в вину Твоим положениям вольномыслие и нечестие. Я всегда понимал Тебя так, как сказано выше, и признаюсь, что почерпнул у Тебя яркий свет для осуществления задуманного мною вместе с одним другом труда по рациональной юриспруденции. Когда я увидел, с какой невероятной тонкостью и с какой ясностью выражения, весьма близкой к Твоей, римские юристы выработывали свои ответы, сохраненные в Пандектах¹; когда я обнаружил, что многие из этих ответов возникли почти полностью как развитие положений естественного права, а остальные выводились с тою же последовательностью из немногих оснований, хотя и произвольных, но по большей части извлеченных из государственной практики; короче говоря, когда я делал первые шаги в юриспруденции, уже по исходе квадривия², я обдумывал, каким образом можно было бы уложить в кратчайшие слова (по образцу древнего непрерывного Эдикта³) элементы права, содержащегося в Римском правовом корпусе, с тем чтобы из них затем вывести и как бы доказать все его законы. Хотя сюда присоединится также, особенно в императорских рескриптах, многое, что не войдет в состав чистого естественного права, однако это будет отчетливо отличаться от прошлого и уравнивается множеством остальных законов; тем более что, как можно смело утверждать, половина римского права принадлежит чистому естественному праву, и общеизвестно, что почти вся Европа пользуется этим правом и оно нигде не оспаривалось открыто в местных обычаях.

Однако эти занятия, сложные, признаюсь, и утомительные, я перемежаю с другими,

==108

время от времени к некоторым размышлениям о природе вещей, хотя и попадаю при этом как бы в чуждый мне мир. Приходилось мне иногда думать и об отвлеченных законах движения, и заложенные Тобой в этой области основания меня удивительно прельщают; я вполне согласен с Тобой, что тело воспринимает движение только от смежного движущегося тела; что движение, раз начатое, длится, пока не встретит препятствия. Но кое-что, признаюсь, меня затруднило, особенно же то, что я не нашел доведенной до ясности причины устойчивости, или, что то же самое, сцепления в вещах. Ибо если единственная причина этого, как Ты, по-видимому, намекаешь в некоторых местах, — реакция, тогда как реакция — это движение, противоположное натиску, а натиск не производит своей противоположности, то будет также и реакция без натиска. И реакция — это движение частей тела от центра к периферии, но это движение не встречает препятствий, и, таким образом, части должны будут выходить, покидая тело, которому они принадлежат, что противоречит опыту; или же возникнет препятствие, и тогда движение реакции прекратится, если только его не восстановит внешнее воздействие, которое невозможно найти в каких-либо общих условиях. Не говорю уже о том, что едва ли возможно объяснить, по какой причине каждое тело в любой различимой точке обнаруживало бы устремление от центра к периферии, а также каким образом одна только реакция вещи, испытавшей удар, вызывает то, что большему натиску падения соответствует большее оказываемое отражение, тогда как здравому смыслу соответствовало бы, чтобы большее падение уменьшало реакцию. Но эти мои мелкие сомнения, может быть, проистекают от того, что я Тебя недостаточно понял. Я полагал бы, что для сцепления тел достаточно стремления частей друг к другу, т. е. движения, при котором одна часть давит на другую. Вещи, которые давят одна на другую, стремятся ко взаимопроникновению. Стремление — начало, проникновение — единство. Итак, они находятся в начале соединения. А если вещи находятся в начале соединения, то их начала или окончания составляют одно. Вещи, окончания которых составляют одно (та $\acute{\epsilon}\sigma\tau\alpha\tau\alpha\ \epsilon\nu$), по определению Аристотеля 4, находятся уже в состоянии не смежности, а непрерывности и составляют единое тело, движимое единым движением. Ты легко поймешь, что эти соображения, если есть в них что-нибудь правильное, затрагивают

==109

многое в теории движения. Остается показать, что вещи, давящие одна на другую, находятся в состоянии попыток к взаимопроникновению. Давить означает стремиться занять место другого тела, там находящегося 5. Стремление (*conatus*) есть начало движения. Следовательно, начало нахождения в том месте, куда тело стремится. Находиться в месте, где находится нечто другое, — значит проникнуть в это другое. Следовательно, давление есть стремление к проникновению. Но ты, ученейший муж, равного которому в проверке доказательств нелегко найти, рассудишь все это тщательнее. Что Ты думаешь о теоремах достославных Гюйгенса и Рена касательно движения? И о Месолабе ученейшего Слусия?

Добавлю, что пришло на память о происхождении источников. Твое и остроумнейшего Исаака Фоссия мнение, что они возникают из накопления дождевой воды или снега в горных пещерах, конечно, справедливо, допускаю, для большей их части, но не для всех, в подтверждение чего приведу следующий опыт, наблюдавшийся недавно неподалеку от Майнца. Владелец одного поместья задумал расчистить найденный там источник. Он распорядился убрать с этого места весь ил. Под ним оказался песок без каких-либо признаков влажности, а источник вовсе исчез. На утро окружающее место было наполнено испарениями, поднимавшимися из песка, а когда ил был возвращен на прежнее место и уплотнен, источник вновь появился. Это, по-видимому, подтверждает мнение прославленного среди химиков Василия Валенти-ни, что и источники, и металлы, и минералы рождаются из испарений и дымов, поднимающихся из глубин земли; эти испарения для поддержания природного кругооборота через воздух (получающий их непосредственно) и море (получающее их из источников) орошают землю и, таким образом, возвращаются к своей матери, насытившись предварительно солнечной серой, чтобы некогда, подвергшись в недрах земли новой реакции или взрыву, подняться к солнцу.

Об остальном хотелось бы надеяться на появление после Твоих изданных трудов какого-нибудь дополнения, содержащего Твои размышления. Не сомневаюсь, что после стольких новых опытов, выполненных в последние годы выдающимися учеными вашей и

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
других стран, у Тебя есть по поводу многих из них продуманные соображения,
сохранить которые важно для человечества. Если бы Ты

==110

высказался еще раз более обстоятельно о природе ума! Хотя Ты правильно определил сознание как длящуюся реакцию, однако, как я уже говорил ранее, в природе чисто телесных вещей не существует действительно неослабевающей реакции: длится она только для ощущения, а в действительности она прерывна и все время повторно возбуждается чем-то внешним. Так что я опасаюсь, как бы, все взвесив, не пришлось сказать, что у животных нет подлинного сознания (*sensio vera*), а только кажущееся, подобное кажущейся боли кипящей воды и что подлинное сознание, которое мы наблюдаем в себе, невозможно объяснить только движением тел. Тем более что положение, которым Ты часто пользуешься, – всякий двигатель есть тело, – насколько мне известно, никогда не было доказано.

Но до каких пор я буду обременять Тебя своими безделицами? В заключение добавлю только одно: я всегда говорю друзьям и, Бог даст, всегда буду утверждать публично, что не знаю никого, кто писал бы по философским вопросам законченное, яснее и убедительнее, чем Ты, не исключая даже самого божественно гениального Декарта. И я сердечно желаю, чтобы Ты завершил то, что Декарт только попытался сделать, и содействовал счастью человеческого рода, укрепив надежду на бессмертие, что Ты можешь сделать, как никто из смертных. Да сохранит Тебя для этого Бог на долгие годы. Будь здоров и ко мне благосклонен.

Майнц, 13/22 июля 1670 г.

==111

СЛАВНЕЙШЕМУ МУЖУ ТОМАСУ ГОББСУ ГОТФРИД ВИЛЬГЕЛЬМ ЛЕЙБНИЦ

Не столько удивишься Ты, Достославнейший муж, тому, что к тебе, человеку изысканнейшей любезности обращается незнакомый, сколько тому, что так поступает не известный Тебе ничем другим автор этого письма. которое не могу не признать грубым и недостойным Тебя; добавлю, написанным поспешно, как подтвердит его податель, превосходный человек, который, проживая в Париже некоторое время в той же гостинице, что и я, накануне своего отъезда за обедом спросил меня, нет ли у меня чего-нибудь для передачи Тебе – ибо уже и раньше Твое имя часто упоминалось в наших разговорах с тем уважением, которое подобает Твоим достоинствам. Этот вопрос как бы подстегнул меня, тем более что он говорил мне, что уже с давнего времени знаком с Тобой, и я не медленно же устремился написать Тебе. Суди об этом как угодно, но если Ты и отвергнешь мое знакомство, то не избежишь моего преклонения.

Давно уже я перечитываю Твои сочинения, достойные века, достойные Тебя, который первым осветил яркими лучами гражданской науки (*scientia civilis*) тот правильный способ рассуждения и доказательства, который древние предвидели как бы сквозь туман Но в книге «О гражданине» Ты, можно сказать, превзошел самого себя, проявив такую силу мысли, такую основательность суждений, как будто не излагаешь науку, а вещаешь прорицания Меня не утешают парадоксы и не увлекают приманки новизны, и я счел, что предприму бесполезный труд, если попытаюсь коренным образом исследовать внутреннюю ткань твоего учения, ибо мне несвойственно возражать на заключения, пренебрегая доказательствами которыми их подкрепляет автор.

Начиная книгу с рассмотрения человеческой природы

==112

Ты говоришь, что человеку не менее, чем животному, свойственно стремление захватить все встретившееся ему, что, как он надеется, может удовлетворить его потребности, и что эту надежду обуздывает только страх, который внушают силы других устремляющихся на то же самое. Установив, что каждый имеет право на то, что представляется ему необходимым для обеспечения его безопасности, и что каждый является судьей своих надобностей, Ты легко пришел к выводу, что следствием такого положения вещей будет справедливая война всех против всех. Но так как в этом взаимном смертоубийстве силы уравнивались тем обстоятельством, что и самый сильный мог быть убит самым слабым, то возникли поиски мирного

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
соглашения До сих пор у меня нет возражений; не буду говорить о том, что лучше переносить обиды в этой жизни, чем отражать их с ущербом для жизни будущей, и не буду повторять других возражений, выдвинутых против Тебя богословами и юристами: я хорошо понимаю, что Твои доказательства, как в геометрии, имеют общий, отвлеченный от материи характер и что поэтому, предоставляя каждому право делать все ради самосохранения. Ты не отрицаешь, что если есть некий Всемогущий, если есть будущая жизнь, предназначенная для воздаяния, то не столько отменяется справедливость Твоих теорем, сколько устраняется их применения; ибо в этих условиях благополучие каждого состоит в ожидании лучшей жизни и справедливым будет все, что представляется каждому способствующим получению ее в удел; наконец, и защита нынешней жизни не возбраняется божественным правом, хотя она и перестает быть высшей ценностью.

Итак, исследованию теперь подлежит вопрос, каким образом можно укрепить достигнутый мир, ибо если он ненадежен, то остается состояние войны и право для каждого упредить возможного противника. С этой целью, говоришь Ты, изобретены государства, которые по общему соглашению большинства вооружены и могут всем обеспечить безопасность. Но хотя Ты, по-видимому, утверждаешь, что все право передано подданными государству, однако в другом месте Ты правильно признаешь, что и внутри государства сохраняется право защищать себя, если угрожает гибель либо в государстве, либо со стороны самого государства; так, если кому по приказу властителей угрожает казнь, то он имеет право все ниспровергнуть ради своего спасения, но прочие в силу первичного договора

==113

обязаны покоряться правителям. Но прошу Тебя, до-стославнейший муж, скажи, не признаешь ли Ты, что в государстве, так же как и в том первобытном состоянии, которое Ты называешь естественным, обоснованное предвидение огромной опасности является справедливой причиной для предотвращения зла. И если неопровержимо явствует, что подвергаются преследованию невинные, если непрерывно свирепствует произвол тирании, то Ты, полагаю, признаешь, что, и согласно предписаниям Твоей философии, те, кто стоит перед этой опасностью, вправе вступать в заговоры. И я вполне согласен с тобой, что простой народ поступит правильно, если ради достойной жизни без страха пожертвует своим покоем, повинувшись чувствам негодования, сожаления и другим душевным движениям. Поэтому итог всего, что Ты говоришь о верховной власти, по-видимому, сводится к следующему: в государстве не так легко и не при столь маловесных подозрениях может нарушаться договор, ибо он предоставляет большую безопасность. Но еще гораздо большим было терпение древних христиан, которые относились к государству с каким-то, сказал бы я, непотворением б.

==114

О ПЕРВОЙ МАТЕРИИ

Первая материя Аристотеля – то же самое, что тонкая (*subtilis*) материя Декарта. И та и другая делимы до бесконечности. И та и другая сами по себе лишены формы и движения, и та и другая получают форму через движение. И та и другая воспринимают движение от духа (*mente*). И та и другая образуют некие вихри, и не большая твердость (*soliditas*) вихрей у Аристотеля, чем у Декарта. Каждому вихрю движение сообщает твердость, ибо ничто его не нарушает, хотя сам Декарт не указал на эту причину твердости. Каждый вихрь через сообщенное вследствие непрерывности материи движение распространяет действие на другой вихрь. Ибо и Аристотель, так же как Декарт и Гоббс, из одного только движения всеобщих вихрей выводит все частное. Поэтому Аристотель наделил [разумными духами, или] интеллигенциями (*intelligentias*) только главные вихри, так как от схождения этих вихрей происходят действия прочих. Ошибся Аристотель в том, что сделал землю центром мира и всех вихрей. Но это можно ему простить, ибо философия еще не располагала достаточным материалом наблюдений.

К этому я присоединяю, что первая материя, если она находится в покое, есть ничто. Это означает то же, что смутно выразили некоторые схоластики: первая материя получает существование от формы. Это может быть доказано. То, что не ощущается, есть ничто. Но в чем нет никакой изменчивости, то не ощущается. Подобным образом: если первая материя движется однообразно, т. е. по параллельным прямым, то она находится в покое, и, следовательно, она есть ничто. Всеобщность заполнена, ибо первая материя и пространство – одно и то же. Итак,

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
всякое движение круговое, или составлено из круговых, или во всяком случае замкнутое. Множественные кругообращения противостоят друг другу, т. е. воздействуют

==115

друг на друга. Множественные кругообращения стремятся сойтись воедино, т. е. все тела стремятся к покою, т. е. уничтожению. Если бы тела были лишены духа, то движение не могло бы быть вечным. Из столкновения всеобщих кругообращений происходят частные, т. е. тела. Материя актуально (actu) делится на бесчисленные части. В любом данном теле содержатся бесчисленные творения. Все тела между собой связаны. Все тела ото всех могут быть отодвинуты, но не без сопротивления.

Нет никаких атомов, т. е. тел, не делимых на части. Есть два исходных начала, которые изменяют движение: сложение устремлений и сложение 2...

ЕСТЬ СОВЕРШЕННЕЙШЕЕ СУЩЕСТВО

Совершенством я называю каждое простое качество, которое является положительным и абсолютным, т. е. без каких-либо ограничений выражает то, что оно выражает.

Будучи простым, качество такого рода неразложимо и неразграничимо, иначе оно или не будет единым простым качеством, а будет соединением многих, или, если будет единым, будет ограничено пределами, и поэтому его можно будет понять только через отрицание дальнейшего усиления, что против предположения, ибо это качество мы предположили чисто положительным.

Из этого нетрудно показать, что все совершенства совместимы между собой, т. е. могут принадлежать одному и тому же субъекту.

Действительно, если есть предложение такого рода: А и В несовместимы (понимая под А и В две такие простые формы или совершенства (то же самое будет, если их несколько вместе)), то очевидно, что оно не может быть доказано без разложения терминов А и В – одного или обоих, – иначе их природа не могла бы войти в рассуждение и несовместимость была бы доказана одинаково и об этих, и о любых других вещах. Но по условию они неразложимы. Следовательно, данное предложение не может быть доказано.

Но оно могло бы быть доказано, если бы было истинным, ибо оно не самоочевидно, а все истинные предложения либо доказуемы, либо самоочевидны. Следовательно, это предложение не истинно...

И так как это же рассуждение можно отнести к любым

==116

другим качествам того же рода, то все совершенства совместимы.

Следовательно, возможно (т. е. может быть постигнуто) нечто, обладающее всеми совершенствами, т. е. Совершеннейшее Существо.

Отсюда явствует, что оно существует, так как в числе совершенств содержится и существование 2.

[То же самое можно показать и о формах, составленных из абсолютных, если только они возможны.]

Я показал это рассуждение г-ну Спинозе, когда был в Гааге, и он нашел его основательным. Ибо, когда он сначала возражал, я изложил это письменно и прочитал ему эту записку.

Схолия. Рассуждение Декарта о существовании Совершеннейшего Существа предполагает, что Совершеннейшее Существо мыслимо, т. е. возможно. Если положить, что такое понятие мыслимо, то отсюда непосредственно следует, что такое Существо существует, ибо мы помыслили его таким, что существование входит в содержание этого понятия. Но спрашивается, в нашей ли возможности помыслить такое Существо, т. е. входит ли такой признак в понятие вещи и можно ли его помыслить ясно и отчетливо без противоречия? Противники скажут, что такое

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
понятие Совершеннейшего Существа, т. е. Существа, существующего по своей
сущности, – это химера. И недостаточно будет Декарту сослаться на опыт и заявить,
что он мыслит это ясно и отчетливо: это значит отказаться от доказательства, а
не представить его, пока он не предложит способа, посредством которого и другие
могли приобрести такой опыт; ибо всякий раз, когда мы доказываем что-либо
ссылкой на опыт, мы должны и другим также указать способ произвести такой же
опыт, если хотим убедить одним только своим авторитетом.

==117

КРАТКОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ПРИМЕЧАТЕЛЬНОЙ ОШИБКИ ДЕКАРТА И ДРУГИХ, ОТНОСЯЩЕЙСЯ К
ВВОДИМОМУ ИМИ И ПРИМЕНЯЕМОМУ В МЕХАНИКЕ ЕСТЕСТВЕННОМУ ЗАКОНУ, СОГЛАСНО КОТОРОМУ
БОГ ХРАНИТ ВСЕГДА ОДНО И ТО ЖЕ КОЛИЧЕСТВО ДВИЖЕНИЯ

Многие математики, видя, что во всех пяти простых машинах скорость и груз
взаимно уравниваются, вообще оценивают движущую силу по количеству
движения, т. е. по произведению от умножения тела 2 на его скорость. Или,
выражаясь более геометрически, они говорят, что силы двух тел (одного и того же
вида) 3 , приведенных в движение и воздействующих как своей массой, так равно и
движением, относятся как произведения тел. или масс, на их скорости И так как
требованиям разума соответствует, что в природе сохраняется одна и та же сумма
производящей движение энергии 4 , и она ни уменьшается (ибо мы видим, что никакая
сила не может быть потеряна каким либо телом, иначе как перейдя к другому), ни
увеличивается (ибо никакая машина, а следовательно, и весь мир в целом не может
получить приращение силы без нового внешнего импульса), то отсюда и понятие, что
Декарт, который считал эквивалентными движущую силу и количество движения,
выдвинул положение, что Бог сохраняет одно и то же количество движения в мире

Чтобы покачать, насколько различны эти две вещи. я устанавливаю, во первых, что
тело, падая с определенной высоты, приобретает силу подняться снова на ту же
высоту, если ему задано соответствующее направление и нет препятствий извне;
например, маятник поднялся бы на такую же точно высоту, с которой началось его

==118

движение, если бы некоторую часть его силы не поглотили сопротивление воздуха и
тому подобные слабые препятствия, от которых мы здесь можем мысленно отвлечься.
Во вторых, я устанавливаю, что для поднятия те та A (фиг 1) 5 весом в один фунт
на высоту CD , равную четырем локтям, нужна такая же сила. как и для поднятия
тела B весом в четыре фунта на высоту EF , равную одному локтю. Все это принимают
без возражений картезианцы, равно как и прочие философы и математики нашего
времени. Отсюда следует, что тело A , снизившись с высоты CD . приобрело точно
столько же силы, сколько тело B , снизившись с высоты EF , ибо тело $[A]$, придя в
своем снижении из C в D , имеет здесь силу 7 снова подняться до C . согласно
положению (1). т. е. силу поднять тело в один фунт, а именно само себя, на высоту
четырёх локтей Подобным образом и тело $[B]$, после того как. снижаясь, пришло из
 E в F , имеет здесь силу снова подняться до E . согласно положению (1), т. е. силу
поднять тело в четыре фунта, а именно само себя на высоту одного локтя.
Следовательно, по положению (2), сила тела $[A]$, находящегося в D , и сила тела
 $[B]$, находящегося в F , равны между собой

Рассмотрим теперь, остается ли одним и тем же в обоих случаях количество
движения Против ожидания здесь обнаружится величайшее различие. Покажу это так
Галилей доказал, что скорость, приобретаемая при снижении CD , вдвое больше
скорости, приобретаемой при снижении EF Помножим тело A , которое пропорционально
 1 . на его скорость, которая пропорциональна 2 ; произведение, т. е. количество
движения, будет пропорционально 2 ; помножим теперь тело B . которое
пропорционально 4 , на его скорость, которая пропорциональна 1 . – произведение. т
е. количество движения, будет пропорционально 4 Итак. количество движения,
принадлежащее телу $[A]$ в положении D , составляет половину количества движения,
принадлежащего телу $[B]$ в положении F ; а между тем силы, найденные несколько
выше. оказались в обоих случаях равны Таким образом, есть большое различие между
движущей силой и количеством движения, и нельзя оценивать одно по другому, что
мы и ставили целью показать Отсюда очевидно, что сила должна оцениваться по
количеству производимого ею действия, например по высоте, на которую она может
поднять тяжелое тело данной величины и вида, но не по скорости, которую она

==119

может сообщить телу. Так, для придания одному и тому же телу двойной скорости нужна не двойная, а большая сила. Никто не станет удивляться, что в простых машинах – рычаге, вороте 9, блоке, клине, винте и им подобных – возникает равновесие, когда величина одного тела возмещается скоростью другого, обусловленной устройством машины, т. е. когда величины тел (предполагаемых телами одного и того же вида) обратно пропорциональны их скоростям, так что с обеих сторон возникало бы одно и то же количество движения. Здесь получается, что в какую бы сторону от положения равновесия мы ни допустили отклонение, количество действия, т. е. величина поднятия или опускания, останется тем же. Таким образом, здесь случайно оказывается, что сила может быть оценена по количеству движения. Но возможны другие случаи, в которых то и другое не совпадают, каков и случай, приведенный выше.

Остается добавить, что наше доказательство как нельзя более просто, и странно, что оно не пришло на ум ни самому Декарту, ни ученым картезианцам. Но его самого ввело в заблуждение чрезмерное доверие к собственному разуму, а его последователей – к чужому. Действительно, Декарт, по свойственной великим мужам слабости, постепенно приобрел некоторую самонадеянность, и многие картезианцы, боясь, стали подражать презираемым ими перипатетикам и усвоили обычное вместо здравого разума и рассмотрения природы вещей искать истину только в книгах учителя.

Итак, следует сказать, что силы относятся как произведения тел 10 (одного и того же удельного веса или плотности) и высот подъема, производящих скорость, т. е. таких, при которых эти скорости могли бы быть приобретены; или, шире (ибо иногда еще нет налицо какой-либо скорости), высот, могущих быть достигнутыми, а вообще не самих скоростей, хотя это на первый взгляд кажется более вероятным и многим так показалось, что и породило много ошибок, которые обнаруживаются в математико-механических сочинениях досточтимых отцов Гонората Фабри и Клавдия Дешаля, а также Йог. Альф. Борелли и других выдающихся исследователей в этой области. Этим же, как я полагаю, объясняется, что недавно многие ученые подвергли сомнению вполне основательное правило Гюйгенса, касающееся центра колебаний маятника.

==120

ПРИЛОЖЕНИЕ
(из рукописи Королевской библиотеки в Ганновере)

Требуется показать, что одна и та же энергия потребна для поднятия одного фунта на два фута и для поднятия двух фунтов на один фут.

Это положение не только допускают, но и последовательно применяют и признают как общий принцип Декарт в Посланиях и в кратком трактате о механике, который и включается в Послания, и издан отдельно; Паскаль – в трактате о равновесии жидкостей; англичанин Самуэль Морланд (изобретатель Стенторовой трубы 12) – в недавно изданном Гидравлическом трактате и один ученый-картезианец, который пожелал ответить на мое антикартезианское доказательство 13, хотя и недостаточно правильно воспринятое, – в Батавских ученых записках, изыскав некие новые ухищрения (чтобы не упоминать здесь других философов как картезианского, так и иных направлений). Поэтому я с полным основанием могу исходить из этого положения, чтобы опровергнуть картезианский закон природы.

Подтверждают это положение также общеизвестные пять простых механических приспособлений: рычаг, ворот, блок, клин и винт, – везде обнаружится справедливость нашего положения. Здесь достаточно будет ради краткости показать это только на примере рычага и вывести из нашего правила (что сводится к тому же) обратную пропорциональность расстояний и грузов, находящихся в равновесии.

Положим, что AC (фиг. 2) 14 вдвое больше, чем BC, и груз В вдвое больше груза А; я утверждаю, что А и В находятся в равновесии. Действительно, предположим, что один из грузов перевешивает, например В; пусть В опустилось до [В] и А поднялось до [А]; опустим из [А] и [В] перпендикуляры [А]D и [В]E на АВ; очевидно, что если D[В] равно одному футу, то [А]E равно двум футам. Следовательно, если два фунта опустить на один фут, то один фунт поднялся на два фута, и так как то и другое 16 эквивалентно, то ничего не прибавилось; следовательно, не должно произойти бесполезное опускание, а все остается в равновесии, как и ранее. Таким

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
образом, наше положение, если его принять как гипотезу, подтверждаетс

==121

апостериори ибо, исходя из него, можно вывести все положения элементарной механики, относящиеся к равновесию и к пяти простым машинам.

Я решился бы даже утверждать, что в механике нет ни одной теоремы, которой не подтверждалась бы и не предполагалась наша гипотеза, как это можно показать на примерах правила наклонной плоскости, или биеия фонтанов, или ускоренного падения тяжестей. И хотя некоторые из этих явлений могут, казалось бы, согласоваться и с гипотезой, измеряющей энергию произведением массы на скорость, однако это лишь в особых условиях, потому что для мертвых сил, когда действуют только первые или последние устремления, обе гипотезы совпадают, но для живых сил. действующих при наличии натиска (*impetus*), возникает расхождение, как это показывает пример, приводимый в изданном мною «Опыте». Живая сила (*potentia*) так относится к мертвой или натиск к устремлению, как линия к точке или плоскость к линии. И подобно тому как круги относятся не как диаметры, а как квадраты диаметров, так и живые силы равных тел относятся не как скорости, а как квадраты скоростей.

Но так как здесь непозволительно опираться на авторитет и ум, стремящийся к знанию, не может довольствоваться индукцией и гипотезами, то мы даем доказательство нашего положения, чтобы оно могло навсегда войти в систему непоколебимых оснований механической науки.

Принимаю без доказательства, что тяжелое тело, опустившись с какой-либо высоты, имеет в точности ту энергию, которая требуется для поднятия его обратно на ту же высоту, если только не утратит сколько-нибудь силы в пути от трения или сопротивления окружающей среды или другого тела.

Королларий. Итак, тело весом в один фунт, опускаясь с высоты одного фута, приобрело в точности энергию, потребную для поднятия тела в один фунт (т. е. равного ему самому) на высоту одного фута.

Далее, я постулирую для тяжелых тел возможность вступать в различные связи между собой и освобождаться от этих связей, а также подвергаться другим мыслимым изменениям, не предполагающим изменения энергии, допуская существование нитей, осей, рычагов и других приспособлений, свободных от веса и сопротивления.

Теорема. Приняв эти предпосылки, я утверждаю,

==122

что опускание тела В (фиг 3) 17 в один фунт на протяжении В ((В)) в два фута содержит ровно столько энергии, сколько потребно для поднятия тела А в два фунта на высоту А [А] 18 в один фут.

Доказательство. Полагаю тело А состоящим из двух частей – Е и F, каждая в один фунт. Тело В в один фунт. опускаясь на один фут от В до [В], освобождает (согласно королларию) в точности такую энергию, какая потребна для поднятия тела Е в один фунт на высоту ЕfЕ] одного фута, если предположить, что оно (согласно постулату), связано с телом В Примем далее (согласно тому же постулату), что тело В в положении [В] освобождается от соединения с телом Е. которое остается в положении [Е], и вступает в соединение уже с телом F; тогда тело В, продолжая опускаться с высоты [В] до ((В)), сможет (согласно королларию) поднять тело F весом в один фунт на высоту одного фута от F до [F]. Итак, полное опускание тела В весом в один фунт на протяжении двух футов В [В] ((В)) подняло тело А весом в два фунта, составленное из обоих тел – Е и F. на высоту одного фута А [А]. Эту именно возможность и требовалось доказать.

Схолия Если кто внимательно вдумается, то легко поймет и без помощи чертежей, что поднять один фунт на два фута (т. е. фунт на фут и еще раз фунт на фут) равносильно тому, чтобы поднять два фунта на фут (т. е. фунт на фут и еще один фунт на фут). И вообще энергия должна измеряться по ее действию, а не по времени, ибо время может меняться в зависимости от внешних обстоятельств. Так, шар С (фиг. 4) \wedge , имея воспринятый напор, под действием которого он может подняться на высоту HN но одной из наклонных плоскостей LM или LN. будет

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org нуждаются для этого в тем большем времени, чем длиннее будет наклонная плоскость. В обоих случаях, однако, он поднимется на одну и ту же высоту в отвесном направлении, если только считать (как это и необходимо в подобных расчетах) сопротивление воздуха и плоскости ничтожным. И энергия шара остается одной и той же, по какой бы наклонной линии ни происходил их подъем.

Под действием (effectum) же я здесь подразумеваю то, что вносит изменения в природу или осуществление чего уменьшает натиск; таким действием является поднятие Δ фуза. натяжение пружины, сообщение движения телу или

==123

замедление его движения и другие проявления того же рода. А большее или меньшее продвижение тела. раз приведенного в движение, в горизонтальной плоскости не является таким действием, которым я оцениваю абсолютную 21 энергию, ибо в течение этого продвижения энергия остается одной и той же, о чем пришлось упомянуть во избежание недоразумения, так как в этом нет установившейся достаточной ясности. Я согласен, что, зная время 22 или обратную по отношению h ему величину, а именно скорость, а также прочие обстоятельства, можно судить об энергии данного тела. но утверждаю, что абсолютной мерой энергии является не время или скорость, а действие, которое при определенном количестве энергии не может быть изменено ни временем, ни другими обстоятельствами. Поэтому не удивительно, что энергии двух равных тел относятся не как скорости, а как причины или действия скоростей, а именно как производящие или производимые высоты или как квадраты скоростей. Отсюда же происходит и то, что при столкновении двух движущихся тел не сохраняется прежнее количество движения или напор, но сохраняется количество энергии. Отсюда же и то, что струну надо натянуть четвертым грузом для того, чтобы тональность повысилась вдвое 23 : груз соответствует энергии, а звучание струны – скорости колебаний. Последнее же основание состоит в том, что движение само по себе не есть нечто абсолютное и реальное.

==124

О ПРИУМНОЖЕНИИ НАУК

Решившись обсуждать предмет, о том, что автор решился вы- признание
важности которого сказать некоторые соображе- многими имеет
всеобщее знания относительно приумно- Δ д рлд gb1 лицемером В жения наук, а
так как он ис- , следовал и притом разработал
делах общественных, если бы то, новое искусство познания, что
необходимо для его пред-то он попытался и его, помня ставления в
привлекательном

о величии этого дела, сооб- воспламенения людских

щить другим на благо усовер-

шенствования искусства сердец, оказалось бы утаенным

моей речью. Поэтому я полагаюсь на снисходительность благосклонных читателей. если буду вынужден говорить о настоящем деле более высокопарно в сравнении с тем, как я обычно высказываюсь о своих делах, особенно если учесть, что я не присваиваю себе никакой заслуги изобретателя, но лишь разделяю всяческие обязанности указующего или провозвестника. И то. что я в такой степени возвеличиваю, я не столько рассчитываю передать другим, подчинив своей власти. сколько желаю обозначить исключаящими заблуждение знаками, чтобы оно могло надежно извлекаться из своих тайников умами более счастливыми. Ибо, как есть большая разница между уделом простого охотника. который выследил следы зверя и обозначил верными метками место его логовища, и славой и блеском великого государя, заловившего в сети зверя, возбуждаемого всеми средствами и гонимого отовсюду, так и я буду считать себя достаточно вознагражденным за свои труды, если когда-нибудь воспламененные моим указанием великие мужи и. что особенно хотелось бы, мужи непредубежденного общества присвоят себе бессмертную славу исполнивших дело восстановления наук (Instaurata scientia). Случилось

==164

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org так – не знаю, правда, в силу какой судьбы, ибо и в мышлении имеет место некая фортуна и божественный промысел, – что мне, когда я был еще почти ребенком, выпали на долю хотя и слабые, но тем не менее плодотворные предвестия некоторого великого искусства¹, о котором люди, сколько мне ни приходилось читать и слышать, казалось, даже и не подозревали. Впоследствии я разработал его настолько, насколько это было возможно среди разлада, которому мы, люди, подвержены, и тем самым пришел к тому, что мог охватить верным доказательством его полезность и могущество, которое показалось всем невероятным, а также способ осуществления этого искусства. И я не остановился на общих свидетельствах, но испытал силу этого искусства на многих предметах, и, если говорить как это было, никогда я не затрагивал ничего такого, в чем вскоре благодаря вновь найденным истинам не открывался бы мне новый порядок вещей, откуда рождались обильнейшие плоды. Ибо я признаю, что во всяком деле нужно соединять (насколько это возможно) опыт с разумением (*ratio*) и что весьма сомнительными выглядят те искусства и те методы, которые не способны продемонстрировать ни творений искусства, ни открытий метода. Поэтому к началам (*initia*) нашей науки, которую я осмеливаюсь называть всеобщей, я посчитал необходимым добавить примеры (*specimina*).

Причина же, которая побудила О том, что автор, конечно, меня обнародовать эти мысли. опасается, как бы это дело СОСТОИТ В ТОМ, ЧТО Я Не Знаю, случайно не зачало и что он сам не будет в состоянии завершить его – хватит ли у меня времени и сил для завершения этого искусства.

Отсюда возникло опасение, как бы по моей вине, если в дальнейшем что-нибудь изменится в состоянии людей, не исчезла совершенно всякая память и всякое упоминание о нем, ибо я открыл нечто до такой степени далекое от людских мнений, что даже одареннейшие люди, увлеченные мной, по-видимому, не вполне понимали то, о чем я столь часто ясно высказывался. Поэтому я посчитал, что лучше будет позаботиться о современниках или же – если здесь нас ждет неудача – о потомках и сохранить это дело, приведенное в надежный порядок для времен, возможно более счастливых, чем поставить общественные выгоды ниже собственного тщеславия и отложить сообщение о нем до тех пор, пока от меня зависело бы уготовление себе более великой, а поэтому и более несомнен-

==165

ной и бесспорной славы свершением всего дела; впрочем, такого дела, для свершения которого я никогда, пожалуй, не стал бы подходящим, ведь я признаю свою слабость не без ложной скромности, и я постоянно ощущаю, насколько превосходят меня, но не памятью и остротой ума.

О том, что он весьма осуждает тщеславие тех, которые создают школу и презирают других, будто они одни способны свершать великие деяния.

Имеется и другая причина, вытекающая из наблюдения человеческих деяний и из природы дарований нашего века Причина состоит в том, что, если бы я даже смог отнять славу у других, я посчитал бы это наименее благоразумным, ибо, не говоря уже о том, что с лишением надежды на славу у многих совершенно гаснет жажда свершения похвальных дел, я с очевидностью вижу, как все те, пусть даже выдающиеся мужи, которые домогались себе великого имени, создавая новые учения и основывая школу столкнувшись с завистью и общественной ненавистью лишались подлинного спокойствия и затруднялись в дальнейшем продвижении, нанося вред общему делу не только в том, в чем они лишились возможности двигаться дальше, но и в том, что они уже свершили, поскольку даже истинные учения, запятнанные ненавистью к школе и секте, оказывались некоторым образом опороченными и презираемыми². Этому злу ничего лучшего не противопоставить, чем такое положение, когда своего рода остракизму подвергались бы те, которые жаждут первенства в науках и которые то ли оттого, что они выучились изощреннее высмеивать других, то ли оттого, что научились искуснее других укрывать похищенное, ставят всех других ниже себя³, как если бы они сами все открыли своими силами или же между ними и другими смертными существовала бы непомерная дистанция. Между тем часто величайшие открытия обязаны своим происхождением малейшим случайностям, и – если говорить всю правду – они не столько обязаны нашим талантам, сколько фортуне. т. е. божественной милости, и нечасто что-либо великое можно начать и свершить в одиночку. Поэтому частные люди в будущем лучше позаботятся и о себе, и об обществе если они, довольствуясь своими претензиями на то – как бы им принадлежащее, что они первыми либо наблюдали с помощью

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org чувств, либо действительно доказали, – что обычно оказывается немногочисленным, если оно большой важности, в остальном не будут и древними пренебрегать,

==166

и не будут стараться умалить заслуги современников, и не будут пытаться расшатывать общепринятые мнения из за одних лишь словесных и формальных соображений в пустой надежде, что впоследствии только к ним будут обращаться все другие Но если говорить о том. к чему они могут побудить себя для собственной пользы, то пусть они лучше спокойно предпочитают указания верного пути, которыми никто не пренебрегает, чем становятся деспотическими правителями, которых по большей части презируют подлинные таланты Пусть они подумают о том, что повсюду в государстве, в частных домах и школах, в академиях и коллегиях есть люди великого усердия и учености, великой скромности и мудрости, которые. будучи поглощены своими заботами или испытывая препятствия со стороны установленных порядков, нравов или партий, не могут следовать тому и исполнять то, что они видят и чего желают; и лучше, конечно, иметь их покровителями и пособниками, чем, как это обычно делают новаторы (novatores), отталкивать их несправедливым отношением

Указанную тактичность решил

О том, что благодаря этому соблюсти и я. и, ХОТЯ. Пре-

искусству элементы наук даваясь множеству разнообразных и не совсем бесполезных размышлений, которые еще в юности доставили мне на этой сцене немало аплодисментов, которые могут быть, подобно Евклидовым, приведены в такое состояние, что их больше не смогут поколебать никакие новаторы, зато их можно будет, сохраняя честь изобретателей, неустанно приумножать материю для построения некой

я может. быть, случайно Нашел

системы науки, скорее изящной, чем несомненной (certae), едва ли согласной с какой-либо из существующих, все же я решил избрать совершенно иной путь, и я покажу способ, в силу которого прежний путь может представиться совершенно запутанным и непроходимым, если кто-нибудь в будущем не отважится без чудес произвести на свет учителя рода человеческого. Насколько же превосходно будет служить на пользу дела указание необходимости создания упомянутого искусства (что я теперь и делаю), посредством которого. если оно однажды будет создано, известные истины будут приведены в такое незыблемо прочное состояние. что их не смогут поколебать никакие новаторы, а в философии в такой же мере будут искоренены секты, в какой они отсутствуют в геометрии; ведь мы не видим,

==167

чтобы одни были евклидовцами, другие – архимедовцами. а третьи – аполлониевцами, поскольку Архимед, как и Аполлоний, ставил своей целью не ниспровергать принципы (elementa) предшественников, а обогащать их. Тем не менее за великими талантами их заслуги сохраняются невредимыми и незатронутыми, а слава, если и станет более скромной, зато будет более справедливой и долговечной, и не нужно будет им, как теперь, бояться, не применят ли паче чаяния к ним самим когда-нибудь другие те же методы, с помощью которых они собирались сбросить с подмостков своих предшественников. И в то время как новаторы обычно лишь скупом упоминают других, так что создается впечатление, что только они одни являются мудрыми, я, напротив, предложил бы, чтобы, когда общими усилиями будут установлены принципы философии (Elementa Philosophia) и других известных человеку наук, сумму которых выявит искусство, начала которого мы здесь излагаем, ко всякой сколько-нибудь значительной идее были присоединены имена тех, кто ее впервые открыл, доказал и наиболее удачно разъяснил. Ибо, если полагается верить тому, что в своем месте будет показано, такие принципы не меньше, чем «Начала» Евклида, станут достоянием потомков и будут увековечены, потому что мужам столь достойным не могут быть воздвигнуты памятники более прочные и прекрасные. Такое положение вещей будет стимулировать соревнование будущих людей, и любые самые превосходные дарования тоже захотят обессмертить свои имена, поставив их благодаря своим выдающимся открытиям рядом с прославленнейшими изображениями предков, а что-то вроде благочестия будет в каждую эпоху заботиться о том, чтобы эти сокровища рода человеческого, если и менее обильные, то во всяком случае неприкосновенные

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
и не засоренные ничем пустячным, передавались следующему поколению и потомкам.

Что эти мои советы, разумеется, о том, что многое из того, совершенно
беспристрастны и что принято в науках, — Г Г Г истинно, верно и
неопро- настолько же сообразны с обще-вержимо, но требует своего СТВЕННОЙ
ПОЛЬЗОЙ, насколько дальнейшего развития сое- далеки от личного тщеславия,
диненными в одно усилиями gg будет отрицать НИ ОДИН всех времен и народов
, - „ -доброжелательный и сведущий

человек. Тем не менее, чтобы было более ясно, с какой честной и свободной от
корысти и честолюбия страстью я предаюсь этому делу, я не только опустил свое
имя 4, но

==168

и пожелал приобщить всех к этой как бы никому не принадлежащей и общественной
собственности. И в то время как некоторые требовали, чтобы им поверили, что они
одни только способны довести до конца то, что они предлагали, и. пользуясь тем
аргументом, что города, построенные единым усилием, выглядят привлекательнее,
чем те, которые строились в течение долгого времени, пытались убеждать людей,
что старое здание наук должно быть разрушено вместе с полным уничтожением — как
они сами говорили — всех предрассудков и, начиная с самых оснований, воздвигнуто
новое 5 в противоположность им, удостоверившись в человеческой слабости и в том.
насколько бывает трудно начать и исполнить что либо значительное в одиночку, и в
том. как много дел нам предстоит свершить, прежде чем мы сможем законно
похвастать тем. что благодаря нашим усилиям кое что добавилось к человеческому
счастью, я счел за лучшее, чтобы усилия всех веков и народов соединились в одно.
Другими словами, чтобы, во первых, то, что было добыто до нас, было старательно
собрано и возвращено в общественную казну; во-вторых, чтобы никто из тех, кто
ныне способен внести свой вклад или своим талантом, или усердием, или фортуной,
также не оставался в пренебрежении; я особенно стал желать этого, после того как
понял, что громадная часть тех мнений, которые дошли до нас от предков и стали
общепринятыми, оказывается истинной и правильной, если эти мнения попадают в
руки подобающего истолкователя, а не ловкого софиста, и что везде, где
отсутствуют доказательства, они могут быть восполнены, благодаря чему ложное
само собой станет явным, и что желать уничтожения всех предварительных мнений
под тем предлогом, что нужно расчищать место для истинной науки, — все равно что
желать ниспровержения государства ради того, чтобы была введена лучшая форма
правления.

==169

В то же время я не хотел бы, о том, что нельзя отрицать,
чтобы ученые и талантливые

что наш век превосходит которые заражены новы-

все предшествующие в от г г

ношении познания природы, ми идеями, подумали, что я пре-

Но мы не должны слишком клоняюсь перед общеприняты-

обольщаться относительно Ащ мнениями, или же одержим

того, что мы-де уже испол- суеверным благоговением перед

нили главное, ибо недоста- J ' г —

точно сказать, что все про- древними, или стараюсь ума-

изводится фигурой и пере- лить заслуги прославленных

местительным движением, мужей нашего Времени — В

АннАЙАГДГжеА отношении которых я не отри-идет речь, и немного следует
Цаю. что ОНИ нередко могут воздавать гипотезам, прежде считаться равными
Древним и

чем из них не смогут быть даже их превосходить, ибо

выведены предсказания и кон-

Λ

Λ

кретные результаты в меди-

более всего желаю, чтобы ска-

цине и практических науках

Занное выше было ПОНЯТО

относительно вещей метафизических и гражданских (*civilis*), а также всех тех, которые в большей степени зависят от разумения, чем от опыта, и которые скорее должны совершенствоваться и доказываться, чем опровергаться; а что касается более узкого познания природы, то здесь необходимо признать, что изобретательность современников в постановке экспериментов и в покорении природы с помощью машин математиков должна быть поставлена значительно выше умозрения о природе у схоластиков, чего я не могу отрицать, если не желаю сам осудить своих бесконечных ночных бдений, отданных математическим и физическим занятиям; так что если, согласно молве, китайцы говорят, что только они одни видят обоими глазами, европейцы же одноглазы, а остальные народы слепы, то, по моему мнению, несомненно иначе поворачивая сказанное, можно было бы утверждать, что схоластики в специальной физике были слепы, современники одноглазы, но никто из смертных до сих пор не представляется достаточно зрячим в этой науке и что важнейшее здесь все еще остается тем, что должно быть сделано и чего нужно ждать только от соединенных, но иначе, чем до сих пор. усилки. Однако то, что я говорю в похвалу тем, которые предаются ныне экспериментам и доказательствам, я не хочу относить на счет тех, кто лишь заменяет одни мнения другими и. принося клятву верности некоему новому учителю, пусть даже мужу великому б, необычайно довольны собой, когда они, получив вдруг неиссякаемый дар речи, с легкостью

==170

расправляются с величайшими и наиболее сокровенными творениями природы и. по-видимому, считают, что они прекрасно объяснили причины вещей, лишь только вывели на свет божий какие-нибудь слишком неопределенные и не вполне отчетливо представляемые движения и фигуры. Ведь что толку много говорить о корпускулах, которые не годились бы для представления частиц природы? По этому поводу я вспоминаю, как один язвительный человек не без юмора говорил, что еще не ясно, какими дозами атомов можно будет изгонять лихорадку, но уже ясно, что химиками будет наверняка предписана формула такого рода: возьми побольше шариков первого элемента, поменьше грубой материи (*materia striata*), добавь тонкой материи. сколько надо. смешай, и получится золото.

И подобно тому как когда-то вздорные учительши пользовались скрытыми качествами и способностями, а также магнетической силой, антиперистасией 7, симпатией и антипатией и наводящими формами, для того чтобы создать у толпы мнение о своей учености, так и сегодня я вижу, как повсюду малосведущие люди, особенно юнцы и другие непросвещенные, которые не желают взять на себя труд поразмыслить и не испытывают ревностного стремления к истине, зло насмеваются над школами и учителями, над всей древностью, которой они не знают, и добиваются, если угодно небесам, громкой репутации глубокой учености, трезвоня только об этих фигурах и движениях, тог да как у них самих качества оказываются не менее скрыты, чем у схоластиков. Именно потому я и считаю, что новые идеи, подхваченные без большого труда такого рода людьми, служат им для болтовни о философии и споров с Другими, а впоследствии, когда они сталкиваются с необходимостью вести свои дела, заниматься науками и медицинской практикой, разрешать трудные вопросы и распутывать конкретные казусы, этими идеями наносят себе большой вред ибо мало помощи от этих заимствованных мнений, они бесполезны, даже когда истинны, если случайно не попадают к людям скромным и не притязующим на аплодисменты и превосходство над другими, но... 8 ищущим истину и чистосердечно признающим в том, сколь много еще не сделано, а поэтому и более подходящим для продолжения дела. А их, что мне безызвестно, сегодня, после того как великими мужами был зажжен новый свет, больше, чем когда большинство философов вращалось во тьме бессодержательных терминов

==171

Но указанному злу. исходящему от тех дарования (особенно незрелых), которые больше склонны к легкости и проворству языка и суждения, чем к подлинному труду

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
познания. – злу, которое является не менее опасным для прогресса, чем бы когда-то безмерный авторитет школ, было бы оказано противодействие, если бы в будущем солидные и ученые мужи не ставили слишком высоко какие-нибудь выдумки, кроме тех случаев, когда или имело бы место очевидное доказательство, или же данная гипотеза характеризовалась бы какой-то необычной простотой и изяществом и служила бы для вполне ясного объяснения многого, ибо в этом случае она была бы полезна до тех пор, пока продолжались бы поиски действительной истины. И необходимо прежде всего оценивать идеи по их результатам, т. е. по тому, можно ли из той или иной гипотезы вывести выдающиеся открытия или что-либо полезное и на основании ее предсказывать истины, ранее неизвестные. Это должно быть признано в отношении системы пифагорейцев, Гарвеева кровообращения, *rigiles* химиков 9, Галилеевой суппозиции ускоренного движения, закона преломления Снелиуса и Декарта, открытий Торичелли, Паскаля, Герике и Бойля, связанных с воздушными явлениями. Если в народе говорят, что врачи славят прогнозы, то хотелось бы, чтобы это распространялось также и на философов, и они тогда только заслуживали бы особого доверия, когда оказывались бы способными силой своего разума предсказывать опыты, никем до этого не поставленные. Но такого рода положения не изобретаются с легкостью и экспромтом, а требуются предварительные коллективные усилия многих, прежде чем здание науки будет доведено до такой высоты, чтобы оно смогло достигнуть самой вершины истины, откуда можно было бы – как с высочайшей горы – созерцать облака, потоки ветра и метеоры, лежащие под ногами явления природы, широко открытые взору и упорядоченные в прозрачном свете.

Однако, как во всяком деле о том, что в свою очередь Δq неумеренность наносит нужно остерегаться, как бы " " нам не стать чрезмерными вред, так и в случае пристрасти

ампириями, поскольку мы к опытам. Ибо, не говоря уже о еще не достаточно умеем ис- том, что предающиеся им часто

пользоваться опыты и не дела- рклонны испытывать Презри-ем из них выводов, которые - г могут быть сделаны тельное отношение к занятиям

политическим, а также к изучению исторических наук и древности и что они нередко

==172

разделяют мнения, опасные для самой веры (о чем мы вскоре будем говорить), я хотел бы, чтобы выдающиеся мыслители подумали, насколько мало делается и может быть сделано в будущем с помощью одною лишь эмпирического метода, если продолжится простое накопление кучи наблюдений и из них не выводятся никакие заключения. Ибо если исследование природы направляется прежде всего на признание славы Творца в удивительной красоте вещей и в достойных своего изобретателя машинах, а затем на сохранение здоровья и умножение удобств человеческой жизни, то следует признать, что не познается эта гармония вещей и не раскрываются причины сокровенных действий природы, куда имеется лишь беспорядочный хаос разрозненных фактов; и не представляют большой ценности труды в медицине и механических искусствах, если мы гоняемся лишь за чем-то несущественным и неплодотворным или же всегда оказываемся в порочном кругу, нагромождая опыты только для того, чтобы доказать либо само по себе истинное, либо доказуемое априори из определенных оснований, либо ранее достаточно доказанное. При этом я вспоминаю, как прославленные мужи открыто заявляли, что они не желают ставить опыты, которые имели бы применение в технических искусствах. и как некоторые из всего своего опыта многоплановой и прекрасно поставленной работы выводят одно только то заключение, что в любом случае явления природы должны быть объяснимы механически, т. е. посредством величины, фигуры и движения. Я думаю, такое решение когда-то могло требовать доказательства, но сейчас математический ход природы больше не может ставиться под вопрос и относится к уже доказанному; и настало время, чтобы мы наконец попытались постигнуть, каким же именно движением, какими фигурами или какими весовыми отношениями, мерами и числовыми пропорциями определяются вещи, ибо то, что Бог все наделил этими свойствами, было признано даже древними 10. А если кто еще не принимает этого, пусть и не пытается убедиться в этом никакими опытами, исключая те, где им смогут специально показать искусство природы (*artificium naturae*), что сейчас, по-видимому, и следует делать и что в полной мере может быть сделано такими

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org замечательными мужами, наделенными столь великим талантом и обладающими такой подготовкой (apparatus), которые, как я полагаю, воспримут этот мой призыв к справедливому и доброму

==173

делу, продиктованный стремлением к общественной пользе и касающийся их собственной славы, которая была бы более великой и более прочной, если бы они стремились производить (насколько это в их силах) своим гением и своим авторитетом скорее нечто великое, нежели легковесное.

Но если плохо упорядоченное

О том, что особенно следует остерегаться, как бы эмпирическое исследование на- за своими занятиями мате- НОСИТ Вред ИЛИ, ВО ВСЯКОМ

матикой и физикой мы не случаем, является малополез-

позабыли о благородных на- д д ^ Гораздо Вреднее укаж и не пренебрегли (не - , без угрозы для благочестия) злоупотребление занятиямифи-

вопросами метафизики и мо- зикой и математикой вообще, ради, особенно если, объ- когда люди, презирая и гром

ясняя природу только ме- метафизику и науку о морали, ханически, мы вовсе удалим у

конечные причины из-за того что они плохо уясни-

ли замыслы прославленных мужей. осуждающих это злоупотребление, с каким-то слепым рвением все объясняют с помощью механизма (per machinum) и, пренебрегая конечными причинами и формами. как видно, уведят других от признания и почитания божественного провидения, а самого Бога или упраздняют в нашем мире, или же, лишив его разума (intellectus) и воли. превращают в какую-то всеобщую бессознательную природную силу, или мировую душу". Поэтому тот, кто, отдавшись исключительно исследованиям природы и математическим исследованиям, полностью игнорирует вопросы истории и древности, а также вопросы метафизические, подвержен большой опасности усвоения превратных мнений о религии. Эта опасность особенно велика сегодня, при наличии стольких нечестивцев, а также самомнения молодежи, которая, кроме того, пользуется чрезмерной свободой путешествовать и общаться с кем угодно. Происходит часто так, что невинные, когда они лишены своей невинности, оказываются злыми, а те, кто слишком верил, - неверующими. Так, люди вначале воображают себе, что Бог действует в этом мире, как ремесленник в своей мастерской, который что-то исправляет, что-то усовершенствует, что-то двигает. И если вдруг случается что-нибудь значительное и необычное, они сразу же каким-то чудесным образом прибегают к Богу, минуя всякий установившийся порядок природы, и даже считают, что это было бы недостойно благочестивого мужа. если бы кто-нибудь попытался объяснить тот способ, каким по-

==174

рождаются метеоры, кометы и другие чудеса природы. особенно если речь идет о небесных сферах. Потому-то физик Анаксагор слыл нечестивцем, что, объясняя природу. упразднял тем самым богов. И у поэта самое большое различие между благочестивым и безбожником состоит в том. что для одного из них Юпитер мечет молнии, а для другою-это просто бесцельные (caeci) сверкания, несущиеся с облаков и сопровождающиеся пустым грохотом. которые устрашают души людей '2. и у того же поэта: кто смог познать причины вещей, тот преодолел все страхи, повергнув к ногам своим и неумолимый рок, и ров ненасытного Ахерона, будто бы и в самом деле познание причин несовместимо со страхом перед божеством. Поэтому, когда люди, нередко здравые, и особенно юноши. которым незадолго перед тем. в детском возрасте, старушки внушали, что мир полон чудищ и привидений, немного спустя, приобщившись к подлинному свету природных явлений, видят, что многое из того, что народ обращает в суеверие, может быть выведено из своих естественных причин, в их душах происходит поразительная перемена. Но. убедившись на стольких примерах, что предметы естественные могут быть объяснены механически, и с

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org легкостью заключая о том, что те явления, которые кажутся особенно поразительными (как образование плода), происходят на совершенно той же основе, хотя и могли до сих пор быть неадекватно истолкованы нами из за слишком большой многосторонности, они начинают сомневаться относительно всякого провидения. Ибо если равномерное движение звезд может быть объяснено так же, как и движение соломинок, плывущих в потоке водоворота, если удивительное строение животных получается из исходного состояния материи силой какой-то механической необходимости (*necessitas machinalis*) (а эти два предмета движение звезд и строение животных – обычно особенно горячо отстаиваются как доказательства тою, что природа есть дело разума – *opus intelligentiae*), что же тогда еще остается, чем могли бы убедить себя такие люди, не ведающие никаких других вещей, кроме естественных. в существовании провидения высочайшего Божества? И так, когда люди, в других отношениях неиспорченные. начинают взвешивать все это, они вдруг оказываются как бы захваченными вихрем и. как будто лишившись проводника, при затухшем факеле, который, казалось, до сих пор так или иначе освещал им дорогу, устремляются

==175

в бездну сомнения и бесчестия, особенно если они видят, что дерзость дурных людей часто в этой жизни оказывается более удачливой, чем скромность благонравных. К тому же они слышат, как солидные авторы серьезно внушают, чтобы в вопросах физических мы воздерживались от конечных причин ¹³, или, что сводится к тому же, от усмотрения божественного промысла в порядке вещей; а с другой стороны, слышат, как сами богословы повсюду нападают на тех, кто устраняет субстанциальные формы и реальные качества и пытается все выводить только из фигуры и движения. Когда же сами физики, хотя бы ошибочно, убеждаются, что эти мнения являются самыми истинными, а многие богословы со всей решительностью заявляют, что эти мнения вступают в противоречие с благочестием, и клеймят их как самые зловерные, отсюда легко получается, что любой, кто посвятил себя исключительно математике, физике и медицине, доверившись в вопросе о механических свойствах вещей себе и новым философам, своим сторонникам, а поэтому вверяя высочайшее провидение более рачительным богословам, укрепляется в нечестивости.

. Таким образом, распутать этот и том. что согласие знани

с благочестием достигалось столь трудный узел и одинако-бы, если бы было доказано, во справедливо воздать и благо-что телесные явления могут честию и разуму (*ratio recta*)

объясняться не только ме- ДОЛЖНО Представляться ОДНИМ

ханически, или с помощью

действующих причин, но из величайших стремлении че-

и с помощью причин коеч- ловеческой жизни. Ибо стрем-ных, и что сами принципы ление заставить людей погасить

механики являются мета- ддд селя Свет разумения ПОД физическими. Необходимо

восстановить в правах об- предлогом веры или вырвать щеизвестное учение о суб- себе глаза, чтобы лучше видеть, станциальных формах, при- ведет прямо к тому, что и самые том не отвергая совершен- одаренные мужи вскоре стано-

Антя.Тлтчая^Гттчль0 ---я или откровенными нече-

которая развивалась схола- стивцами, или, во всяком слу-

стикой и которая, по-види- чае, лицемерами, какими, мне

тому, является особенно думается, были когда-то авер-презираемой

" роисты, отстаивавшие двойственность истины. От подозрения в этом не свободны и сегодня те, кто утверждает, что даже истинно доказанное должно подчиняться вере якобы под тем предлогом, что Бог мог бы произвести даже

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
противоречивое, тогда как лучше было бы им принять за установленную истину, что ничто не может быть истинно доказано, если оно противоречит вере.

==176

Итак, мне кажется, что я достиг этой великой желанной цели – согласия знания с верой, и, конечно, одна из главных причин моего писания та, что представляется необходимым содействие столь славным дарованиям, рискующим своим спасением на самом рубеже истины. Поэтому покажем, что поистине все в телах производится механически, но сами принципы науки механики и всей физики не есть механические или математические, но метафизические; что природа тела никоим образом не полагается в протяжении, но в некотором понятии, не менее ясном и значительно более плодотворном; что во всяком теле есть некоторая субстанциальная форма и что она действительно механически действует, или, лучше сказать, является ближайшей причиной того, почему природа механически действует, но что в специальном объяснении природных явлений нет никакой необходимости упоминать об этом и достаточно, чтобы они всегда дедуцировались из установленных законов движений. Я также покажу, что для всех природных вещей может быть представлено двойное основание, а именно: и от ближайшей действующей причины, и от причины конечной, и что в вопросах физических оба этих основания весьма плодотворно сочетаются и часто посредством конечной причины можно предсказать то, что посредством действующей причины еще не достаточно познано и еще не могло бы быть открыто; что все совершается ради духов, что существует Бог и что он не только является физически совершеннейшим, но и (что как раз недостаточно признают новые философы) обладает нравственностью и является нравственно наилучшим, что духи (mentes) по природе бессмертны. Наконец, – и это является вершиной человеческого познания, да и человеческого стремления – что мир есть наилучшее государство, монархом которого по истине и по праву будет совершеннейший из духов – Бог; что если однажды твердо установлено, что всем позволено 14 быть счастливыми, то никто не может быть несчастным, кроме как по собственной вине. Исходя из этого, когда-нибудь можно будет понять – хотя некоторым, усвоившим исключительно мнения современников, это покажется весьма парадоксальным, – что в сочинениях перипатетиков, схоластиков, св. Фомы и Других, особенно более ранних философов, которые писали комментарии на Ломбардца 15 или Аристотеля, содержится больше истинного, чем обычно кажется, им не столько недостает истинности, сколько способа изложения; а также,

==177

что формы и качества должны быть по праву возвращены в философию, правда не для конкретного понимания природы, а для глубочайшего постижения принципов вещей, и что никто не достигнет высочайшей вершины истины, если не займется самой метафизикой. Посему признаю, что, не будучи тем, кто руководствуется в данном случае каким-либо стремлением создать секту или школу, кто по профессии и не философ, и не медик, и не математик и кто большую часть своего времени отдал занятиям весьма отличным от тех, которые здесь мною рекомендуются, я не считаю вообще ни одну из частей образования достойной пренебрежения и не жду чего-либо великого от тех, которые, предаваясь точным наукам, остальное упускают из виду. Однако все время до этого я рассуждал только о физических и математических, а также метафизических исследованиях, с которыми тесно связаны медицина, механика и естественная теология (theologia naturalis), так что теперь пора наконец перейти, как я считаю, к учению об обществе и к гуманитарным наукам. Ибо, как, на мой взгляд, очень ошибаются те политики, которые пренебрегают физическими и математическими исследованиями, так же я сужу и о тех вздорных философах и математиках, которые осуждают, как якобы бесполезные, благородные науки (bonae litterae) и все то, что служит украшению жизни и учености. Чтобы яснее увидеть это, я скажу кое-что как об ошибках политиков, так в равной мере и об ошибках философов.

И вот я вижу, что образованные о том, что политики сами люди нередко грешат в отно-

Λ=м ΓΛμлескΛм –нии изящной словесности и исследованиям чтения древних или, обратившись к наукам политическим, оттого что они приучены к более поверхностным рассуждениям, с трудом могут решиться на то, чтобы довести до конца длинную цепь требующих внимания истин, сохранения необходимого постоянного духа. Хотя это можно простить тем, кто, будучи обременен заботами или отягчен возрастом, с полным основанием исследует то, что может усладить утомленный дух

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
легким очарованием. Правда, если существуют разумные люди, те по крайней мере должны были бы более тонкими исследованиями содействовать им, а не слишком изощренным и нетерпеливым, которые избегают, словно какой-то опасности, всяких глубоких размышлений и которые то, что сами не могут

==178

постичь с первого взгляда, объявляют мудреными пустяками. Признаться, эти последние нередко бывают людьми одареннейшими, обладающими проворным и острым умом, а потому и более пригодными для тех занятий, которые не требуют большого времени и больше нуждаются в живом уме, чем в аккуратном рассмотрении. Но как показывает опыт, если такие дарования, пылкие, но поверхностные, пыл которых, как пламя от соломы, не направляются каким-нибудь более возвышенным умом, они нередко совершают величайшие ошибки, что незамедлительно отзывалось большим ущербом государству и всем тем, кто доверил им достаточно важные дела. Ведь даже в тех случаях, когда речь идет о заключении договора, о церемониях выборов, об арбитрах и тех, кто берет на себя обязанности посредников и нейтральной стороны, о мерах предосторожности, которые называются гарантиями, об амнистии, субсидиях, военных лагерях и других поводах для такого рода общественных собраний и человеку изобретательному обычно нетрудно принимать решения, имеются все же примеры, когда настолько многое должно быть рассмотрено и сопоставлено, что тому, кто пожелал бы исполнить свой долг, а не предоставить дело случаю или решить его как бы бросанием жребия, потребовалась бы тщательнейшая оценка и почти математическая строгость, особенно когда в вопросах войны и мира, государственной жизни и судебного расследования должно быть установлено, от чего зависит общественное благо и где ошибка может оказаться роковой и губительной. Особенно же в этом великом искусстве нуждаются те, которые посылаются от более слабых к более могущественным и которые не силой, но искусством должны защищать свое. Кроме того, государственные мужи имеют дело не только с договорами, должностными выборами, субсидиями и другими проблемами, доводимыми до всеобщего сведения и подчас легкодостижимыми для проницательного человека, но и нередко с проблемами экономики, торговли, мануфактурного производства, а также с проблемами военной науки. А эти проблемы поистине всюду покоятся на расчетах и физических и механических принципах и являются более существенными и более необходимыми для поддержания государства. когда же они правильно решены, государство держится собственной силой, а упомянутые ранее проблемы, такие, как вопрос о договорах и другие такого же рода вопросы, больше зависят от внешних факторов и в свою очередь

==179

предполагают хорошо поставленные домашние дела; этим они напоминают мне ристания, которые очень полезны и, конечно, великолепны, но требуют здоровых и хорошо подготовленных людей. Поэтому очень ошибаются политики, если они полностью пренебрегают естественными науками, которые кажутся им весьма незначительными и весьма запутанными. Ибо отсюда происходит, что немалое число из них, к великому вреду для государства, только и воображают об этих науках, что они больше имеют внешней респектабельности и помпезности, а нередко и тщеславия и не требуют размышления, но могут быть постигнуты внезапным усилием гения; а на те занятия, которые касаются улучшения внутригосударственных дел, облегчения бремени народа, или содействия в сохранении и приумножении состояния, смотрят еще более пренебрежительно. А если бы монархи и другие высокопоставленные мужи подумали, насколько они и их близкие бывают несчастны всякий раз, когда их поражает болезнь, как часто они зависят от самых нелепых мнений людей, не знающих природы и славящихся только бойкостью языка; если бы они воскресили в памяти, как часто видели они своих близких и друзей (я не говорю уже о женах и детях), гибнущими во враждебных руках; наконец, если бы они узнали, насколько нетрудно было бы устроить все значительно надежнее и как много мы имели бы уже сейчас прекрасных открытий, если бы они достаточно предавались огласке и воспринимались людьми или если бы они были собраны и взаимно упорядочены для удобного их использования, тогда они, конечно, рассудили бы, что выдающийся медик не может быть куплен ни за какое золото, и сами охотно обратили бы немалую часть своих доходов на исследование природы.

Теперь, когда мы закончили о том, что в свою очередь апологию физиков перед людью-философы не должны про- с. , . небрегать изучением благо- ми более благородного (как родных наук его называют) образовани

(doctrina), покажем в свою очередь, что и у философов и у математиков изучение гражданской и священной истории, а также изящной словесности и античности не должно быть в полном пренебрежении. Впрочем, не на том основании, что знание ораторского искусства и поэзии, а также различных изречений и примеров является украшением речей в собраниях и придает большую эффектность сочинениям, а скорее на том осно-

==180

вании, что история есть зеркало божественного провидения и представляет нам Бога облеченным нравственностью, поскольку он проявляет себя не только как первоисточник (principium) вещей (как в метафизике и в математике), не только как изобретатель удивительных машин (machinae) (как в физике), но и как управитель (rex) духов в этом мировом государстве. И он проявляет себя так, как будто он один из наших близких, т. е., следовательно, некий Дух, к нам наилучшим образом расположенный; каким-то образом он раскрывает человеческому роду свою бесконечную благость и в отношении руководства империями, и в отношении сокращения наших путей к спасению, ибо истины, отвлеченные от материи, по-видимому, указывают на присутствие Бога или на бесконечную силу (amplitude) идей, проистекающих, как из источника, из его сущности; история природы (historia naturae) указывает на его мудрость в создании универсума, а гражданская история, в которую я включаю и современную, указывает на его неограниченную (exuberantissima) волю. А поскольку христианская религия (в сравнении с которой ни одна другая из всех когда-либо и где-либо известных религий – насколько простирается познание времен и народов – не является более священной и в своей простоте более возвышенной и более подобающей философу) отличается не только поражающим знатоков превосходством своих догматов, но и беспримерным происхождением, к которому, [очевидно, действительно каким-то особым образом было непосредственно причастно провидение – правитель мира, то отсюда следует, что доказательство стольких истин не может быть достигнуто иначе, чем через историю. Является бесспорным фактом, Ведь история служит бла- что один только древнейший

АТЛокаЛан"? "НТТИНТО^ ЛР"Д ИУЛВ. избранный богом нашей религии, о чем кое-что РРВДЯ ДРУГИХ НАРОДОВ-ИДОЛОПОК-сказано в данном разделе ЛОННИКОВ, Сохранил В непри-

косновенности в силу какой-то

удивительной тайны провидения культ высочайшего Божества, что посланные ему Богом пророки давно предсказывали будущее пришествие из этого народа Мессии, возродителя погрязшего в грехах рода человеческого. И вот явился человек, если можно назвать его человеком, не упоминая при этом божественной добродетели, к которому удивительно подходили все предсказания пророков, но оттого, что он не проявил нисколько земного великолепия

==181

(поскольку и не должен был этого делать), не был принят своими. Но тем не менее он поразил души всех чудесными деяниями и известным учением, которое было выше того, на что способен человек, и перед которым померкли мнения философов Греции, но которое вместе с тем было до такой степени просто, что было доступно пониманию любого плебея. В течение трех лет это солнце сияло народам, и тех, кого он учил при жизни, он искупил смертью своей и, будучи невиннейшим, принес себя в жертву Отцу. Но он оставил учеников. Это были люди из самого простонародья, неграмотные и неимущие, которым, несомненно, один только дух Учителя придавал силу. Слышал ли кто когда-нибудь что-либо более чудесное? Несколько жалких рыбаков, происходящих из захолустья Иудеи, из народа, презираемого всем миром, уповав только на умершего Учителя и вдохнув в себя необычайный пыл его и донные живущих речей, среди всеобщей ненависти, среди огня и камней бросили вызов не оружием, но словом и примером своей жизни всей мудрости Греции и всей мощи процветавшей тогда Римской империи. Кто бы осмелился сказать о них, действующих с такой ревностью, с таким единодушием, проповедующих нечто совершенно суровое и трудное для испорченных людей, а именно требующих от сильных презрения к богатству и любви к несчастным, от угнетенного народа терпения по отношению к тиранам, ищущих не власти, не наслаждения, а испытаний, мученичества и смерти, которая могла бы засвидетельствовать искренность души, –

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org кто осмелился бы сказать о них. что все они обманщики? А вдруг все же другие были обмануты апостолами или апостолами – Христом? Но что проку было апостолам с таким усердием призывать к столь неблагоприятным делам или зачем бы они стремились обмануть, не ожидая никакой награды, не имея никакой надежды, кроме надежды на будущую жизнь, если бы они в будущую жизнь не верили? Неужели же столько людей дошли до такого упрямого и притом изощреннейшего безумия, чтобы ради столь бесполезного учения неизменно стремиться принять жесточайшую смерть, не обнаруживая ни в жизни, ни в факте своей смерти ни малейшего признака пусть даже глубоко затаенного лукавства. А если обманул Учитель, он должен был владеть искусством, конечно превосходящим человеческие возможности, с помощью которого он убедил бы столько тысяч людей в своей божественности и заставил бы поверить не кого-нибудь, а своих постоянных спутников

==182

и ближайших свидетелей своей жизни, что он совершил столько чудес, и притом вдохнул в них такую силу убеждения, что, утратив Учителя, а с ним и всякую человеческую надежду, эти жалкие люди, ставшие благородными не от рождения или воспитания, но исключительно от слов Госиода, казалось бы. робкие и малодушные при его жизни, поднявшись тотчас после его смерти, с обретенными вдруг силами понесли через народы с верной угрозой гибели для себя это удивительное учение и, несмотря ни на что, в продолжение немногих лет безмерно приумножили свою секту. Пусть переберут все случаи политического обмана и все приемы риторического искусства и пусть объяснят нам чудо такого убеждения! Кроме того, имели место также чудотворные деяния самих апостолов, не уступавшие деяниям Христа. Пусть кто-то примет их за сплошные сновидения, коль скоро мы уже устранили выше вероятность лжи. Если же кто согласился бы, что ни Христос, ни апостолы не были обманщиками и что чудеса, ими содеянные, были совершены так, как они сами об этом сообщали, но решил бы, что им постоянно представлялся счастливый случай для убеждения людей при исцелении больных и что эти исцеления на самом деле были следствием самовнушения и воображения в уже убежденных людях; что юноша, который казался умершим, на самом деле как раз в тот момент, когда его воззвал к себе Христос, пришел в себя из состояния забытья 16; кто, повторяю, так решил бы, хотя это было бы насилием над фактами и мало правдоподобно, тот, если он допускает, что миром правит провидение, вынужден был бы, как ни странно, признать, что все было заранее скоординировано так, чтобы быть в точности согласным с предоставляемой Христу свободой?! действий. А одного этого чуда было бы достаточно, чтобы снискать столько же доверия к христианской религии, сколько можно было бы снискать от самих чудес Христа и апостолов, так как оно одно своими достоинствами охватывает все эти чудеса. Ибо, если Бог не есть обманщик, как же он может мыслиться изобретателем стольких хитростей для нашего легковерия, ради того, чтобы мы не смогли выразить своего несогласия с законами здравого смысла. и им самим данного разума? А кто отрицает провидение

[(хотя естественной историей оно во всяком случае подтверждается, а с помощью отвлеченных от материи истин метафизики доказывается абсолютно), воображая, что сам "о себе случай, и притом благоприятный, содействовал,

==183

христианской религии; кто поручает случаю все то, что вообще обычно отличает истину от вымыслов, – тот беспрецедентно и неправдоподобно, против всех правил благоразумия измышляет нечто невероятное, что (если быть до конца последовательным) могло бы быть обращено и против всего того, в чем мы уверены как в наиболее прочном и, как обычно говорят, нравственно достоверном. С равным правом можно было бы отрицать, что когда-то жил Цезарь Август, что ныне существует государство китайцев, так как указанные утверждения не являются метафизически достоверными. Но для доказательства нам достаточно и того, что тот, кто признает провидение, должен признавать и божественность христианской религии.

Об использовании истории

Но не только согласием пророчеств оракулов, подтвержден для признания провидения и результатами, и не только в смене империй и сохранении церкви предполагающим сверхчеловеческое искусство происхождением этой религии, но и последующим ее успехом удостоверяется благоволение и причастность к ней творца вещей – Бога. Среди убийств и терзаний в цирках христиане не сомневались, что даже и на земле

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
Христос будет торжествовать победу над бесчестьем. И он неожиданно справил триумф, когда, испробовав крайние средства в последних гонениях, неверие исчерпало свой яд. И вот эти ученики рыбаков, безоружные, не обученные ни одному из человеческих искусств, в конце концов подчинили Христу все, что было на земле великого и прекрасного. Я не говорю здесь о душе Константина, но обращаю внимание на эффект Константинова знамени (Labarum) 17 и на столь великое превращение вещей. Словно для того Бог и подчинил римлянам большую часть мира, чтобы через их посредство одним ударом отсечь голову нечестию. Там же, где народы становились христианами, римское государство, как бы уже сослужившее свою службу, начинало расшатываться. И это при участии Бога, призвавшего с крайнего севера варваров, чтобы прежде дикий, а теперь кроткий Сикамбр 18 склонил голову перед Христом и победители Римской империи были побеждены Римской, или Христианской, церковью. Эту загадку божественного плана, как оказалось разрешимую, не смогли разгадать жившие и страдавшие в период варварских вторжений св. Отцы, когда они подвергались нападкам со стороны язычников, приписывавших круше-

==184

ние римского благоденствия пренебрежению к культу древних богов. Когда же в наказание за грехи перерождавшихся христиан, впавших в роскошь и земные удовольствия, Бог выпустил на них с юга, как львов из клетки, сарацин, он своевременно противопоставил им германские племена франков и аллеманов, созванных из религиозных стран мира, чтобы тогда, когда христианская религия оказалась на краю пропасти, когда уже была заполнена сарацинами Азия и Африка, когда империя греков была поражена неисцелимой раной, когда были уничтожены готы в Испании, Карл Мартелл с помощью собранных отовсюду еще молодых людей наиболее воинственных племен в прославленном на века сражении остановил ворвавшихся через Пиренеи и морем в Галлию сарацин. Эта победа действительно утвердила имя христианина, ибо ни в Риме, ни в Константинополе не решался тогда сколько-нибудь существенно исход дела. Если же сарацины пришли бы немного раньше или позднее, т. е. после Карла Великого или до Мартелла, плохо пришлось бы Европе. Но Богу, разумеется, были известны причины такого направления событий. После этого поражения дела сарацин стали ухудшаться, и европейцы в свою очередь пошли на них. Но тот факт, что к ним присоединилась новая подмога с Кавказских гор и из азиатской Скифии, сделал для нас победу сомнительной: имело место такое положение, что любая из наций, находившаяся на периферии мира, извлекалась из своего захолустья. Так, нашим народам, отошедшим от прежней доблести, в свою очередь стали угрожать племена турок и татар, особенно когда оттоманский род присоединил к себе почти весь магометанский мир, а европейцы в угоду изучению наук и почитанию более утонченной жизни отказались от мужества предков. И может быть, давно уже мы подпали бы под господство варваров, если бы вовремя не пришло на помощь неизвестное раньше искусство воспламенения пороха, в чем я, в противоположность тому как думают многие, усматриваю необычайную милость провидения. Отсюда известные затяжки войны, так, в одной только покоряемой Венгрии турки заняты уже более века. Но мне даже сейчас не ясно, близок ли этот роковой день для врагов, ибо, по-видимому, есть еще время для того, чтобы они или были побеждены, или направлены на путь истинный, прежде чем нечестие на погибель вере вооружится всей переданной им наукой европейцев. Однако

==185

закончим эту мысль, препоручив будущее Богу, поскольку мы заметили, что в то самое время, когда благодаря троякому открытию: магнитной коробки, воспламенения пороха и типографского искусства – менялся облик дел человеческих, перед нами раскрылся новый мир и бесчисленные народы были приведены к культуре; что вскоре нашим глазам, вооруженным неизвестной доселе трубой, открылись в беспредельном эфире другие миры и мы еще лучше узнали о величии божественных дел, так что, если говорить в шутку, кажется, что поистине жив другой Тифий! Добавлю также, что за один этот век философии и математическим наукам прибавилось больше света, чем за все другие века. Поистине создается впечатление, что все это несет с собой человеческому роду какую-то новую власть над природой вещей, особенно если когда-нибудь будет доведено до совершенства это орудие (organum) нашего мышления, что еще больше усилит проницательность нашего ума, чем изобретение телескопа усилило остроту зрения. Но нам достаточно и того, что этим небольшим отступлением был дан образец истинного применения истории для рассматривания милости провидения и для побуждения душ к почитанию Бога, особенно же когда было признано, что из истории может быть и должна быть доказана истинность

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
христианской религии.

Но поскольку нашим рассужде-0 том, что для целей ис-
ниями, которыми мы подтверди-

торических доказательств не- ли Христианскую истину, может

обходимо преподавание по быть оказано противодействие

образцу науки элементов

древностей, т. е. критического только теми, кто не знает наших

искусства, а также о его при- наук (именно ПО ЭТОЙ причине менении к вопросам
религии трудно спорить с Иудеем, ИЛИ

турком, или варваром, и было бы еще труднее с ними спорить, если бы книги иудеев
не свидетельствовали в пользу Мессии, а Коран турок – в пользу Христа 19),
постольку даже человек талантливый, но лишенный твердой эрудиции и посвятивший
свой талант предметам слишком легким, может незаметно для себя попасть в такую
беду, что станет наши превосходнейшие истины подвергать сомнению и приравняет их
к бабушкиным сказкам язычников или же к легендам наивных монахов, от которых,
конечно, так же легко отличить твердо установленные учения, как легко отличить с
помощью взвешивания золото от орихалка 90; то этим еще яснее показывается,
насколько было бы полезным изучение

==186

языков и древности. И я действительно хотел бы, чтобы элементы древности, или
элементы критического искусства, преподавались наподобие какой-то науки, которая
покойся на некоторых собственных доказательствах, и именно таких, которые могли
бы убеждать противников. За основу были бы взяты те остатки древности, которые
все еще могут быть доступны восприятию, а именно древнейшие пергаменты и надписи
на мраморных плитах и монетах (я не буду здесь касаться того, как заботливые
люди повсюду сохраняют остатки убранства статуй, колец, ваз и т. п.). Необходимо
будет перечислить все реликвии такого рода, которые сохраняются еще и поныне,
особенно те, которые для данного предприятия являются наиболее важными;
необходимо составить историю рукописей, на основании которых изданы древние
книги, с присоединением указаний на соответствующие эпохи, чтобы по этим
указаниям можно было бы распознавать те или иные подлинные памятники
письменности. Ведь уже легко будет доверять греческой и римской истории, а
особенно истории священной, когда предварительно будет показано, что книги,
которые имеются, являются подлинными и часто современными самим событиям. Далее,
что они правдивы по крайней мере в том, что касается существа событий,
неопровержимо докажет или согласие этих книг между собой, или же их согласие с
надписями на мраморе и монетах. Когда же эти книги древних [авторов] будут в
целом выявлены, книгам, принятым церковью за канонические, легче будет
поддержать свой авторитет, так как они, будучи, во-первых, подлинными,
незатронутыми и, насколько это касается сути, безупречными, постигаемыми нами
сегодня непосредственно из версий и комментариев древних, будучи, наконец,
благодаря тому, что они в себе содержат, и благодаря тем авторам, которыми они
подтверждаются, божественными и особой милостью провидения к поучению рода
человеческого предназначенными, получают еще одно подтверждение от вышеупомянутых
памятников. Такая же критика будет чрезвычайно полезной и в отношении писаний
св. Отцов, чтобы люди нашего времени получили возможность обращаться к
свидетельству неискаженной древности. Когда немногословная и простая религия не
сделала еще из себя искусства и не имел еще титула благочестия смертоносный
Марс, а Купидон не имел еще устрашающих скипетров... 21 критерием служили не
только указания учителей, но и общена-

==187

родное благо. Ибо совершенно очевидно, что, чем больше кто-либо отличается
твердостью эрудиции в вопросах священных и знанием церковного прошлого, тем
более скло няется он к тому, что церковь должен быть возвращен мир, и тем
отчетливее осознает, что для обеспечения христиан скому миру столь великого
блага людям часто не хватает только желания. А кто у св. Отцов бывает редким

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org гостем или обращается к ним за советом лишь при случае, для подтверждения своих предрассудков, тот-то и оказывается обычно более упрямым в спорах и более сговорчивым в деле морали. А лучше было бы, если бы было наоборот; так как указанные святейшие мужи, более близкие к апостольским временам и отстаивавшие истину скорее своей жизнью и самой смертью, чем криками и партиями, призывали души праведников перейти от праздного любопытства к божественной любви, к уважению других. к самоусовершенствованию и исправлению нравов.

С другой стороны, хотя я и ду-°. АнеЛЖЛГГ-дрбЛ: маю. что главное применение сферы человеческой обра- гуманитарных наук заключа-

зованности (studia humani ется в том. чтобы они использо-

tatis) и где речь идет о вались для доказательства и

ЛЛскГоЛсЛв," силе истолкования христианской веры на основе прошлого, однако я и не могу и не желаю отрицать, что они служат благочестию и общественной пользе многими другими способами. Найдется ли что-нибудь более действенное, чем красноречие. чем поэзия, которая кажется каким-то более возвышенным красноречием и как бы языком ангелов? Ведь эти искусства побуждают людей к любви к Богу, к презрению земных благ, к героическим доблестям, к принятию самой смерти во имя справедливости, во имя общественного блага. Они рисуют нам все уродство пороков, они воспевают красоту добродетелей, дабы эта красота завладела людскими душами. Возвышенные медитации мистических богословов, эти замечательные гимны, которые приводят души праведников к почти экстатическому состоянию, проникновенные канцоны, способные облагородить почти всю аудиторию, заимствуют свои краски, которые в них привлекают, и свою силу, которой они потрясают, у этих двух искусств. И было бы не вредно, если бы правители народов позаботились о том, чтобы некоторые одаренные люди. отобранные и способные к этому по природе, с детства совершенствовались тщательным обучением,

==188

направленным как раз на то, чтобы когда-нибудь принести пользу своим красноречием. Тогда бы в их лице они имели могущественнейшее средство для управления народами, ибо часто в деле подавления мятежей, утешения несчастных, в тех случаях, когда нужно, чтобы душа пришла в себя от потрясений, для поднятия духа перед лицом общественных несчастий, красноречие способно сделать больше, чем сила, больше чем само разумение. Сценическая поэзия, превратное употребление которой повсюду порицается. могла бы стать школой для народа, если бы она сочинялась, исходя из интересов государства.

Всякий, кто занимался чтением о вкусе древних писателей, признает в них нечто более великое и более достойное выдающегося таланта, чем то, что встречается в нынешних книжках, то ли потому, что у современных авторов нередко обнаруживается рабское подражание, то ли потому, что многие из них, по видимому, не возвышают души над своим веком и, довольствуясь кратковременным успехом, во всяком случае не заботятся о вкусе потомков. Думается, что тех и других можно сравнить с двумя типами низкосортных художников, ибо упомянутые подражатели кажутся подобными художникам, которые, предаваясь исключительно созерцанию античных статуй, не обращаются к самой природе и, ни во что не ставя свой талант, насилуя природу, составляют лишь центоны 22 из чуждых линий; а тех, небрежных и беспечных, можно сравнить с другим родом художников, которые, совершенно презрев прекраснейшие памятники древних, редко в своих картинах достигают такого же величия духа, при этом имеют страсть к чему-то готическому или плебейскому 23, не будучи расположены когда-нибудь создать произведения, которые были бы во вкусе всех веков. Древним же, вероятно, не был чужд этот вкус, ибо они и сегодня так же сильно нравятся. Кто из такого множества поэтов написал что-нибудь такое, что было бы соразмерно величию Вергилия? Кто из сведущих людей не знает, насколько здраво и ясно (не говоря уже о том, насколько изящно) пишет Цицерон о самой философии 24? Настолько здраво и ясно, что при чтении его мне иногда казалось достойным сожаления, что этому человеку, способному столь превосходно и излагать и доказывать любые мнения, не были достаточно известны лучшие мнения. Ведь даже Сенека, хотя у него можно найти много прекрасного и остроумного, все же, если к нему обратиться после чтения

==189

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
Цицерона, кажется и легковесным, и напыщенным. А в отношении Плиния Старшего нужно признать, что его труд является беспримерным, подобный которому никто в наш век никогда не отваживался предпринять. А если бы многие другие века имели своего Плиния! Ведь какое множество сведений он сообщает о всей совокупности вещей и наук, имевших место в его время! И если бы он не погиб, насколько продвинулись бы древние в исследовании природы, пусть даже, с другой стороны, достаточно известно, и этого нельзя отрицать, что он часто грешил неосведомленностью в делах, поспешностью извлечения фактов из памяти или чрезмерным доверием к своим переписчикам, а в изложении того, что особенно заслуживало быть сохраненным и переданным потомству, был слишком краток.

Величайшие заслуги принадле-0 философии древних, где -дат древним и особенно грекам

Лулной "фТлф; ;0Λ --- и ° науках. Древнейший о Пифагоре писатель Мосх Финикийский, по-видимому, был изобретателем атомов 25, или, вернее, той философии, которая объясняет явления природы движением невидимых частиц материи. У Лазэция 26 имеется место, относящееся к последователю той же философии Левкиппу, где последний пытается объяснить происхождение земного мира (*orbis terrae*) и прямо вводит некие вихри, из которых механически производит даже тяжесть, так что приходится удивляться, что Аристотель при таком свете предпочел оставаться слепым. И я не сомневаюсь, что Демокрит, муж, достойный удивления, обладавший таким познанием геометрии и таким знанием природы, отличавшийся настолько обстоятельным суждением и настолько тщательной расчетливостью, что Витрувий, производя свои эксперименты, ссылаясь на него как на авторитет, — что Демокрит самым ясным образом изложил многое из того, что сейчас или нам неизвестно, или что мы вынуждены исследовать заново. Но эти писания погибли, потому что были не по вкусу толпе, которой больше нравятся легковесные пустяки. Я считаю по меньшей мере достойными внимания частые утверждения Демокрита о том, что в телесных вещах в действительности существуют только пространство и материя (или, как он сам говорил, пустое и неодушевленное (*vacuum et inane*)), а также фигуры и движения материи; все же остальные качества существуют только *outr*, т. е. —

==190

что лишь немногие понимали — не по природе, но по установлению или по мнению. Таким образом, он установил то, что внушают нам современники, а именно что звуки, цвета, теплота и другие чувственные качества суть не истинные вещи, но феномены, зависящие от положения того, кто ощущает, и от среды, — феномены, подобные радуге. Тяжесть и отклонения атомов и другие нелепости, по-видимому, должны быть приписаны не Демокриту, а Эпикуру, который хотя и был несравненно легковеснее Демокрита, однако легче нашел последователей.

Нет никакого сомнения, что величайшим из людей был Пифагор. Его целью было призвать людей к нравственному усовершенствованию, а его школа скорее была подобна ордену благочестивых, чем множеству слушателей. Его замыслы были нацелены на улучшение общества, поскольку в то время государства находились под гнетом разного рода тираний или управлялись предприимчивостью невежественных плебеев; он же стремился к тому, чтобы дать народам правителей, умудренных в его философии и вооруженных спасительными идеями. Поэтому истины более важные он скрывал под формой мистерий, чтобы они только тем становились известны, кого он приближал после своеобразного испытания пятилетним ученичеством. Этих обычно обучал сам Пифагор, остальных же он чаще поручал своим ученикам. Непосвященные слушатели приобщались только к экзотическим беседам, которые были рассчитаны на их понимание и вместе с тем были полезны для житейской практики. И для них авторитет Пифагора и это 016т6(; е(роі2' были вместо разума; а те, которые оказывались способными на большее, назывались математиками, и им поручались причины вещей и доказательства, ибо всякое точное познание относительно любого рода вещей называется математикой, что для латинян означает науку. И куда бы жив сам Пифагор, его планы были небезуспешными, так как многие города Италии или Великой Греции управлялись его соратниками и учениками. Но когда, возможно после смерти учителя, они переродились и, из-за того что заботились только о людях своей секты, сами вызвали против себя ненависть, они были низложены народными восстаниями. В области физики Пифагору не принадлежит ничего, ибо я сомневаюсь, принадлежали ли самому Пифагору учения Тимея из Локр или Окелла из Лукании, первое из которых изложено Платоном, а второе —

==191

Аристотелем А ич тою, что он цмыш ih i бо ice i губоко ю. я бы назвал систем здироцаиия, принт hīvdscvviō drrc ними Пифагора, которая бы id padpdbordiid Арп(Тдрхоі Самосским и. по-видимому, была не чужда великому Архимеду и которую спустя столько времени где-то у берегов Балтийского моря, к величайшему счастью, вновь вызвал к жизни Николай Коперник. Что же касается теории чисел и геометрии, известно, насколько выдающимся был здесь Пифагор. Ему же приписываются и элементы теории музыки

О той великой пользе, ко- ° Платоне мы можем говорить торую можно извлечь из нечто более достоверное, по философии Платона в от- сколько его сочинения сохрани ношени познания Бога и лнсъ. И его нужно изучать ПО души

этим сочинениям, а не по Плотину и Марсилио Фичино. которые, стараясь везде говорить о чудесах и мистике, испортили учение этого мужа 29. И меня поражает, что ученые обращают на это мало внимания. Не без удивления перед человеческим тщеславием я заметил, что последующие платоники всё. что учитель говорил прекрасного, ученого и твердого о добродетелях и справедливости, о государстве, об искусстве определения и разделения, о познании вечных истин, о понятиях, прирожденных нашему духу, замалчивают; а то, что у него оказалось двусмысленным и гиперболическим, когда он давал волю своему гению, воздействуя на поэтическое восприятие, то, что он говорил о мировой душе, об идеях, существующих вне вещей, об очищениях душ и флегетонте 30, о пещере отраженных теней и тому подобном, охотно подхватывается этими хорошо известными учениками, искажается и отягощается многими новыми фантазиями. Бесспорно, Плотин, Ямвлих, Порфирий, Филострат, да и Прокл и другие пифагорейцы и платоники тех времен полностью предавались суевериям и постоянно рассуждали о чудесах оттого ли, что они заблуждались, или для того, чтобы снискать себе уважение, или из зависти к христианам, с которыми они конфликтовали. Если же какой-нибудь достойный читатель обратится к самому Платону, он вынужден будет признать у него совершенно святейшие нравственные предписания, глубочайшие размышления и действительно вполне божественный способ высказывания, который хотя и возвышен, однако предпочитает максимальной ясности простоту, и, признав это, испытает великое удовольствие. Поэтому меня часто удивляло, что

==192

никто еще не выступил, кто бы представил систему платоновской философии. Ведь и Франческо Патрици, человек незаурядного таланта, предварительно испортил свой ум чтением псевдоплатоников. У Платона же самым замечательным (если не говорить о менее важном) является его утверждение, что дух есть субстанция, обладающая самодвижением, или, что то же самое, свободная и сама себя побуждающая к действию, т. е. начало активности, в противоположность материи, которую он признает лишенной самостоятельной активности, в известной мере неопределенной и имеющей больше видимости, чем реальности, ибо многие свойства тел, такие, как тепло, холод, цвета, скорее суть феномены, чем истинные качества, и, как говорил Демокрит, существуют vousu, а не Quasi 31. Поэтому Платон с полным основанием переориентировал мышление с этих смутных понятий на чистые понятия и утверждал, что всякое [подлинное] знание есть универсалии вечных вещей, т. е. что его предметом скорее являются эти вечные сущности, чем связанные с материей и случайностью единичные вещи. которые находятся в постоянном изменении. С полным основанием он утверждал, что чувства сообщают нам скорее иллюзии, чем истины, что дух заражен знанием единичного, находится под влиянием телесного и различных аффектов и только путем ясного познания вечных истин он способен абстрагироваться от материи и достигнуть совершенства. Что есть в нашем духе врожденные идеи, которые представляют универсальные сущности, а поэтому наше знание есть припоминание; наконец, что наше совершенство должно быть связываемо с какой-то причастностью Богу. Все это, если его правильно истолковывать, действительно является очень верным и чрезвычайно полезным, и мне неизвестен философ, который более верно, чем Платон, рассуждал бы о бестелесных субстанциях, так что. конечно, достойно сожаления, что столь возвышенные. столь верные учения так долго пролежали под спудом каких-то нагроможденных над ними ненужностей. п. , Учение Аристотеля настолько

У том, в чем фитософия , Аристотеля заслуживает одоб- известно, что но должно было

рения, а в чем порицания бы помешать краткости нашего изложения Но поскольку

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
суждения об этом муже так сильно разнятся между собой и многие, особенно юноши, оказываются среди стольких немеющих перед ним хвалителей сбитыми с толку, мы

==193

в согласии с нашей умеренностью выскажем то, что, я полагаю, способно одинаково удовлетворить всем мнениям. Известно, что Аристотель когда то считался врагом веры 32, а впоследствии, когда он был допущен в школы, пользовался таким уважением, что ни одно другое учение не казалось более подходящим для защиты положений веры. Его не только Аверроэс, но и св. Фома и другие замечательные мужи считали чудом человеческой гениальности, и его же повсюду сегодня высмеивают даже дети. Выскажу то, что представляется мне, т. е. тому, кто с ранних лет приобщился к учению перипатетиков, кто, достигнув зрелости, отнюдь не поверхностно изучил Аристотеля, кто при этом уже ребенком упражнял независимость суждения, а впоследствии увлекался математическими науками и экспериментами. К тому же, оказавшись вне академий и следуя весьма отличному от академического образу жизни, я не принадлежу к числу тех. авторитет которых зависит от отношения к Аристотелю, и меня нельзя оценивать в сравнении с теми, кто не знает учения древних и доктрин, принятых в школах, и кто, чтобы не показаться слишком несведущим, их высмеивает. Итак, сначала я установил, что Цицерон и св. Фома, а также другие достойнейшие люди вовсе не несправедливо восхваляли Аристотеля. То, что он писал о нравственности, весьма прекрасно и добыто из жизненного опыта, а также чрезвычайно полезно для юристов, а потому должно быть признано теми молодыми людьми, которые собираются приступить к общественным занятиям, пусть даже оно не учит человека той возвышенной добродетели, которую, по-видимому, представляли себе Платон и Эпиктет и которая близко соответствует достижению христианского совершенства и это тем менее удивляет меня, что наука о морали – это дитя метафизики, и кто не лучшим образом думает о божественном провидении и бессмертии души, тот вынужден слишком большое значение придавать этой жизни. А в политике и риторике Аристотель царствует полновластно, оставив далеко позади себя всех древних, сведения о которых дошли до нас. Кажется, что и в человеческие аффекты он также заглянул достаточно глубоко. В «Органоне» же он действительно дал образец большого таланта, способного к открытию сокровенных истин и доказательств. Ибо если им, как сам я думаю, впервые были открыты известные теоремы о формах высказываний и силлогизмов, то нужно признать, что он совершил великое деяние, заложив первоначальные основы той

==194

науки, которая некоторым образом оживляет и делает достоверными все остальные науки. Однако о самом искусстве открытия и доказательства он имел, кажется, не достаточно ясные представления, что обнаруживается в его «Вторых аналитиках», утверждения которых являются весьма темными и неясными и не подкрепляются никаким светом примеров. Вследствие этого многие перипатетики, люди, не лишенные познаний, когда им казалось, что они не находят у самого Аристотеля ни одного примера какого-то доказательства, превозносимого Аристотелем в качестве важнейшего, думали, что философ собирался предложить некую идею более высокой науки, которая оказывалась-де выше человеческого понимания. В этом я с ними не согласен, ибо я мог бы представить бесчисленные примеры доказательств, которым соответствуют правильно понятые аристотелевские установки (*conditiones*), хотя сам Аристотель, возможно, недостаточно понимал их силу, поскольку там, где особенно велика была возможность доказательства, он почти ничего не доказывает и повсюду показывает себя не очень сведущим в вопросах математики. Физика Аристотеля состоит из трех частей: общей, средней и специальной. Общая физика содержит составленные слушателями книги его лекций. Хотя они и весьма неясно написаны и подчас в них встречается кое-что пустое, сомнительной тонкости, все же следует признать, что в основном в них содержатся превосходные идеи. И даже если я умолчу о том, что и пресловутые формы, повсюду ныне презираемые, имеют в сущности своей кое-что истинное, я высоко ставлю прежде всего его утверждение, что деление продолжается до бесконечности, и высказывания против атомов и пустоты.

Положения этих восьми книг, изложенные геометрическим способом, издал незаурядный математик Абдиас Трей. хотя он, кажется, не скрывает, что его доказательства кое-где более слабы. Средняя физика Аристотеля, содержащая в себе книги «О возникновении и уничтожении», «О небе и метеорах», к которым можно добавить книгу «Об ощущении и ощущаемом» и другие подобные книги, представляет весьма незначительную ценность. Ибо желание объяснить все подлунное, исходя из

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
четырёх первичных качеств и комбинаций производных от них элементов, более приличествует забаве гения, чем серьёзной науке, особенно если учесть, что он не объяснил, в чём состоит внутренняя природа этих качеств. И тем не менее эта выдумка настолько понравилась Галену, что он заразил ею

==195

всю медицину. Правда, нельзя отрицать, что идея четырёх элементов содержит в себе нечто истинное, ибо во всяком случае верно, что мы чувственно воспринимаем четыре огромные телесные стихии: огонь, который разносит с собой солнечный свет; воздух, который окружает этот наш шар, и, конечно, воду и землю, на которые разделяется поверхность земного шара. Но приписывать одним телам природную тяжесть, другим – лёгкость, подлунным телам – движение от центра и к центру, небесным – круговое; утверждать, что небесные тела лишены всякого изменения; составлять весь мир, подобно луковице, из нескольких покровов (*pelluculae*)¹, или нескольких хрустальных сфер, обращающихся вокруг самих себя, к каковы де небесным сводам (*uraniscum*), как золотые окаймления наших колесниц, прикрепляются звезды. блуждающие для тех, кто внизу, и неподвижные для всевышнего, приставлять к этим сферам разумные духи, (интеллигенции), единственной функцией которых является вращать их наподобие мельничных жерновов; наконец, связывать высший из разумных духов и интеллигенцию, удостоенную имени Бога, с последней сферой или первым двигателем – все это, разумеется, во многих отношениях абсурдно и недостойно философа, а божественного величия и вовсе недостойно, так что, по мне, стеклянный шар Архимеда обнаруживает больше красоты и таланта, чем все аристотелевское небо.

Трудно поверить, чтобы Аристотель всерьёз так думал, но, поскольку он хотел создать школу, постольку он решил смело заявить в отношении этих вещей, что никаких подтверждений того, что это ложно, никогда не будет найдено людьми. И хотя в вопросах метафизических и в последнем из физических он правильно добирался до первого двигателя, делает он это мало сообразно своим принципам. Ведь если элементы могут сами собой стремиться вверх или вниз. почему бы и сферы сами собой не приводились в круговое движение? Потому-то некоторые из учеников добавляли к остальным девятую подлунную интеллигенцию, которая, дескать, приводит в движение элементы; а некоторые думали, что этот действующий в нас разум, о котором Аристотель писал, что он приходит извне и является отделимым, есть либо указанная интеллигенция, либо душа подлунного мира. Но я думаю, что Аристотель писал об этих вещах между прочим, вовсе не имея надежды раскрыть истину. То, что он

==196

оставил относительно души, и глубже и, добавлю, более истинно. Однако все это кажется более темным и менее полным и завершённым. И это учение об активном разуме (*intellcrLus agent*) заслуженно вызывает то подозрение, что Аристотель якобы только общий всем ум признавал бессмертным, а собственную душу каждого – смертной. Наконец, то, что философ дал в специальной физике, прежде всего относительно происхождения и частей животных, содержит в себе много прекрасного, чему и сам Гарвей придавал большое значение. Отсюда явствует, что он был выдающимся дарованием и имел высокие заслуги в тех науках, которым он серьёзно предавался.

По-видимому, не вполне достойно том, что в отношении но думали о машине универсума предписаний стоиков, каса- (*Unerversi Machina*) также и ющихся добродетелей, нужно следовать за нредписыва- СТОИКИ; однако, с другой СТОРО-

ющими только в том, что ны, они намного яснее высказы-остается в силе. О том, что вались о провидении как прави-воскресли наши современ- теле. а судьба для них была, как

котТрые "неТверГны'", ^ я полагаю, не чем иным. как

душей жизни, не может быть порядком, Предписанным Про-

получено ничего лучшего видением. Ибо как же они еще

связывали Бога с судьбой, если они верили, что он располагает и управляет вещами? Признаюсь, однако, что мы не можем судить об их доказательствах

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org достаточно точно, а поэтому нужно принять более доброжелательные интерпретации. А моральные предписания Стой были, кажется, как раз теми, которые воскресили в наше время некоторые выдающиеся люди. А именно, они учили, что добродетель состоит в том, чтобы мы во всем действовали согласно с разумением и чтобы никакие потрясения не смогли заставить нас изменить этой установке. Что мы будем счастливы, даже когда на нас обрушатся все несчастья, если будем думать, что мы правильно пользуемся нашим духом (*animus*), который один только находится в нашей власти, и что мы также потому должны быть довольны, что бессмысленно было бы терзать себя понапрасну. Я признаю, что в каком-то смысле все это верно, и не сомневаюсь, что посредством упражнения можно добиться того, чтобы потеря внешних вещей и самые страдания тела если не меньше чувствовались, то во всяком случае оказывали меньшее на нас влияние и не приводили дух в замешательство, покуда он владеет собой. Ведь почему бы разумение, укрепленное

==197

дисциплиной, не могло достигнуть того, чего подчас могли достигать наслаждение мстью и неоправданная доверчивость псевдомучеников, а именно радости среди мучений? И это имело бы место, даже если мы уничтожились бы с разрушением тела. И ничего лучшего не могло быть предложено теми философами, даже новыми, которые лишь устанавливают отделение души от тела. но, помимо этого. ничего о будущей жизни сказать не решаются, чем то, что допускали и упомянутые философы, стоики, согласно которым, кажется, душа после смерти возвращается к началу 34 мира или соединяется с другим телом, ничего не помня о деятельности, совершенной в предыдущем теле, подобно тому как материя тел остается той же материей, сменяя свои формы. Ибо никакие субстанции в мире не являются преходящими, преходящими являются их модификации. Однако такой способ сохранения души – а подобно этому и полно сохраняется, когда его сжигают, – ничуть не лучше ее уничтожения. И те, кто предлагает такое бессмертие, не имеющие никакого отношения к руководству жизни, кажутся мне подобными Эпикуру, который, упразднив провидение, оставил богов, хотя для их почитания уже не было никакой причины. Тем не менее они заслуживают похвалы за то, что придумали способ, который позволял все же некоторым оставаться в какой-то мере удовлетворенными, исходя из указанных допущений, – способ, отличающийся только по названию от той безмятежности духа, которую проповедовал Эпикур. Но если кто, доверившись божественному руководству, всерьез будет думать о том, что бессмертная душа, находящаяся в руках и под защитой Бога, может только сама себе причинять вред и что Бог тем, кто его любит и кто почитает добродетель, предуготовил величайшее счастье, – тот, обретя дух. не только довольный среди всех бедствий. но и радующийся всему тому, что совершается легче и полнее уже теперь, на земле, проведет такую счастливую жизнь. Кажется, что и стоики то и дело склонялись к этому, на что. по-видимому, хотя и весьма неясно, указывают некоторые высказывания Эпиктета. императора Антонина 35 и Сенеки. Платон же выразил то же самое гораздо более ясно.

Итак, я слегка коснулся всего, о пользе древней философия что есть в философии древних прекраснейшего и полезнейшего для руководства жизни, поскольку очевидно, что они то-

==198

же заглядывали в глубинную сущность вещей. Ведь когда Платон говорит о Боге, уме и идеях, Аристотель – о непрерывности и полноте, Левкипп и Демокрит – о механической философии и вихрях материи, последователи Пиррона – об обмане чувств. Пифагор и Аристарх – о системе мира. стоики – о добродетели и перипатетики – о государстве, они высказывают нечто такое, чтение чего доставит подготовленному читателю великую пользу и великое наслаждение и что. как мы видим, наши современники возродили и упорядочили. Однако я думаю, что было бы не слишком осмотрительно, если бы юный читатель, еще не обученный тому, как определять наилучшие мнения, опрометчиво приобщался к чтению через книги древних философов, а поэтому я бы хотел, чтобы какой-нибудь сведущий философ составил краткий обзор древней философии, который мог послужить введением к такому чтению и в котором содержалось бы только наилучшее и наиболее истинное, наиболее прочное в своей основе. Очевидно, что греки в математи-

О превосходных открытиях, прсвосходили которые оставили нам древ- " г -ние математики; о тех из дру1 их. Известно. что Пифагор них, которые до сих пор разработал науку о числах, ие опубликованы; о науках установил принципы (elementa)

(artes) древних, насколько геометрии и теории музыки.

это касается того, что они — " ~ r r J

в своих сочинениях по гео- Говорят. что Платон был перво-

метрии дали нам пример открывателем такого анализа, неопровержимых рассуж- ц
котором искомое предпола-яенпи гается как бы уже найденным и,
исходя из этого, происходит переход к данным. А что это правда и древним было
небезызвестно то искусство, которое сегодня называют алгеброй, и геометрическое
исчисление с помощью букв, которое ныне вошло в употребление, доказывает не
только то, что они дали в учении об отношениях и пропорциях, и не только
«Арифметика» Диофанта, но и открытие и постановка ряда весьма трудных задач, к
которым, по-видимому, они не могли легко прийти иначе, чем осуществляя с помощью
конических сечений и линии конхоид или циссоид нахождение двух средних
пропорциональных и трисекцию угла. Поэтому представляется, что они обладали
знанием о «местах» (loci), или кривых линиях, и это хорошо демонстрируют
Аполлоний и Папп. Но поскольку они не уделяли должного внимания тем построениям,
которые требовали для своего исполнения не линейки и простого циркуля, а сложных
инструментов, постоль-

==199

ку они меньше внимания уделяли трактовке линий более высоких порядков. А той,
более специальной геометрией, которая состоит в употреблении неделимых и
бесконечных для измерения криволинейных фигур и которая совершенно отлична от
общеизвестного анализа и алгебры, владел один только Архимед. Но он намеренно
утаил этот метод, и, право же, никто из древних, насколько известно, не разрешил
ни одной проблемы с помощью Архимедова искусства, за исключением, пожалуй, того,
кто открыл квадратриссы. Однако это искусство не могло ускользнуть от
проницательности людей нашего века.

Но если бы даже древние не оставили нам ничего другого, кроме «Начал» Евклида,
они все же заслуживали бы от человеческого рода большего уважения, чем может
казаться толпе. Из всех деяний европейцев ничто так не поразило китайцев, как
эти неопровержимые доказательства, ничего подобного которым они не видели и о
которых многие и из наших эрудитов, никогда их внимательно не рассматривавших,
имеют не большее представление, чем слепые о цветах. Ведь многие, как я вижу,
воображают себе, что геометры открывают теоремы посредством проб и опытов, и сам
Иосиф Скалигер, человек, поражающий своей ученостью и отнюдь не несведущий в
геометрии, полагал, что квадратура параболы была открыта Архимедом благодаря
случайному взвешиванию деревянной параболы и лишь потом было найдено
доказательство. Отменно сказано! Отсюда происходит, что те люди, которые мало
касались этого поприща, имеют недостаточное понятие о том, что есть истина и что
есть доказательство. и склоняются к скептицизму, довольствуясь легковесными
восприятиями. Поэтому мы должны быть чрезвычайно благодарны древним за то, что
они оставили нам строго написанные книги. Не будь их, я уверен, что мы имели бы
какую-то вероятностную и «эмпирическую» геометрию более низшего разряда, которой
я, помнится, пользовался на свой страх и риск еще ребенком, когда хотел получить
квадратуру круга, думая, что его сегменты пропорциональны описанным
прямоугольникам – мнение, которого я долго придерживался, покуда не занялся
этими исследованиями серьезно. Такой же была та геометрия, которой пользовались
кардинал Кузанский, Оронций Финейский и другие полугеометры. Она была полна
ошибок и спорных утверждений, и, возможно, людям тогда не больше пришло бы на
ум, что в геометрии можно писать доказательно, чем

==200

сегодня им приходит на ум то. что мною теперь впервые будет показано, а именно
что подобный неопровержимый способ рассуждения имеет место во всякой
аргументации и что в философии со спорами можно покончить так же. как и в
геометрии, – посредством исчисления.

Но вернемся к математическим сочинениям древних, перечисление которых, поскольку
их число достаточно велико, не имеет смысла, особенно если учесть, что эту
область ученые мужи давно уже освоили. Стоит напомнить о том, что было бы,
по-видимому, желательно, чтобы все из того, что остается еще неизданным,

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org постепенно появлялось на свет. Меня удивляло, что среди изданных древних теоретиков музыки был опущен Птолемей, который может считаться их главой. В конце концов Птолемя опубликовал достославный Джон Валлис, освободив меня от этой мысли, на которой, если бы когда-нибудь нашлось время, ради упражнения, дабы прерванные исследования греческих наук полностью не прекратились, я собирался сосредоточиться, ободряемый Маркардом Гудием, который, приобретя почти невероятную подготовку в самой изысканной учености, великодушно представил свой «Кодекс». До сих пор ожидают своей очереди сочинения Герона, и их было бы небесполезно свести в одно собрание. Все еще ждет своего издателя и вождь древних арифметиков Никомах из Геразы, на которого другие писали комментарии. Мы ждем от Исаака Фоссия завершения географии древних, а от Петра Даниэля Гуэция – астрологических сочинений предшественника Птолемея – Ветция Валента. Оба они – люди выдающейся учености. Можно было бы в какой-то степени пролить свет и на геодезию древних (о которой имеется небольшая неизданная книга Герона), и на тех писателей, которые составили описания управляемых территорий 36. Далее, если бы мы посчитали, что и в других науках многие древние нас превосходили, то по части знания воинского искусства мы стоим значительно ниже. Ведь, даже если не касаться того, что связано с открытием пороха, во всех остальных отношениях мы далеко отстоим от них, в чем убеждались и великие полководцы нашего времени по прочтении Полибия и Цезаря. Но это происходит не потому, что, предпочитаемая стройность разнообразным фигурам, мы превозносим наши построения, ибо создается впечатление, что, чрезмерно предаваясь упражнениям, относящимся к искусству, мы пренебрегаем упражнениями того, что дано нам от природы, – упражнениями, с по-

==201

мощью которых древние воины приобретали крепость и гибкость своих членов и благодаря которым нас и поныне устрашают турки, хотя они и не знают тактического искусства, которым древние отличались не меньше, чем наши. Но кто сможет сказать о наших воинах то, что сказал Цицерон о римлянах... 37 что для них шлем, щит и оружие представляют не большую тяжесть, чем сами члены тела?

Что мы превосходим древних в искусстве живописи, ваяния или зодчества, не отважатся утверждать даже люди наиболее сведущие в этих искусствах. О том, что у римлян были к тому же и замечательные машины, можно судить не только по Герону и Витрувию и по грандиозным военным сооружениям, но и по тем знаменитым чудодейственным спектаклям, которые они, по описаниям, устраивали. А если бы сохранилась книга Стратона из Лампсака о металлических машинах, тогда еще легче было бы судить о том, что сделали древние в сравнении с нами. Но этого и других утраченных творений древних, которые отчасти перечислены Гвидо Панциролло и список которых можно легко продолжить, я не могу здесь касаться. И несомненно то, что древние высказали об округлости земного шара, что они оставили после себя относительно острова Атлантида и островов Блаженных, границ Африки и Восточной Индии, воодушевляло наших аргонавтов. Известно, что сочинения Марко Поло, доставленные из Италии, прибавили духу португальцам. А если бы имелось сообщение монаха Козьмы, который уже во времена Юстиниана добрался до китайцев, – сообщение, которое было извлечено Эмериком Бигоцием из библиотеки Медичи и которое опубликовал Февенций – человек, отличающийся редчайшей ученостью в поразительно широком круге вопросов и достойный похвалы за великое рвение в делах общественных, – если бы оно имелось, то все это могло бы стать известным гораздо раньше. Мы по справедливости оцениваем и хронологию, составленную по затмениям и другим признакам, которая, если даже не может быть очень полезна для точного различия исторических событий, все же представляет прекрасную вещь. И вообще о всех тех, кто почитает только свою эпоху, можно справедливо сказать то, что сказал египетский жрец о греках: они всегда остаются детьми, тогда как от соединения достижений древних с нашими успехами человеческое познание, по-видимому, все больше и больше мужает.

==202

ДВА ОТРЫВКА О ПРИНЦИПЕ НЕПРЕРЫВНОСТИ

Один общий принцип, полезный не только в математике, но и в физике, при помощи которого из рассмотрения божественной премудрости исследуются законы природы, в связи с каковыми разъясняется спор, возникший с достопочтенным отцом Мальбраншем, и отмечаются некоторые заблуждения картезианцев

Этот общий принцип вытекает из рассмотрения бесконечного и оказывается весьма

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org полезным для мышления, хотя он и не применяется в достаточной степени и не вполне выяснен. Он безусловно необходим в геометрии, но его можно с успехом применять и в физике, так как высшая премудрость, являющаяся источником вещей, применяет совершеннейшую геометрию и соблюдает гармонию, красота которой несравненна. Итак. я часто пользуюсь при испытаниях и исследованиях этим принципом как своего рода пробирным камнем, благодаря которому тотчас и с первого взгляда можно выяснить ошибочность многих непоследовательных мнений, даже без детального исследования фактов. Этот принцип может быть сформулирован следующим образом: когда различие между двумя случаями, представляющимися в том, что дано или допускается, может уменьшаться таким образом, что оно становится меньше всякой величины, то необходимо, чтобы и различие между соответственными случаями, представляющимися в искомым или в выводах, вытекающих из того, что дано или допускается, уменьшалось таким образом, чтобы оно становилось меньше всякой величины. Или, выражаясь яснее: когда случаи (или данные) непрерывно приближа-

==203

ются друг к другу так, что наконец один переходит в другой, то необходимо, чтобы и в соответственных следствиях или выводах (или в искомым) происходило то же самое. Это вытекает из еще более общего принципа: когда данные следуют одно за другим в определенном порядке, то и искомые следуют одно за другим в определенном порядке. Но следует пояснить это правило легкими примерами, для того чтобы лучше выяснить, на чем основано его применение. Мы знаем, что конические сечения получаются благодаря проектированию окружности и что проекция прямой есть прямая. Если же прямая пересекает окружность в двух точках, то и проекция прямой пересечет проекцию окружности, например эллипс или гиперболу, в двух точках. Но секущая может двигаться таким образом, чтобы все более и более увеличивалась часть ее, расположенная вне круга, и чтобы точки пересечения все более и более приближались друг к другу, пока они наконец совпадут, причем в этом случае прямая начинает выходить из круга или становится касательной к окружности. Тогда, следовательно, и сами проекции точек пересечения прямой к окружности, т. е. точки пересечения проекции прямой с проекцией окружности, должны непрерывно приближаться друг к другу, и наконец, когда сами точки пересечения совпадают, совпадут и проекции этих точек. Следовательно, когда первая прямая становится касательной к окружности, то и прямая, являющаяся проекцией этой прямой, становится касательной к кониче скому сечению, представляющему собой проекцию окружности. Эта истина принадлежит к числу основных теорем, относящихся к коническим сечениям, и она доказывается не косвенным путем и не с помощью фигур, но вышеуказанным легким способом, путем непосредственной интуиции, и не для каждого из конических сечений в отдельности, как другие теоремы, а для всех конических сечений вообще. Приведем еще другой пример из теории конических сечений. Известно, что эллипс может до какой угодно степени приближаться к параболе, так что различие между эллипсом и параболой может стать менее любого данного различия, если только представить себе, что другой фокус эллипса удаляется от находящегося к нам ближе фокуса на достаточно большое расстояние, так что, следовательно. и радиусы, исходящие из этого более удаленного фокуса, как угодно мало отличаются от параллельных линий, так что, следовательно, в силу нашего принципа можно будет

==204

применить к параболе все без исключения геометрические теоремы, относящиеся к эллипсу, если только парабола рассматривается как эллипс, фокусы которого бесконечно удалены друг от друга, или (если представляется желательным избегать выражения «бесконечное») как фигура. отличие которой от эллипса может стать меньше всякой данной величины.

Применим теперь тот же самый принцип к рассмотрению физических явлений. Например, покой может рассматриваться как бесконечно малая скорость или как бесконечно большая медленность. Поэтому все то. что оказывается истинным по отношению к скорости или к медленности вообще, должно оказываться соответственным образом истинным и по отношению к покою или к величайшей медленности, так что, следовательно, тот. кто желает формулировать правила, относящиеся к движению и к покою, должен помнить, что следует представлять себе правило, относящееся к покою таким образом, чтобы его можно было понимать как следствие, вытекающее из правила, относящегося к движению, или как частный случай этого правила. Если этого [сделать] не удастся, то это является вернейшим

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org признаком того, что правила дурно сформулированы и противоречат друг другу. Таким образом, и равенство может рассматриваться как бесконечно малое неравенство, где различие оказывается менее всякой данной величины. Так как Декарт не обратил внимания на это замечание, он, несмотря на весь свой огромный ум, неверно сформулировал законы природы. И теперь я не стану повторять указания на другой источник его ошибок, вытекающий из смешения понятий живой силы и количества движения, против которого я уже возражал. Я ограничусь указанием на то, каким образом он нарушал наш вышеизложенный принцип. Рассмотрим, например, первое и второе правила движения, которые он сформулировал в «Началах философии». Я утверждаю, что эти правила противоречат друг другу'. Ведь его второе правило гласит: если сталкиваются два тела, В и С, движущиеся прямо навстречу друг другу с одинаковой скоростью, и В больше С, то С возвратится назад со своей прежней скоростью, а В будет продолжать свое движение, так что оба они вместе будут двигаться в том направлении, в котором прежде двигалось В. Но, по его первому правилу, оба тела, и В и С, равные и движущиеся с одинаковой скоростью в противоположных направлениях, столкнувшись, вернутся назад

==205

с прежней скоростью. Я же утверждаю, что это различие между двумя вышеупомянутыми случаями равенства и неравенства противоречит здравому смыслу, так как ведь неравенство тел может все более и более уменьшаться и наконец стать как угодно малым, так что различие между двумя предположениями равенства и неравенства становится меньше всякой величины. Итак, в силу нашего принципа и даже в силу требования здравого смысла различие между следствиями или результатами, вытекающими из этих предположений, так же должно было бы непрерывно уменьшаться и наконец стать меньше всякого данного различия. Но если бы второе правило оказывалось столь же истинным, как и первое, то происходило бы противоположное. Ведь, по второму правилу, всякое как угодно малое увеличение тела В, которое сначала равнялось С, не вызвало бы тотчас же в результатах как угодно малого различия, которое лишь мало-помалу возрастало бы, по мере того как возрастает увеличение тела В, как должно было бы быть, но оно тотчас же вызвало бы величайшее различие; так что при бесконечно малом увеличении вместо безусловного возвращения самого В со всей его скоростью происходило бы безусловное продолжение движения того же В в том же направлении также со всей его скоростью, а это является огромным скачком из одной крайности в другую. Однако здравый смысл требует, чтобы после того, как несколько возросла величина, а следовательно, и сила самого В, оно отталкивалось несколько слабее, чем прежде; так что и при незаметном или почти несуществующем приращении или избытке отталкивание также очень мало или весьма незначительно изменяется. Подобная непоследовательность обнаруживается и в остальных правилах Декарта, но теперь я не стану более подробно останавливаться на них.

Далее, так как достопочтенный отец Мальбранш дал в своей книге «О разыскании истины» немало превосходных разъяснений и внес поправки в некоторые догматы картезианской философии, считая необходимым иначе сформулировать и правила, относящиеся к движению. то я тогда же считал бесполезным отметить некоторые непоследовательности этого рода, которых не избежал и сам он. Я сделал это тем охотнее, что и сам он, по моему мнению, не рассердился за это ввиду выражаемой им любви к истине и так как я решил выяснить по этому поводу, насколько полезно принять это к сведению, чтобы впоследствии

==206

стали избегались такие заблуждения, в которые впадали даже даровитейшие люди. Приведу в качестве примера одно выраженное им мнение. Положим, что даны тело В (=2) со скоростью v_B (=1), далее, тело С (=1) со скоростью v_C (=2) и что эти тела, движущиеся в противоположных направлениях, сталкиваются друг с другом. Он полагал, что оба тела возвращаются назад, каждое со своей прежней скоростью. Но если скорость или величина того или другого из этих тел, например В, сколько-нибудь увеличится, то, по его мнению, оба тела вместе станут двигаться в том направлении, в котором прежде двигалось только В, и притом с общей скоростью, которая будет равняться приблизительно $\frac{1}{3}$ т.е. будет превышать прежнюю скорость самого В на $\frac{1}{3}$, если, конечно, мы предположим, что увеличение силы В настолько незначительно, что можно было бы (без заслуживающей внимания ошибки) сохранить прежние числа. Но разве можно допустить, что любое небольшое изменение, предполагаемое по отношению к самому В, вызовет столь значительное различие в результате, что совершенно прекратится движение назад и с величайшим

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
скачком из одной крайности в другую тело В, которое прежде отталкивалось со скоростью, принимаемой за 1, теперь, когда его сила получила чрезвычайно малое приращение, уже не только не двинется назад, но даже двинется вперед со скоростью, равной $1/3$ – Благодаря этому получается и то совершенно неправильное заключение, что направленный в противоположную сторону удар другого тела. С. вовсе не оттолкнет и не замедлит тела В, но сам некоторым образом привлечет его и усилит его стремление двигаться в его направлении, хотя оно и противоположно направлению его собственного движения, так как и В двигалось до удара со скоростью, равной 1, а теперь, после столкновения с движущимся в противоположном направлении телом С, оно продолжает свое движение со скоростью, принимаемой за $1/3$ Я полагаю, что это немыслимо. Когда же я указал на это в моем возражении г-ну аббату Кателану в февральском номере «Nouvelles de la République de Lettres» за 1687 г. на с. 139, достопочтенный отец Мальбранш отвечал в апрельском номере того же года на с. 48 с весьма похвальной откровенностью. Он признал, что мое вышеуказанное замечание не лишено основательности, но объяснил странность выводов тем, что они вытекали из предположения, которое сам он уже признал ошибочным и от которого

==207

он отказался: ведь сам он в вышеупомянутом сочинении «О разыскании истины» исходил в рассуждениях в последней главе 6-й книги из предположения существования совершенно твердых тел, хотя, по его мнению, их твердость обуславливается лишь давлением окружающих тел. а не неподвижностью частей, как полагал Декарт, и вследствие этого никогда не бывает совершенной и абсолютной. Если же предположить, что Бог создал совершенно твердые тела и вместе с тем что он сохраняет одно и то же количество движения, – предположение, которое достопочтенный отец, конечно, уже не считал бы правдоподобным, внимательнее рассмотрев его, и которое он заменил бы моим принципом сохранения силы, – то он, наверное, должен прийти к вышеупомянутым, почти невероятным выводам, т. е. к тому, что необходимо, чтобы более слабое тело С изменяло направление движения более сильного тела В или чтобы более слабое тело отталкивалось более сильным со скоростью, превышающей скорость самого, более сильного, тела без содействия упругости, но и то и другое представляется ему самому весьма маловероятным. На это я возражал в июньском номере «Nouvelles de la Rep. des lettres» за 1687 г. на с. 745; что же касается наименее вероятного вывода, а именно предположения, что тело В притягивается движущимся в противоположном направлении телом С, то я не стану на нем останавливаться, а если бы мы согласились с достопочтенным отцом Мальбраншем, что не само тело, движущееся медленнее, сообщает другому телу движение, скорость которого превышает его собственную скорость, но что Бог по поводу определенного положения тел производит в них движения. то не ясно. почему Бог, даже и не прибегая к посредству упругости, не мог бы сообщить телу С такое движение, которого требует принцип сохранения сил, а именно такое, скорость которого превышала бы скорость движения самого В, по поводу которого он это делает, причем этим, наоборот, даже можно было бы воспользоваться в качестве аргумента, подтверждающего ту точку зрения, с которой отрицается действительное действие одного тела на другие тела. как бы то ни было, если бы Бог пожелал создать совершенно твердые тела, то при сохранении всех остальных нынешних отношений и условий из нашего общего принципа вытекало бы в соответствии с разумением, что сами твердые тела подчинялись бы тем же законам, которыми подчиняются в самом деле существующие в мире тела, а именно упругие

==208

тела. причем твердые тела рассматривались бы как совершенно упругие тела, которые с бесконечно большой скоростью возвращаются в прежнее положение.

И хотя бы даже законы движений зависели от воли Божией, как полагает достопочтенный отец Мальбранш, однако сама воля Божия соблюдает во всех своих проявлениях некоторый порядок и расчет, так, чтобы они согласовались друг с другом, и так, чтобы, следовательно, при установлении законов природы ни в чем не нарушался формулированный здесь общий принцип и чтобы правила, принимаемые за основные, не оказывались бессвязными и противоречивыми. И если бы в природе оказались такие неправильности, как те, которые допускались достопочтенным отцом, то, по моему мнению, это вряд ли менее удивило бы геометров, чем если бы нельзя было вышеуказанным способом применить свойства эллипса к параболе. Но я полагаю, что в природе никогда не встречается ни одного такого случая, который до такой степени нарушал бы требования разума. Далее, то, что нелогично в самых

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org простых и отвлеченных принципах, лишь парадоксально в конкретных явлениях природы. Ибо в сложных телах небольшое изменение в данных может вызвать большое изменение в результатах, так, например, искра, попавшая в огромную массу пороха, может разрушить город, и мы видим, что какое-нибудь сжатое упругое вещество, удерживаемое незначительным препятствием, освобождается от легкого прикосновения и затем развивает большую силу. Однако это не только не противоречит нашему принципу. но объясняется лишь на основании этого и других общих принципов. Но ничего подобного нельзя допускать в принципах и в простых вещах, так как в противном случае природа не представлялась бы созданием бесконечной премудрости.

Итак, благодаря этому несколько основательнее, чем обычно предлагается, выясняется, каким образом следует выводить истинную физику из источников божественных совершенств. Ведь Бог является последней основой вещей, и поэтому познание Бога является не менее научным принципом, чем его сущность и воля являются принципами вещей. Чем глубже кто-нибудь вникал в философию, тем легче ему признать это. Но до сих пор лишь немногие могли выводить из рассмотрения божественных свойств истины, имеющие какое-нибудь значение в науках. Может быть, найдутся лица, для которых вышеприведенные образцы

==209

послужат стимулом. Философия освятится, когда в ее русло потекут ручейки из священного источника естественной теологии. Итак. вовсе не следует отвергать конечных причин и мысли о мудрейшем Уме. действующем для блага; добро и красота не являются чем-то произвольным. как полагает Декарт, чем-то имеющим значение лишь для нас. но чуждым Богу, как думает Спиноза. Наоборот. именно основные положения физики выводятся из понятия Ума. Уже в «Федоне» это было очень хорошо выяснено Сократом. когда он порицал Анаксагора и других слишком материалистических философов, которые, хотя и признавали мыслящее начало, стоящее выше материи, но не прибегали к его помощи при философском объяснении универсума. Там, где следовало бы показать, что Ум все наилучшим образом устраивает и что он является разумным основанием всех вещей, которые он счел целесообразным произвести, они предпочитают прибегать к движениям и столкновениям неразумных тел, смешивая условия и орудия с истинной причиной. «Получается то же самое,—говорит Сократ,— что было бы в том случае, если бы кто-нибудь, имея в виду указать причину, почему я сижу здесь в темнице, ожидая рокового напитка, вместо того чтобы поскорее бежать, как я мог бы, к беотийцам или к другим народам, сказал бы, что это происходит потому, что во мне есть кости, связки и мускулы, которые так согнуты, как нужно для сидения. Но ведь эти кости и эти мускулы не были бы здесь, если бы Ум не решил, что Сократу достойнее подчиниться законам». Это место из Платона стоит того, чтобы его прочитать целиком, ибо в нем содержатся основательные и чрезвычайно изящно выраженные мысли. Однако я не отрицаю, что можно объяснять явления природы математически или механически, раз установлены принципы, и что это следует делать, лишь бы только не упускались из виду удивительные цели устанавливающего порядок провидения и применяемые им средства. Однако нельзя вывести принципы физики и самой механики из законов математической необходимости, но для их обоснования следует в конце концов обращаться к высшей разумности (*supremam intelhgenti-am*). Благодаря этому благочестие примиряется с разумением. и если бы Генрих Мор и другие ученые и благочестивые люди приняли это во внимание, то они менее опасались бы того. чтобы религия сколько-нибудь пострадала вследствие развития механической или корпускулярной философии

==210

фии 3. Эта философия вовсе не отклоняет от Бога ее нематериальных субстанции, но, если внести надлежащие поправки и хорошо вдуматься во все, она гораздо лучше, чем это делалось прежде философами, привлекает нас к вышеупомянутым возвышенным началам.

О принципе непрерывности (из письма к Вариньону)

Не имея времени остановиться подробно на затронутых Вами геометрических проблемах, я на этот раз ограничусь ответом лишь на ту часть Вашего письма, в которой Вы просите меня разъяснить мой принцип непрерывности (*Principe de Continuite*). Я вполне убежден во всеобщности и ценности этого принципа не только для геометрии, но и для физики. Геометрия есть не что иное. как наука о границах

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org и величине непрерывного, поэтому не удивительно. что этот закон наблюдается в ней повсюду: ибо откуда мог бы вдруг произойти перерыв в данном предмете, если он по своей природе не допускает никакой прерывности? Как известно, в этой науке все взаимно в высшей степени связано, и невозможно привести ни одного примера, который показывал бы, что некоторое качество внезапно возникает или внезапно прерывается, так что нельзя заметить самого перехода от одного состояния к другому, т. е. точек перегиба и возврата, весьма существенных для объяснения рода изменения, подобно тому как единичное алгебраическое уравнение, точно выражающее одно определенное состояние данного предмета, выражает в возможности вместе с тем все другие состояния, которые могут быть свойственны этому же самому предмету.

Универсальность этого принципа в геометрии скоро убедила меня в том. что этот принцип имеет не меньше значения также и для физики: я понял, что для того, чтобы в природе существовали закономерность и порядок, необходима постоянная гармония между физикой и геометрией; в противном случае было бы следующее: там. где геометрия требует непрерывности, физика допускала бы внезапные перерывы. По моему убеждению, в силу оснований метафизики все в универсуме связано таким образом, что настоящее таит в себе в зародыше будущее и всякое настоящее состояние естественным образом объяснимо только с помощью другого состояния, ему

==211

непосредственно предшествовавшего. Отрицать это – значит допускать в мире существование пустых промежутков, hiatus'ов, отвергающих великий принцип достаточного основания и заставляющих нас при объяснении явлений прибегать к чудесам или к чистой случайности. Я, однако, думаю, что, говоря языком алгебры, если в одной формуле высшей характеристики выразить какое-либо одно существенное для универсума явление, то в такой формуле можно будет прочесть последующие, будущие явления во всех частях универсума и во все строго определенных времена, подобно тому как Г-н Гудде был намерен в свое время начертить такую алгебраическую кривую, контур которой обозначал бы все черты определенного лица. Нет в мире явления, противоречащего этому великому принципу; напротив, все составляющее наше достоверное познание вполне подтверждает его. И если было найдено, что установленные Декартом законы столкновения тел ложны, то я могу показать, что они ложны только потому, что нарушают закон непрерывности, допуская пустоту, hiatus, в явлениях мира. Если же сделать к ним соответственную поправку, утверждающую вновь этот закон, то легко прийти к тем законам, которые были найдены Гюйгенсом и Реном и которые были подтверждены опытом. Но если непрерывность есть необходимый постулат (requisitum) и отличительный признак истинных законов сообщения движения, то можно ли еще сомневаться в том, что все явления подчинены закону непрерывности, или в том, что они разумно могут быть объяснены только по истинным законам сообщения движения?

Поскольку, как я считаю, этот закон создает совершенную непрерывность в плане последовательности, он создает нечто подобное и в плане одновременности, что дает нам заполненную реальность и позволяет относить пустые пространства к области вымысла. В явлениях, существующих одновременно, имеет место и последовательность, хотя воображение замечает одни только скачки: ведь большое число явлений кажется нам абсолютно несхожими и разъединенными, но, когда мы пристальнее присмотримся, мы найдем их внутренне совершенно схожими и едиными. Если мы видим лишь внешние контуры парабол, эллипсов и гипербол, то мы можем подумать, что между этими кривыми существует значительное отличие. А между тем мы знаем, что они внутренне связаны, так что невозможно найти между двумя из них какое-либо промежуточное

==212

пространство, которое позволило бы нам более неуловимым образом перейти от одного к другому. По-моему, есть веские основания полагать, что все различные роды существ, совокупность которых образует универсум, в мыслях четко знающего их сущностные градации Бога, до такой степени подчинены одной и той же формуле, что ее единство нарушилось бы, если бы мы смогли между двумя ее последовательными решениями найти какие-то промежуточные; это было бы свидетельством беспорядка и несовершенства.

Существует тесная связь между людьми и животными, между животными и растениями

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org и, наконец, между растениями и ископаемыми; ископаемые же в свою очередь находятся в теснейшей связи с телами, которые нашим чувствам и воображению кажутся мертвыми и бесформенными. Закон непрерывности требует, чтобы и все особенности одного существа были подобны особенностям другого, если только существенные определения первого подобны существенным определениям второго. Закономерность естественных явлений, таким образом, образует не что иное, как такую цепь, в которой различные роды явлений настолько тесно связаны, что ни чувственным восприятием, ни воображением невозможно точно установить тот самый момент, когда одно кончается и начинается другое; ибо все промежуточные виды, т. е. виды, лежащие вокруг точек перегиба и возврата, должны иметь двойное значение, характеризуясь такими признаками, которые с одинаковым правом можно было бы отнести как к одному, так и к другому из этих смежных видов.

Таким образом, нет ничего чудовищного, например, в существовании зоофитов, или, как называет их Буддеус, «растений-животных»; напротив, это совершенно согласуется с порядком природы. Значение принципа непрерывности для меня столь очевидно, что я не был бы удивлен открытием таких промежуточных существ, которые в некоторых свойствах, например в отношении их пропитания или развивающегося роста, можно было бы с одинаковым правом принять как за животных, так и за растения. Такое открытие опрокинет обычные представления об общих законах (*des regles communes*), основанные на предпосылке полного и безусловного разделения существ различного порядка, одновременно наполняющих универсум. Да, я повторяю, не только не удивился бы, но даже убежден, что такие виды в действительности должны существовать

==213

в природе и что естественной истории удастся, может быть, однажды их открыть, если предметом точного изучения оно сделает эту бесконечную непрерывность живых существ, которые вследствие своего малого размера не доступны обычному наблюдению и которые таятся в недрах земли и в глубине вод. Наши наблюдения ведь начались очень недавно, как же мы можем доказывать верность того, что мы еще не видим? Принцип непрерывности для меня не поддается никакому сомнению. Он мог бы служить прекрасным средством для обоснования важнейших принципов истинной философии, которая, подымаясь выше чувств и воображения, стремится найти в интеллектуальном мире причину происхождения явлений. Я горжусь тем, что у меня есть несколько идей этой истинной философии, но наше столетие еще не способно их понять.

БЫЛО ВРЕМЯ...

Было время, когда я полагал, что все явления движений можно объяснить из чисто геометрических начал, не принимая никаких метафизических положений, и что законы соединений светил зависят от одного только сложения движений; но после более глубокого размышления я убедился, что это невозможно, и научился истине более важной, чем вся механика, а именно что все в природе, правда, можно объяснить механически, но сами механические исходные начала зависят от метафизических и некоторым образом моральных начал, а именно от созерцания производящей и конечной причины, т. е. совершеннейшим образом творящего Бога. и никоим образом не могут быть выведены из слепого сложения движений. Поэтому невозможно, чтобы в мире не было ничего, кроме материи и ее изменений, как это принимали последователи Эпикура. Чтобы это стало яснее, я сначала изложу вкратце то, что когда-то считал возможным принять, а затем скажу, что увело меня от этого мнения.

Положим, что два тела, А и В (фиг 5) ¹. которые я здесь рассматриваю как точки, движутся по направлению одна к другой по линии АВ и. выйдя одновременно из места А и В и сближаясь равномерным движением, встречаются в местах А и В, так что скорости их представлены отрезками АА' и ВВ', которые они прошли за одно и то же время. Я говорил, что более медленное тело В, увлеченное

==214

более быстрым А, будет вместе с ним двигаться от места встречи дАВ по направлению к ЗАВ со скоростью гА-ЗА (или гЛЗВ), равной разности прежних скоростей (аА и ВВ; т. е. за такое время, за какое они до схождения пришли одновременно А из а в уА, а В из ,В в гВ; теперь после схождения они одновременно придут А из ^А в дА, ; а В из гВ в зВ. и гА^А (или ^ВЗВ) будет

1jв^В Доказательство я основывал на предположении, что в теле можно рассматривать только массу, т. е. протяженность и непроницаемость, или, что сводится к тому же, заполненность пространства, или места, и что в движении можно рассматривать только изменение упомянутого, т. е. изменение места.

Таким образом, если мы не хотим утверждать ничего, что не вытекало бы из этих понятий, то мы скажем, что причину, по которой одно тело сообщает движение другому, надо видеть в природе непроницаемости: когда тело А наталкивается на тело В и не может проникнуть сквозь него, оно не может продолжать свое движение, не увлекая за собой это тело. И, устремляясь в самый момент столкновения двигаться дальше, оно стремится увлечь его с собой, т. е. начнет увлекать, сообщив и ему стремление двигаться с той же скоростью и в том же направлении, ибо всякое стремление есть начало действия, следовательно, содержит в начале эффекта, или претерпевания, в том теле, на которое направлено действие. Это стремление будет иметь явный успех, и А после схождения будет двигаться и далее с той же скоростью, а В после схождения будет, если ничто этому не препятствует, двигаться с той же скоростью и в том же направлении, с какими А пришло к месту схождения; а препятствовать ничего не будет, если доложить, что тело В до схождения находится в покое, как это показано на фиг 62 (где точки ,В и gВ совпадают), т. е. в состоянии безразличия к восприятию какого угодно движения, и поэтому в случае фиг. 6 [а^А будет равно ?АзА или 2838 ибо сказать, что материя противится движению и целое, сложенное из А и В, будет теперь двигаться медленнее, чем раньше двигалось одно только А, — это значит утверждать нечто такое, что не может быть выведено 13 простой природы тела и движения, как мы ее выше определили, предполагая в ней только заполнение пространства и перемену места. Если же мы положим, как показано на фиг. 7 3, что два тела движутся по направлению одно к другому с одинаковой скоростью, то после схождения

==215

ния они оба останутся в покое. Ибо тело А в момент встречи будет иметь два устремления: одно — продолжать движение с той же скоростью, что и ранее, а именно со скоростью 1АзА; другое — начать двигаться в обратном направлении с той же скоростью, какую имело до схождения тело В, а именно со скоростью iв^В. равной скорости ^А.^А. Итак, можно будет считать, что оно движется двумя равными и противоположными движениями, так что оба устремления возымели свой эффект, т. е. тело придет в состояние покоя Действительно, если (фиг. 8) 4 на корабле LM мяч С движется от носа к корме со скоростью ^С, а корабль в то же время идет со скоростью jМ^М. равной скорости i^С^С, то мяч при всем своем стремлении не изменит места и будет сохранять свое положение относительно неподвижной точки N на берегу. И то, что мы сказали о теле А (фиг. 7), можно будет сказать и о втором теле, В. Если же одно из двух тел будет двигаться быстрее, как показано на фиг. 5, то оно одержит верх и оба будут двигаться по направлению более быстрого, но со скоростью, равной разности прежних скоростей. Ибо тело А в момент встречи будет иметь два устремления: одно — продолжать прежнее движение с большей скоростью [а^А; другое — двинуться обратно с меньшей скоростью iв^В; а тело В — тоже два, но наоборот: продолжать прежнее движение с меньшей скоростью |ВгВ, двинуться обратно с большей скоростью 1А^А. Чтобы все эти устремления получили свой эффект, сложим опять соответствующие им движения. При этом, если тело движется двумя противоположными движениями, в итоге оно будет двигаться в направлении большего, но со скоростью, равной разности прежних скоростей, т. е. оба, согласно фиг 5, пойдут вместе из ^А^В в зАзВ со скоростью зАзА, или ^Вув, равной 1А^А минус [b^b. Уясним и это примером корабля (фиг 9) 5.

Пусть NPQR — берег реки, LM — корабль, идущий из iL)M в gLgM со скоростью NP. На корабле находится тело С, перемещающееся от носа к корме со скоростью iСgС. Очевидно, что оно движется с двумя противоположными скоростями: большей PR (равной скорости корабля NP) и меньшей, своей собственной скоростью QR (равной i^С^С). направленной в противоположную сторону. Таким образом, в итоге тело С перемещается по отношению к берегу, из места Q в место R в том же направлении, что и корабль, т. е. в направлении большей скорости, со скоростью QR, равной разности скоростей PR и QP;

==216

остается еще один случай, если тела А и В (фиг. 10) 7 движутся в одну и ту же

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org сторону по одной прямой, но более быстрое А настигает более медленное В и наталкивается на него. После этого оба продолжают двигаться вместе со скоростью большего, т. е. со скоростью а-А-за. или уВ^В, равной скорости |АдА: подобно тому как в предыдущем случае разность скоростей вычиталась из большей скорости, так теперь она прибавляется к меньшей. Ибо более быстрое тело толкает более медленное только избытком скорости, а в той мере, в какой их скорости равны, они не воздействуют одно на другое, подобно тому как если бы они, находясь на корабле, имели с ним одно общее движение и по отношению к кораблю более медленное оставалось в покое, а более быстрое на него наталкивалось. Но если бы мы просто положили, что более быстрое тело всю свою скорость сообщает более медленному, то они не продолжали бы двигаться вместе, как это бывает во всех прочих случаях, а более быстрое сохранило бы свою скорость, а более медленное стало бы двигаться с суммарной скоростью и, следовательно, стало бы более быстрым.

Эти наши заключения о схождении движущихся тел в том более всего расходятся с опытом, что не учитывают уменьшения скорости при возрастании величины приводимого в движение тела, как на фиг 6. В остальном все происходит так, как если бы мы предоставили столкнуться двум телам, мягким и лишенным упругости, которая заставила бы их после столкновения отскочить друг от друга, например двум глиняным шарам, завернутым в оболочку и подвешенным на нитях, за исключением того, что необходимо произвести деление на их сумму, т. е. скорость должна уменьшиться вдвое, если тела равны. Думал я и о том, что хотя бы в состоянии тел, взятом вне системы и, так сказать, первобытном (*rudi*), и происходило нечто соответствующее моим заключениям, так что весьма большое тело, находящееся в покое, увлекалось бы столкнувшись с ним весьма малым с той же скоростью, какую имеет это малое, однако в системе, т. е. в окружающих нас телах, нечто подобное было бы совершенным абсурдом, ибо в этом случае каждый пустяк вызывал бы величайшее смятение, и поэтому такой эффект затруднен всевозможными ухищрениями: тела обладают упругостью и гибкостью и часто, когда часть подвергается толчку, целое остается этим не затронутым. Но когда я размышлял, как вообще можно объяснить, что при увеличении массы

==217

(*moles*), как мы это наблюдаем, уменьшается скорость (например, мы видим, что один и тот же корабль идет по течению реки тем медленнее, чем больше он нагружен), я пришел в затруднение и после тщетных попыток объяснения убедился, что, исходя из одного только принятого вначале понимания материи и движения, согласно которому материя определяется как то, что обладает протяженностью, или заполняет пространство, а движение – как изменение пространства, или места, невозможно вывести эту, как я назвал бы ее, инерцию тел. Кроме того, что выводится из одной только протяженности и ее изменений, или модификаций, необходимо признать наличие в телах некоторых начал (*notiones sive formas*), так сказать нематериальных, которые можно было бы назвать потенциями, которые соразмеряют скорость с величиной, состоят не в движении и не в устремлении как начале движения, а в причине или внутреннем основании продолжения движения с необходимой закономерностью. Ошибки были в том, что рассматривавшие движение авторы оставили без рассмотрения движущую потенцию, т. е. основание движения. Хотя мы возводим ее к Богу как творцу и правителю вещей, надо понимать, что она не в самом Боге, но Бог производит и поддерживает ее в вещах. Отсюда мы покажем, что сохраняется в мире постоянным не количество движения (в чем ошиблись многие), а потенции.

==218

ОПРОВЕРЖЕНИЕ АТОМОВ, ПОЧЕРПНУТОЕ ИЗ [ИДЕИ] СОПРИКОСНОВЕНИЯ АТОМОВ

23 октября 1690 г.

Определение I. Вещь двояким образом отличается от других вещей: либо сама по себе, либо извне. Сама по себе вещь отличается от другой, когда само ее рассмотрение дает основание для различения без каких-либо операций и без изменения этой вещи. Извне – когда нечто внешнее производит в вещи нечто новое, чего в другой не производит. Например, шар и куб различаются как при рассмотрении, так и извне: при рассмотрении, потому что у шара нет вовсе углов, а у куба их восемь; извне – например, если положить тот и другой на наклонную плоскость: шар при спуске будет катиться, а куб скользить.

Аксиома. Все, что отличимо от другого извне, отличимо также и само по себе *.

Например, две монеты одной чеканки, одна из настоящего золота, другая из поддельного, легко различимы извне посредством удара молотком. Утверждаю, что еще и до удара при внимательном рассмотрении можно будет уловить различия в самом составе той и другой невооруженным или вооруженным глазом, а если острота зрения окажется недостаточной, все же это различие существует внутри и может быть уловимо для какого-нибудь более проницательного создания (например, ангела).

Наблюдение. Некоторые тела могут быть оторваны одно от другого.

Принятое предположение. Материя одно-

* Приписка Лейбница на полях: «Все, что отличимо само по себе, отличимо также и извне. Если два тела подобны посредством третьего подобного, то они неразличимы. Если два тела подобны, но не равны друг другу, то они могут различаться извне при помощи третьего или без него. Тела подобные и равные не могут различаться извне и вообще никаким образом, и поэтому они – одно и то же».

==219

родна, т. е., помимо движения и фигуры, везде подобна себе.

Определение II. Атом есть тело, которое невозможно раздробить.

Постулат. Если атомы существуют, то можно приписать любую фигуру и величину и любое расположение.

Теорема. Не может быть, чтобы все тела состояли из атомов. Возьмем (согласно постулату) три атома А, В, С, из которых А – куб, а В и С – треугольные призмы, составляющие куб D, подобный и равный кубу А. Куб D неотличим от куба А (согласно принятому предположению). Следовательно, они неотличимы и извне (согласно аксиоме). Если теперь другие тела натолкнутся на куб D, то они смогут разделить атомы В и С или не смогут. Если смогут разделить, тогда те же тела, таким же образом наталкиваясь на куб А, смогут разделить его на части, ибо иначе А и D 2 различались бы извне (согласно определению I), что противоречит показанному выше. Но если куб А разбивается на части, то (согласно определению II) он не будет атомом, как это предполагалось. Если же другие тела не могут разделить куб D на составляющие его части, то отсюда следует, что не-атом 3 превратился в атом вследствие соприкосновения. То же самое будет, какой бы фигуры ни были взятые атомы. Отсюда следует, что атомы, раз они вступили в соприкосновение, уже не могут быть разделены. Но если все тела состоят из атомов, то они и соприкасаются только атомами. Следовательно, они не могут и быть разделены после соприкосновения, если только хотя бы один атом одного тела не отделится от атома другого тела, что, как мы показали, невозможно. Но что тела не могут разделиться... 4 Итак, неверно, что все тела состоят из атомов. Что и требовалось доказать.

Схолия к «Опровержению атомов, почерпнутому из [идеи] соприкосновения атомов»

24 октября 1690 г.

Я не вижу, что можно было бы возразить против этого опровержения, не отрицая содержащегося в нем постулата. Мы требовали допустить следующее: если существуют атомы, то им можно приписать любую фигуру и величину и любое расположение. Единственное, что представляется возможным возразить с некоторым основанием, состоит

==220

Я в следующем: не могут существовать атомы, части которых * соединены только точкой или линией. Так, например, не может быть атома, подобного телу, состоящему из двух соприкасающихся шаров. Но если есть атомы шарообразные или ограниченные какими-либо другими поверхностями, то они никогда не будут соприкасаться иначе как в одной точке. Итак, они никогда не составят тела, подобного атому. Полагаю, что на это можно кое-что ответить, и прежде всего что

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org если причина твердости – соприкосновение поверхностей, то отсюда должно следовать, что, чем больше площадь соприкосновения, тем больше будет твердость. Следовательно, атомы не могли бы быть одинаково твердыми. Итак, должна была бы существовать какая-то определенная сила разрыва, которой измерялась бы твердость. Не вижу, где мы могли бы найти эту силу, не связанную с движением тел, если только мы не призовем на помощь некие духовные силы, способ воздействия которых на тела, однако, невозможно постигнуть. Если же твердость всех атомов равна 5 и величина соприкосновения ее не меняет, то достаточно будет соприкосновения на одной линии и даже в одной точке.

Второе, что можно ответить, – это что тела, как мы доказали, не могут состоять из атомов, ограниченных плоскими гранями. Но помимо того что можно сомневаться, действительно ли существуют криволинейные поверхности в собственном смысле слова, такое исключение представляется несообразным с закономерностями вещей, так что если строение из атомов возможно, то оно с необходимостью должно происходить из тел, не содержащих плоских граней.

Третий ответ таков: необходимо исключить из природы атомы не только с плоскими, но и с вогнутыми гранями. Иначе из не-атома можно будет сделать атом. Всякий раз кажется, что вогнутая поверхность одного атома наложена на выпуклую поверхность другого, а это будет происходить до тех пор, пока все атомы с вогнутыми гранями не окажутся заполненными, насколько это позволит количество выпуклых, существующих в природе. Но и такое исключение представляется несообразным с закономерностями вещей. И вообще, если кто говорит, что нет иных атомов, кроме совершенно шарообразных, чтобы уклониться от силы нашего доказательства, тот придумывает нечто приспособленное к позднейшим возражениям, но не соответствующее первым закономерностям и полноте

==221

природы. Короче: из атомистической гипотезы я могу вывести нелепость, если только мне будет позволено считать атомы имеющими любую величину, фигуру и движение *

Приложение к «Опровержению атомов, почерпнутому из [идеи] соприкосновения атомов»

Если кто, чтобы уклониться от силы нашего доказательства, скажет, что не могут существовать атомы, части которых соприкасались бы только в точке или по линии, и что для сцепления необходимо соприкосновение поверхностей, то он встретится с новыми трудностями.

Действительно, если от соприкосновения поверхностей возникает сцепление, то придется представить себе случай, когда атом не может скользить по атому как только часть грани атома В совпадет с частью грани атома А, они не только не смогут разорваться и отскочить, но не смогут и скользить одна по другой, ибо соприкасаются по поверхности. И даже, что еще удивительнее, атом А, придя в своем движении из положения а в положение А, где он не сможет далее двигаться, потому что для этого должен скользить по атому В, остановится без какого либо препятствия, как будто заколдованный. Тут недостаточно будет сказать, что нет в природе таких атомов и вообще каких либо, кроме шарообразных или хотя бы ограниченных выпуклыми поверхностями. Ведь достаточно того, что возможны ограниченные плоскими или вогнутыми гранями, раз возможны ограниченные выпуклыми, и что из допущения возможности следует нелепость, откуда следует, что нельзя допустить и выпуклых.

А если кто, учитывая это, потребует для сцепления уже не только соприкосновения поверхностей, но еще и их неподвижности, чтобы сохранить возможность скольжения одного атома по другому, то не сможет ничем подкрепить

* Приписка на полях «Можно было бы прибавить такой довод если бы могли существовать атомы, могли бы существовать тела, подобные и равные и все же различающиеся между собой, каковы были бы два равных шара

Если бы существовали атомы, нельзя было бы понять в них причину отражения, которое возникает только от упругости (elaterio), и атомы, сталкиваясь, не отскакивали бы один от другого. Притом соприкосновение поверхностей вызывает сцепление, и два атома, сталкиваясь гранями, не отскакивали бы один от другого;

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
и если скорость у обоих одинакова, то вся сила пропадала бы»

==222

свое мнение. Не видно, почему природа и сила наличного состояния, каковым является соприкосновение, должна зависеть от предшествующего состояния, чтобы соприкосновение вызывало сцепление, только продлившись некоторое время на одном и том же месте, как будто бы ему требовалось какое-то привыкание. Притом отсюда следовало бы, что твердость со временем возрастает и что вновь возникшие атомы становятся тем тверже, чем более длилось соприкосновение. Сказать это никто легко не решится. Но нельзя указать и момент, с которого начинается сцепление двух атомов, если оно не является совершенным с самого начала соприкосновения. Если же оно не начинается, пока не продлится некоторое время, то и не начнется никогда, иначе оно опередило бы само себя. Кроме того, всякий покой можно представить как составленный из двух движений. Положим, что на тело одновременно действуют две движущие силы, так что оно находится в покое *per accident*⁷. Скажем ли мы, что оно и тогда должно пристать к поверхности тела. по которому скользит? Так, куда бы мы ни обратились, мы наталкиваемся на безвыходные противоречия, и это неудивительно, ибо мы исходим из неосновательной гипотезы, а именно из допущения высшей твердости без постижимой причины.

Если же кто полагает, что атомы во всяком случае могут возникнуть по решению Бога. то мы согласимся с ним, что Бог может создать атомы, но необходимо непрерывное чудо, чтобы они противились раздроблению, ибо в самом теле начало совершенной твердости непостижимо. Бог может совершить все, что только возможно, но не всегда возможно, чтобы он передавал свое всемогущество своим творениям и делал так. чтобы они сами по себе производили то. что совершается только могуществом его самого

==223

ПРОТИВ КАРТЕЗИАНЦЕВ, О ЗАКОНАХ ПРИРОДЫ И ИСТИННОЙ ОЦЕНКЕ ДВИЖУЩИХ СИЛ

(Ответ на соображения, высказанные Г-ном Папеном в «Acta Eruditorum» в январе 1691 г.)

Надеюсь, что мой уважаемый оппонент извинит мне промедление с ответом, вызванное различными препятствиями. В целях возможно большей краткости я пока оставляю в стороне рассмотрение вопроса о причине тяготения. Первостепенное значение имеет исследование оценки сил. которые природа всегда сохраняет одними и теми же. Многие измеряют силу произведением массы на скорость, т. е. количеством движения, отсюда и картезианцы выводят, что в природе сохраняется одно и то же количество движения. Возражая против этого, я показал («Acta Eruditorum», март 1686 (, с 161) ', что если, как это обычно допускают, и прежде всего сами картезианцы, одна и та же энергия потребна для поднятия одного фунта на четыре фута и четырех фунтов на один фут, то нельзя измерять силу количеством движения и тело в четыре фунта со скоростью, измеряемой единицей, не равносильно телу в один фунт со скоростью, измеряемой четырьмя единицами, ибо если первое может поднять один фунт на четыре фута, то второе может поднять его на шестнадцать футов. Пытаясь возражать против этого моего рассуждения. некоторые ученые так запутались, что приходится предположить недостаточное понимание вопроса, когда они допускают оценку энергии пропорционально массе и высоте, на которую масса, или тяжесть, может быть поднята. Но Г-н Папен правильно понял, что, допуская эту оценку,

==224

нельзя сохранить оценку, пропорциональную массе и скорости: поэтому, убедившись в справедливости последней, он отвергает первую («Acta Eruditorum», апрель 1689 г., с. 183) и приводит свой собственный довод в пользу пропорциональности скорости силам при равенстве массы. В своем ответе («Acta Eruditorum», май 1690 г., с. 228) я, углубляя исследование, показал, что из противоположного утверждения вытекает неравенство причины и действия и даже вечное движение, что представляет собой нелепость. Действительно, согласно моему определению, если носите лей неравных сил поставить одного на место другого, то возникает вечное движение, т. е. действие, превосходящее причину, и замещающее окажется носителем большей энергии, а замещенное – меньшей. Применив некое ухищрение, я показал, что распространенное предположение – согласно которому если четырехфунтовый шар,

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org имеющий скорость, пропорциональную 1, перенесет всю свою силу на однофунтовый, то последний должен получить скорость, пропорциональную 4, – будет означать, что возникло действие, превосходящее причину, т. е. механическое вечное движение. Превосходящим (*potius*) я здесь называю то, в чем (или в действии чего) содержится нечто другое {нижнее} или его действие и, сверх того, еще нечто; и в данном случае превосходящим, или большим, по отношению к низшему, или к меньшему, является то, содержание чего (формальное или потенциальное) заключает в себе содержание этого низшего, или меньшего, и еще нечто. Так. то, что может поднять один фунт на 16 футов, является превосходящим по отношению к тому, что может поднять его на 4 фута. ибо оно поднимает один фунт на 4 фута и, сверх того, еще на 12 футов.

Достопочтимый Папен в январском выпуске «Acta Eruditorum» за этот год, с одной стороны, отвечает на мое рассуждение, с другой – по праву ожидает обстоятельного ответа на свое. Я тем охотнее последую за его инициативой, что ценю его пронизательность и беспристрастие.

Однако мне кажется, что он лишь отчасти ответил на мои соображения. Он чистосердечно признает, что если, согласно распространенному мнению, допустить, что вся сила шара в 4 фунта со скоростью, пропорциональной 1, будет перенесена на шар в один фунт, то последует вечное движение, но отрицает самую возможность этого. «Я признаю, – говорит он на с. 9 «Acta Eruditorum» за этот год, – " абсурдность вечного движения, и законность доказатель-

==225

ства этого из предположения о переносе сил». И далее «Если мне покажут какой-нибудь способ, каким вся движущая сила (*vis motrix*) могла бы без чудесного вмешательства перейти от большего тела к меньшему и покоящемуся, я либо допущу вечное движение, либо признаю себя побежденным в споре» О способе осуществления скажу в дальнейшем, здесь скажу только, что в нем нет надобности для доказательной силы моего рассуждения. Мне достаточно было показать, что 4 фунта со скоростью 1 и 1 фунт со скоростью 4 не могут обладать равными силами. ибо если предположить, что одно подставлено на место другого, то следствием будет вечное движение. Значит, мне нет надобности показывать способ действительно осуществить эту подстановку. Если же его отвергает принятое мной разграничение равных и неравных сил (которое, однако, г н Папен, как мы видели, принимает), то я, чтобы не спорить о словах, спрошу только, не соблюдает ли его в действительности природа, не избегает ли она всегда такой актуальной подстановки одного вместо другого, при которой могло бы возникнуть вечное движение. Это всецело подтверждается опытом, и нет ни одного примера, говорящего о противном. Учитывая это, я не должен допускать, что вся сила большего тела актуально переносится на меньшее; мне достаточно в качестве примера, чтобы вся сила меньшего тела могла быть перенесена на большее (что допускает, как я вижу, и г н Папен) Так, если вся сила 1 фунта со скоростью 4 перенесена на тело в 4 фунта и это последнее, согласно общепринятому воззрению, получит скорость, пропорциональную 1, то мы придем к той нелепости (против сделанных допущений), что если нечто подставлено на место другого, то это другое не 2 может быть подставлено на место того, что им замещено, без возникновения вечного движения. И так получится, что природа при переносе сил не сохраняет законов равенства по отношению к их действиям. Если даже мы предположим, что сила частично сохраняется и лишь частично переносится, то придем к той же нелепости. Может быть, найдутся такие. кто или полностью откажется от закона равенства между причиной и действием (таковы те, кто, допуская вечное движение, полагают, что сколь угодно большое действие может быть произведено сколь угодно малой причиной), или, отрицая вечное движение и возможность действия, превосходящего причину, допустит, что действие может быть ниже причины. Но едва ли. думаю я. г н Папен

==226

опустился до этого. Ведь, признавая, что действие не может быть превосходящим причину, в то же время допустить, что причина может превосходить полное действие, означало бы скорее попытку найти выход из безвыходного положения, чем выражение подлинного убеждения, удовлетворяющего того, кто его высказывает: ведь как то, так и другое одинаково противоречит здравому смыслу. Следствием было бы то, что причина не может быть снова восстановленной и заместившей свое действие, но легко понять, насколько это расходилось бы с обычаем природы (*more natural*) и естественным порядком вещей (*rationibus rerum*) и далее пришлось бы признать, что

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
так как действия постоянно убывают и никогда не возрастают, то сама природа вещей непрерывно уклоняется в сторону меньшего совершенства (подобно тому как в человеческих правах, по словам поэта, «.поколение отцов, худшее, чем деды, породило нас, еще более порочных» и т. д.) и никогда не может подняться и восстановить утраченное без чудесного вмешательства. Такое положение в физике, конечно, несовместимо с мудростью и постоянством Творца. Очевидно, за одно из исходных оснований этой науки должно быть принято, что причина и действие (взяты в целом) взаимно уравновешиваются. Обращусь к здравому суждению и чистосердечию самого г-на Папена представляется ли ему сообразным с требованиями разума, чтобы из энергии, которая могла поднять 1 фунт на 16 футов, возникла энергия, которая может поднять 1 фунт только на 4 фута, а остальная энергия оказалась бы каким то образом потерянной и, так сказать, уничтоженной без какого-либо следа или действия? А ведь это неизбежно произошло бы, если бы 1 фунт со скоростью 4 был заменен 4 фунтами со скоростью 1. Мало того, окажется, что все пришедшее на смену действие едва может сравниться с тысячной или стотысячной частью того, что могла произвести причина. Ибо если вместо 1 фунта со скоростью 1000 получится 1000 фунтов со скоростью 1 (как это может произойти согласно общераспространенному мнению), то действие сведется к тысячной части, что представляется крайне нелепым и вообще, если положить, что дано А со скоростью с и В со скоростью е, а после перемещений и столкновений получилось А со скоростью (с) и В со скоростью (е) и, согласно общераспространенному правилу, защищаемому более всего картезианцами, должно сохраняться количество движения, т. е. $Ac + Bc$ должно 8^*

==227

равняться $A(c) + B(e)$. то можно взять такие числа, что возникнут те же нелепости.

Я удивился бы, если бы у самого г-на Папена не возникло некоторое сомнение как отсюда, так и из того, что сила моего доказательства, как он видит, остается неотразимой. если только не отрицать нечто возможное без всякого основания, а именно отрицать для природы возможность действовать так, чтобы вся энергия некоторого большего тела прямо и непосредственно или косвенно и опосредствованно перешла к некоторому меньшему телу. Очевидно, мнение, которое придется признать несостоятельным, если такая возможность подтвердится, весьма уязвимо и рискованно; не говоря уже о том, что общий закон природы (*generalem naturae legem*) нельзя ставить в зависимость от такого условия и что вызывает сомнение установка, не допускающая никаких постулатов, если они не подкреплены практически; например, если кто-нибудь возразит Архимеду, постулирующему существование некоторой прямой, равной некоторой кривой, на том основании, что не может найти для нее геометрического выражения. Поэтому я почти убежден, что г-н Папен. все взвесив, склонится наконец к моему мнению. Однако если кто-нибудь способен переварить указанные выше нелепости, то я ради него попытаюсь, как того требует мой уважаемый оппонент. указать способ, каким природа может достигнуть того, чтобы энергия большего тела перешла к меньшему покоящемуся. И я хочу привести не один такой способ. Например, если допускается, что вся сила меньшего тела может быть перенесена на большее, находится ли оно в движении или в покое, то разделим движущееся А, большее, чем покоящееся В, на части, меньшие, чем В, и сохраняющие скорость А; переносим затем последовательно энергию каждой части на В, мы достигнем того, что вся энергия большего тела А будет перенесена на меньшее покоящееся тело В. Или иначе: соединим А и В достаточно длинной жесткой линией и возьмем на ней точку Н, которую положим неподвижной, так что вся система не будет иметь поступательного движения, но сможет вращаться вокруг неподвижного центра Н. Пусть Н настолько близко к А и настолько удалено от В, что скорость, которую при этом вращении имеет А, будет сколь угодно малой. Тогда А можно считать покоящимся или почти покоящимся и почти вся его сила (по устранении жесткой линии и прекращении связи) окажется перенесенной на В. Я вво-

==228

жу жесткие невесомые линии по примеру других пользующихся воображаемыми тяготеющими точками и другими вспомогательными средствами доказательств, отнюдь не заслуживающими пренебрежения, когда речь идет не о практике, а о раскрытии природных зависимостей. И я убежден, что это никогда не ведет к ложным заключениям. Когда я был во Флоренции, я изложил одному другу еще и иное доказательство возможности полного переноса сил движущегося большего тела на

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org покойшееся меньшее – доказательство, весьма близкое к тем соображениям, которые весьма остроумно развил в мою поддержку достославный Папен и за которые я испытываю и выражаю ему всю благодарность, которой достойно его дружеское расположение. Хотя он далее и сам пытается мне возразить и на с. 11 так рассуждает о проверке 4. произведенной им самим: «На это я отвечаю, что нельзя отрицать силу этого доказательства, если предположить существование совершенно твердого и жестокого рычага, но в природе вещей нет такой совершенной твердости», однако я надеюсь, что, все взвесив, он сам признает, что от силы этого доказательства не так легко уклониться. Считаю несомненным, что законы природы и механики таковы, что не возникает никакой нелепости, если мы предположим совершенно жесткие тела, в чем я убедил и г-на Мальбранша. Для убедительности предложенного доказательства было бы достаточно и того, что совершенно жесткие тела не невозможны, хотя мы их и не наблюдаем в природе, – чтобы не ссылаться на сторонников атомизма, которые считают существование таких тел необходимым. Но если даже согласиться, что не существует и даже не может существовать тел совершенно жестких, то все же существуют упругие тела с достаточно постоянным и полным сопротивлением, которые практически равноценны жестким и дают такие же результаты со сколь угодно малым различием; поэтому если рычаг будет достаточно жестким, т. е. оказывающим достаточно полное и постоянное сопротивление, то можно будет получить отклонение от условий совершенной жесткости меньше заданного, таким образом, наше доказательство сохранит всю силу и нельзя иначе избежать (по крайней мере в теории) вечного движения, как распроцавившись с мнением картезианцев.

Остается дать удовлетворительный ответ на говорящие против меня соображения моего досточтимого оппонента. Только их внешняя убедительность, очевидно, воспрепят-

==229

ствовала ему согласиться с моим доказательством, что он и сам дает понять, когда говорит на с. 11' «Достаточно показать в этом доказательстве нечто сомнительное; ибо если приведенное выше доказательство, подтверждающее мнение картезианцев, весьма убедительно (так ли это, предстоит здесь рассмотреть), а противоположное мнение не обладает той же достоверностью, то достаточно ясно, что первое следует предпочесть» 5. Так как сомнение, высказанное против моего доказательства, я устранил, то обращусь к опровержению противоположного рассуждения. Оно сводится к следующему: тела, которые могут преодолеть равные сопротивления, имеют равные силы; но тело А в 4 фунта, имеющее скорость, пропорциональную 1, и тело В в 1 фунт. имеющее скорость, пропорциональную 4, могут преодолеть равное сопротивление; следовательно, силы тел А и В равны. Меньшую посылку он доказывает на с. 8 таким рассуждением (если привести его к логической форме просиллогизма): тела, которые могут преодолеть равное число импрессий тяжести, могут преодолеть равное сопротивление; но тела А и В могут преодолеть равное число импрессий. Следовательно, и т. д. Меньшая посылка этого просиллогизма в свою очередь доказывается так: если тела А и В поднимаются по одинаково наклоненным плоскостям (или поднимаются оба в отвесном направлении), то промежутки времени, в которые они утратят свою силу подъема (т. е. поднимутся, насколько могут), будут относиться как скорости 7, как это известно из рассуждений Галилея. Но скорости в нашем случае обратно пропорциональны телам А и В8 (согласно предположению), следовательно, и промежутки времени подъема обратно пропорциональны телам А и В; но количество импрессий тяжести, преодолеваемое при подъеме. пропорционально произведению тела, подвергающегося импрессии, на время, в течение которого происходит импрессия (потому что если разделить и тело и время на равные части, то для каждой части как тела, так и времени импрессии будут равны). А отношение, равное произведению двух взаимно обратных отношений, есть отношение равенства. Итак, количество импрессий, или число равных импрессий тяжести, на тела А и В одинаково. На это утверждение я отвечаю отрицанием меньшей посылки главного силлогизма, а на доказательство – отрицанием большей посылки просиллогизма, которая гласит: тела, которые могут преодолеть равное число импрессии тяжес-

==230

ти, могут преодолеть равное сопротивление Н отрицаю это предложение, т. е. измерение 9 сопротивления (*resistentia*) количеством противодействующих сил. И пусть никто не думает, что я отрицаю его необдуманно или произвольно: надо понять, что в нем содержится то самое, что стоит под вопросом. Действительно,

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
если бы импрессия тяжести была не чем иным, как степенью скорости, сообщенной каждой части, и я признал бы, что сопротивление, т. е. противодействующая сила, измеряется этой импрессией, то я согласился бы, что сила должна измеряться произведением скорости на количество тела, т. е. количеством движения. Таков мой ответ на противопоставляемое мне рассуждение.

Я же – чтобы раскрыть наконец основания моего воззрения – измеряю количество сопротивления не степенями скорости, т. е. сущностями модальными или неполными, а субстанциями, т. е. абсолютными реальностями, и в пренебрежении этим я усматриваю претензии¹⁰ моих противников. Я считаю, что равными силами обладают те носители, которые могут своей силой довести одинаковое число пружин до одной и той же степени натяжения, или могут поднять одно и то же число фунтов до одной и той же высоты над прежним положением, или же (если мы пожелаем перейти от физической конкретности к чистой механике) могут сообщить равному числу равных тел одну и ту же скорость, или, наконец, могут воспроизвести нечто содержащее энергию (и принятое за меру) равное число раз. А два носителя неравных сил, полагаю я, имеют между собой такое соотношение (proportional) сил, каково соотношение между повторениями в них этой меры, например между числами одинаковых пружин или грузов, одинаково натягиваемых или поднимаемых ими, или между числами одинаковых тел, воспринимающих от них одинаковую скорость. При таком способе оценки силы сводятся к некоторой мере, остающейся всегда тождественной себе и только повторяемой, из за чего оценка, произведенная по одной произвольно выбранной мере, сохранится и при любой другой; иначе природа оказалась бы лишеной законов. Но получится не совпадение, а противоречивость при оценке по повторяющимся ступеням скорости; как я показал, эта оценка расходится с другими неопровержимыми и всегда согласующимися между собой способами измерения; истинная и глубокая причина этого заключается в том, что при той оценке, строго говоря, отсутствует какая-либо подлинная и веще-

==231

ственная мера. Действительно, хотя я признаю (что я хотел бы особо подчеркнуть), что три равных тела, имеющие равную скорость, имеют втрое больше энергии, чем одно из них, потому что и здесь трижды повторяется одна и та же мера, ибо трижды повторяется тело, равное каждому из них, определенной величины; однако я не допускаю, что тело, имеющее три ступени скорости, содержит трижды тело, равное ему самому и имеющее одну ступень скорости. и, таким образом, имеет тройную энергию по сравнению с тем; ибо хотя оно содержит трижды одну ступень скорости, но количество тела содержит не трижды, а только один раз. Отсюда видно, что я не исключаю скорость как фактор, учитываемый при оценке сил: я показываю, что все привлекаемое к их определению, как. например, пружина данного натяжения, груз данной величины, поднимаемый на данную высоту, тело данной массы, движущееся с данной скоростью, и т. п., – все это, одно или несколько, если может быть произведено причиной, то может быть произведено и ее действием, и обратно. И какую вещественную меру сил я ни беру, я всегда обнаруживаю согласие с остальными. Но когда взята какая-нибудь модальная мера, например когда повторяется ступень скорости без повторения тела (как это делают, устанавливая пропорциональность между скоростями одинаковых тел и их силами), мы тотчас же впадаем в нелепости и либо теряем необъяснимым образом часть энергии, либо получаем ее излишек. Это может послужить полезным примером, который учит не слишком доверять абстрактностям и не подчиняться указаниям реальной метафизики. Из сказанного видно, что если до сих пор большинство исследователей в этой области шли по неверному пути, то причина этого – отсутствие подлинно всеобщей математики, или науки общих оценок; она, насколько мне известно, до сих пор еще не имеет традиции, и здесь мы даем только некоторый ее образчик. Если для оценки энергии будет учитываться число преодолеваемых пружин, грузов или других реальных действий, дающих согласные между собой результаты, то не устоит распространенное ныне мнение, а мое окажется не вызывающим сомнений, и вместе с тем исчезнут все указанные выше нелепости: не будет производиться подстановка, за которой не может быть произведена обратная, причина не будет производить больше, чем ее действие, и действие – больше, чем причина, тогда как устранение этого на основе противо-

==232

ложного мнения невозможно. Но нет необходимости пространно развивать то, в чем г-ну Папену и другим будет легко убедиться при собственном рассмотрении. Я был бы рад узнать, не остается ли еще что-нибудь, на что, по мнению уважаемого ученого,

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
я не дал ему удовлетворительного ответа. Если он не откажется изложить это со свойственной ему методичностью и сжатостью, то чрезвычайно обяжет и меня, и всех подвизающихся в этой научной области. Надеюсь, что таким образом будут разрешены остающиеся неясности и, продолжив наш обмен мнений, мы сможем довести до конца обсуждение, столь важное для исследований подлинных законов природы.

==233

ПОРЯДОК ЕСТЬ В ПРИРОДЕ

(1) Есть в природе порядок (Ratio), по которому предпочтительно существует нечто, а не ничто. Это следствие того великого принципа, в силу которого ничто не происходит без причины и должна быть причина, почему существует это, а не другое.

(2) Этот порядок должен исходить от некоего Реального Существа или причины. Ибо причина, представляющая собой реальное основание (realis ratio) и истинность возможностей и необходимостей (или отрицания противоположных возможностей), не могла бы ничего произвести, если бы возможности не основывались на вещи действительно существующей.

(3) Это существо должно быть необходимым, иначе приходилось бы вне его искать причину того, почему его существование предпочтительно перед несуществованием против гипотезы. Итак, это Существо есть последнее основание вещей и обычно называется единственным словом «Бог».

(4) Итак, оно есть причина того, что существование преобладает перед не-существованием, т. е. необходимое Существо является творящим существование (Existentifi cans).

(5) Но причина того, что нечто существует, т. е. что возможность требует существования, имеет и то следствие, что все возможное предполагает стремление к существованию, ибо нельзя найти основание для ограничения его только определёнными возможностями во всеобщности вещей.

(6) Итак, можно сказать, что все возможное стремится к существованию (existiturit), поскольку оно имеет основание в необходимом Существое, действительно существующем, без которого нет пути к тому, чтобы возможное достигло осуществления.

==234

(7) Отсюда, однако, не следует, что все возможное существует: это было бы так, если бы все возможные вещи были совозможны (compossibilia).

(8) Но так как иное с иным бывает и несовместимо, то отсюда следует, что иное возможное не доходит до осуществления и иное с иным несовместимо не только для одного и того же времени, но и вообще, ибо настоящее определяет собой и будущее.

(9) При этом из столкновения всех возможностей, требующих существования, происходит, что осуществляется тот ряд вещей, который содержит более широкое осуществление, т. е. наибольший ряд возможностей.

(10) Этот ряд вместе с тем единственный определенный, как среди линий прямая, среди углов прямая, среди фигур наиболее вместительная, а именно окружность или шар. И подобно тому как жидкости сами собой собираются в сферические капли, так и в природе мира осуществляется наиболее вместительный ряд.

(11) Итак, существует наибольшее совершенство, так как это не что иное, как наибольшее количество реальности.

(12) Далее, совершенство надо относить не к одной только материи, т. е. к тому, что заполняет время и пространство. количество чего так или иначе оставалось бы одним и тем же, но и к форме, т. е. к разнообразию.

(13) Отсюда следует, что материя не везде себе подобна, но через формы становится неравнообразной (dissimilaris), иначе она не приняла бы стольких

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org видоизменений. на какие способна; не говоря о том, что иначе не возникали бы расходящиеся между собой явления, как я показал в другом месте.

(14) Отсюда следует также, что возобладал тот ряд, в котором могло осуществиться более всего различной мыслимости.

(15) Различимая мыслимость дает вещи порядок, а мыслящему – восприятие красоты. Ибо порядок – это не что иное, как различимое (*distinctiva*) отношение совокупности вещей. Беспорядок же – это такое состояние, когда налицо много вещей, но нет основания отличить одну от другой.

(16) Поэтому устраняются атомы и вообще тела, в которых нет основания отличить одну часть от другой.

(17) Следует заключить вообще, что мир – это упорядоченное [целое], исполненное благолепия,

==235

т. е. так устроенное, что приносит величайшее удовлетворение тому, кто его понимает.

(18) Наслаждение, доставляемое этим пониманием, – это не что иное, как восприятие красоты, порядка, совершенства. А всякая скорбь содержит нечто беспорядочное только в отношении восприятия, тогда как в абсолютной оценке все упорядочено.

(19) Итак, когда нас что-либо не удовлетворяет в ходе вещей, то возникает это из недостатка нашего понимания. Ибо невозможно, чтобы всякий ум все понимал отчетливо, и для наблюдающего только некоторые части целого (преимущественно перед остальными) не может быть видна гармония этого целого.

(20) Из этого следует, что в мировом целом (*in Umverso*) наблюдается и справедливость, ибо справедливость – это не что иное, как порядок, т. е. совершенство в отношении к духовности (*circa Mentis*).

(21) И значение духов величайшее, ибо через них возможно величайшее многообразие в самом малом пространстве.

(22) И можно сказать, что духи – это первичные единства мира, ближайшие подобия первого Существа, ибо отчетливо воспринимают необходимые основания истины¹, т. е. основания, которые побудили (*movere*) первое Существо и должны были образовать мировое целое.

(23) Первая причина обладает и высшей благостью, ибо, производя величайшее совершенство в вещах, вместе с тем дарит духам величайшую радость, которая состоит в восприятии совершенства².

(24) Даже и сами бедствия служат большому благу, и если в духах возникает скорбь, то необходимо, чтобы она содействовала большей радости.

==236

О ПРЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Что по этой причине все происходит в соответствии с упрочившейся преопределенностью (*verhangnĭß*), так же достоверно, как и то, что трижды три – девять. Ибо преопределенность заключается в том, что все связано с чем-то другим, как в цепи, и потому [все] будет происходить так же неотвратно, как это было испокон веков, и как безошибочно происходит и теперь, если происходит.

Древние поэты, Гомер и другие, называли это золотой цепью, подвешенной под небесами велением Юпитера, которую невозможно разорвать, сколько бы на нее ни навешивали. Эта цепь состоит из последовательного ряда причин и действий. Каждая причина имеет свое определенное действие, которое она вызвала бы, если бы была единственной; однако если причина не одна-единственная, то из взаимодействия многих причин неизбежно следует некоторое действие или результат (*auswurff*)¹, соразмерные силе каждой из причин, и это верно и в том случае, когда взаимодействуют не только две, но и 10, и 1000, и даже бесконечное число вещей,

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
что в действительности и происходит в мире.

Математика, или искусство измерения, могла бы очень хорошо объяснить такие вещи, ибо в природе все как бы отмерено числом, мерой, весом или силой. Когда, например, какой-нибудь шар в свободном пространстве ударяется о другой и если заранее известна величина их, а так же направление их движения, то можно предварительно вычислить и сказать, как они оттолкнутся друг от друга и какое направление (своего движения) примут после столкновения. Все, что имеет свои правила, также и совершается по ним, все равно, возьмем ли мы то или иное количество шаров или каких-либо других фигур.

Отсюда, таким образом, можно заключить, что в обширном нашем мире все происходит математически, т. е. безошибочно, так что если бы кто-нибудь сумел в достаточной

==237

мере проникнуть в более глубокие составные части вещей (in die inneren theile der dinge) и к тому же обладал достаточной памятью и разумением (verstand) для того, чтобы учесть все обстоятельства и не оставлять ничего без внимания, то он бы был пророком и видел бы будущее в настоящем, как в зеркале.

Ведь точно так же, как мы можем утверждать, что цветы, да, собственно, и животные, сформированы уже в семени, хотя они, правда, могут претерпеть и некоторые изменения благодаря различным обстоятельствам, точно так же мы можем сказать, что весь будущий мир уже задан в мире современном и полностью преформирован (vollkom-mentlich vorgebildet sey), так что никакое обстоятельство извне не может ничему помешать, ибо вне мира не существует ничего.

Заметим, однако, что ограниченный рассудок (verstand) не в состоянии предвидеть будущие события исходя из [существующих] обстоятельств, потому что мир состоит из бесчисленных вещей, которые взаимодействуют, и нет такой вещи, сколь бы малой, отдаленной она ни была, чтобы, согласно своей мере, она не вносила никакого вклада во всеобщее взаимодействие. Ибо такие малые вещи часто вызывают огромные и сильные изменения. Например, я считаю себя вправе утверждать, что мушка могла бы вызвать изменения в целом государстве, если бы она летала перед самым носом короля, принимающего в этот момент важные решения; ибо может случиться так, что рассудок его в этот момент уподобляется весам в поисках одинаковых оснований как для одного, так и для другого решения. И может быть, он уже близок к принятию решения, к которому склоняется с большим основанием; мушка же может помешать и воспрепятствовать ему именно в тот момент, когда он собирается [окончательно] выяснить возможность другого решения и из-за мушки не может придумать ничего путного.

Те, которые знакомы с действием артиллерии, знают, к чему может привести маленькая неточность, из-за которой снаряд летит по совершенно другой траектории. Можно сказать (например), что из-за такой именно мелочи и был убит Тюренн 2. И если бы этого не случилось, то тогдашняя война протекала бы совсем по-другому, а потому и современные обстоятельства сложились бы совсем иначе. Хорошо известно также, что достаточно искорке попасть в пороховой погреб, чтобы погиб целый город.

==238

Действие таких мелочей и есть причина того, что некоторые представляют себе вещи неверно, воображая, что все происходит как попало (es geschehe etwas ohnegefahr), а не определенно; ведь различие заключается не в вещах, но только в нашем понимании, не улавливаемом всей совокупности мелочей, каждая из которых производит определенное действие, и не берущем в расчет причину, которую оно не видит, и потому считающем, что все происходит как попало.

Эта безошибочность predeterminedности может служить нам средством успокоения души; ведь если кто-то получил дважды деньги и каждый раз не более чем тысячу талеров, то мы сочли бы его просто неразумным, если бы он после этого гневался на то, что у него в кошельке только две тысячи талеров, а не три тысячи. Итак, все в природе отмерено верно и точно.

Конечно, можно возразить, что я зол именно оттого, что я получил по тысяче

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org талеров только два раза, но не большее количество раз и что если бы это произошло трижды, то я бы располагал нужной мне суммой. Однако тот, кто верно понимает, что вся природа имеет правильную меру, правильно заключит, что поскольку он этих денег не получил, то их и не может быть в природе и что поэтому просто нелепо требовать их у нее, точно так же как нелепо требовать от кошелька денег, которые в него не вложили.

Можно было бы задать вопрос, каким образом получилось так, что вся природа во все времена воспринимается нами такой, какой мы ее застаем, в то время как было бы, быть может, лучше, если бы она была такой, какой мы бы хотели ее видеть, согласно нашим представлениям. Ответ на этот вопрос таков: несомненно, то, что вся природа имеет такую направленность своего движения, а не другую, также имеет определенную причину. И поскольку мы всегда удовлетворены, когда узнаем причину, по которой вещи должны существовать, точно так же мы всегда должны стремиться угмонить нашу душу в ее любознательности сознанием наличия безошибочно действующих причин, если даже мы в данный момент не в состоянии распознать их во всех подробностях.

Однако в этом заключена некая, значительно более высокая, причина нашей удовлетворенности. Ведь удовлетворенность, или смирение, бывает двух родов: одно называется терпением [по принуждению] (*patience par force*), а другое – удовлетворением, доставляющим истин-

==239

ное наслаждение тому, кто его испытывает; оно приносит нашей душе не только тишину и покой за то, что она не потратила напрасных усилий, но также и удовольствие и радость. Достигать этого хотя и нелегко (ведь люди мало в этом упражняются!). но все же стоящее дело, и к тому же это коренится в действительности и в разуме.

О тех именно числах, фигурах, силах и всех измеряемых вещах, о которых мы имеем более или менее точное представление, мы можем сказать, что они существуют не только подлинно и бесспорно, но и упорядоченно и обладают такими прекрасными правилами, что лучше и желать не надо. И поскольку все в природе отмерено, то отсюда следует, что вся природа в целом не только истинна, но и упорядоченна и прекрасна, так что ее невозможно сделать более совершенной, как и невозможно даже мыслить, что она могла бы быть совершеннее.

Правда, нужно добавить, что такой порядок мы не сможем увидеть, если мы не найдем нужную точку обозрения, точно так же как мы в состоянии правильно воспринять написанную в перспективе картину только с определенного места, в то время как с другого картину эту обозревать просто бесполезно. Только для этого мы должны расположить глаза нашего разума там, где мы не располагаем и не можем расположить глаза нашего тела. Например, если мы наблюдаем движение звезд с нашего земного шара, на котором мы стоим, то получается причудливо запутанная картина, которую астрономы в течение тысячелетий были не в состоянии распутать и свести к нескольким определенным законам. Эти законы столь трудны и мало доступны для понимания, что один из кастильских королей, по имени Альфонс, велевший составить таблицу движения небесных тел, из-за скудости своих знаний заметил, что если бы он был советником Бога, то сотворенный мир получился бы лучше 3.

Но когда наконец установили, что если хотя бы определить движение небесных тел, то для этого следует направить свой взор к Солнцу (и тогда все получится удивительно правильно и прекрасно), тогда заметили, что мнимый беспорядок и путаница имеют свой источник в нашем непонимании, но не в природе.

Нечто подобное мы должны сказать и обо всех других вещах, которые нам не по душе, и так как мы не всегда в состоянии найти посредством рассудка верную исходную точку рассмотрения, то в таких случаях следует доволь-

==240

ствоваться знанием того, что удовлетворение можно найти во всех вещах при правильном их понимании, т. е. мы получим удовольствие от одного такого допущения. И это похоже на то удовольствие, которое мы получаем от действия нашего друга или властелина, к которому мы питаем истинное доверие, т. е. когда

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
мы, согласно нашему рассудку и нашей душе, судим о [добром характере] этого действия, хотя мы не каждый раз видим, почему произошло то или это, а внешне это действие может казаться и не совсем приятным.

Именно эта удовлетворенность всеобщим высшим предписанием – когда каждый делает свое [дело] – является подлинным основанием истинной религии. Это коренится в разуме, но доставляет нам также и удовольствие.

Если бы это было не так, то тогда следовало бы, что знание истины о сотворенном мире хуже, чем незнание ее. Ведь невежественные и полные предрассудков люди довольствуются всякими ложными представлениями, поэтому если бы мы не были одарены от природы разумением и нравственностью, то тогда лучше было бы, конечно, обманываться вместе с другими, чем познавать истину. Только ведь было бы просто нелепо и противоречило бы всякому (установленному) порядку, если бы мы в конце концов пришли к заключению, что человек, лишенный разума, имеет преимущество перед другими! Но поскольку все в природе имеет свою причину и потому все упорядочено и должно быть так, а не иначе, то (очевидно. что) разумение и действия в соответствии с ним следует считать за лучшее, чем противоположное. Ведь природа все упорядочивает, и потому тот, кто лучше знает этот порядок, легко может добиться упорядоченного воззрения на вещи или ясного понятия о них, т. е. истинного удовольствия, ибо не может быть большего удовольствия, чем действительно знать и видеть, как все хорошо устроено, и даже лучше, чем можно бы было пожелать.

В опровержение этого можно было бы сказать, что в мире совершается много зла и если бы мы считали все то, что происходит, добром, то ничего бы нельзя было наказывать как зло. Однако надо ведь признать, что зло не является злом само по себе, но для того лишь, кто его совершил, и хотя он и должен быть наказан, все же природа в состоянии из содеянного зла произвести нечто лучшее, так что все же в результате получается хорошо, намного лучше, чем

==241

если бы все шло иначе; в противном случае природа этого не допустила бы.

Правда, нам было бы гораздо приятнее, если бы не осталось даже видимости зла, а вещи были бы созданы так, чтобы мы всегда знали, что все хорошо и прекрасно не только в общих чертах, но и в частностях, и непосредственно чувствовали это. Ведь в этом случае наша удовлетворенность была бы глубже и ощутимее, а полученное при таком понимании и непосредственном чувствовании удовольствие как бы уладило или вовсе бы сняло все трудности.

Только мы должны знать, что это не всегда достижимо, да, пожалуй, и не лучший путь. И точно так же как должно было пройти известное время, прежде чем люди могли установить, что верная исходная точка определения движения небесных тел – Солнце, точно так же надо полагать, что наша душа, если она хорошо направлена, может в конечном счете постепенно, все более и более – поскольку это практически возможно – прийти к пониманию и восприятию этой красоты природы.

Отметим еще одно обстоятельство сверх того, что было сказано: так как все уже понято наилучшим образом, то следует считать, что удовлетворенности [посредством] размышления добьются лишь те, кто проложил себе путь к этому с помощью рассудка, в силу чего они направляют свои действия посредством разума, через наилучшее понимание вещей и порядка, к добру, в чем, собственно, и состоит добродетель; и в особенности отметим, что эти люди прокладывают себе путь к собственному блаженству прежде других и тем самым способствуют указанному нами здесь исследованию истинности и величавого чуда всевышей и всепорождающей природы, поскольку истинное знание состоит также в том, что люди верно понимают это основоположение, с которым связаны добродетель, удовольствие и истинное наслаждение.

Все в конечном счете сводится к двум нижеследующим правилам, на которые указывает разум (*vernunft*). наставляющий нас о предопределенности и о тесно связанном с ней безупречном порядке: во-первых, что все вещи в прошлом, все уже происшедшее мы должны считать добрыми и справедливыми, как если бы мы уже рассмотрели их с правильной точки зрения; во-вторых, мы должны стремиться к тому, чтобы, согласно нашим способностям, сделать все вещи, будущие и еще не существующие.

==242

добрыми, служащими на благо людям, и тем самым в возможно большей мере приблизиться к точке, исходя из которой мы, согласно первому правилу, достигаем состояния всевозможной удовлетворенности, согласно же второму, мы прокладываем путь к будущему, к еще большему наслаждению и счастью.

Великие открытия [ученых] не только прославляют великих господ, но они также умножают средства пропитания для [их] подданных, помогают создать больше удобств для людей, их жизни и здоровья. И все же самое важное то, что эти великие открытия проливают столь яркий свет на творения природы, что те, которым этого света недостает, вынуждены вечно блуждать в потемках, в то время как те, кто просвещены, возвышаются все выше и с этой как бы звездной высоты видят все, что расположено внизу.

==243

ОБ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПЕРВОЙ ФИЛОСОФИИ И О ПОНЯТИИ СУБСТАНЦИИ

Вижу я, что многие, находящие отраду в математических исследованиях, отвращаются от метафизических, усматривая в тех свет, а в этих темноту. Главнейшая причина этого, полагаю я, состоит в том, что общие понятия, которые считаются всем известными, вследствие небрежности и зыбкости человеческого мышления стали неотчетливыми и темными; а общепринятые определения нельзя назвать даже поверхностными, до такой степени они ничего не объясняют. Понятно, что это зло проникло и в прочие дисциплины, подчиненные этой первой и основополагающей. Так, вместо проливающих свет определений у нас появились мелочные дистинкции, вместо подлинно общих аксиом – частные правила, для которых часто приходится встречать больше опровергающих инстанций, чем подтверждающих примеров. А между тем в силу некой необходимости люди на каждом шагу пользуются метафизическими терминами и обольщаются мыслью, что понимают то, что научились только произносить. Легко убедиться, что для большинства скрыты правильные и плодотворные понятия не только субстанции, но и причины, и действия, и отношения, и сходства, и множества других общих терминов. Нельзя поэтому удивляться, что та основная наука, которая величается названием первой философии, о необходимости создания которой говорил уже Аристотель, до сих пор остается в области чаемого. Конечно, Платон повсюду в диалогах прослеживает содержание понятий; то же самое делает Аристотель в книгах, носящих заглавие «Метафизика», но большого успеха в этом не видно. Позднейшие платоники впали в чудовищное пустословие; перипатетики, а особенно же схоластики заботились более о постановке вопросов, чем об их убедительном решении. В наше время выдающиеся

==244

мужи обратились и к первой философии, но до сих пор мало в ней преуспели. Нельзя отрицать, что Декарт имеет большие заслуги прежде всего в том, что возродил стремление Платона увести дух от чувственного восприятия и в ряде случаев с пользой применил скептицизм академической школы; но в дальнейшем по причине некоторой непоследовательности и поспешности в утверждениях он уклонился от цели. Он не всегда отличал достоверное от недостоверного и поэтому ошибочно усмотрел природу телесной субстанции в протяженности и не имел здравого представления о союзе души и тела, ближайшей причиной чего было непонимание общей природы субстанции; он как бы скачком приступил к разрешению важнейших вопросов, не прояснив связанные с ними понятия. И более всего очевидно, как далеки от достоверности его «Метафизические размышления» в том его труде, которому он, следуя совету Мерсенна и других, придал математическую форму¹. Знаю я и других людей большого дарования, которые обращались к метафизике и во многом достигали глубоких мыслей, но окутали их такой темнотой, что они представляются скорее догадками, чем доказанными умозаключениями. Между тем, по моему мнению, в этой области еще более, чем в самой математике, нужна ясность и достоверность, ибо математические истины в самих себе несут свою проверку и подтверждение, в метафизике же мы лишены этого преимущества. Итак, здесь необходим некоторый особый способ изложения, как бы нить Ариадны, в не меньшей степени, чем метод Евклида, помогающий разрешать философские вопросы подобно вопросам, связанным с числом, с соблюдением ясности, ни в чем не уступающей житейским речам.

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
Как это важно, прежде всего покажет выдвигаемое мною понятие субстанции, столь плодотворное, что из него вытекают первостепенные истины о Боге. о душе, о природе тел, как уже известные, но не доказанные, так и остающиеся еще неизвестными, но обещающие принести величайшую пользу в других науках. Чтобы дать некоторое понятие о нем, я уже здесь скажу, что понятие силы, или способности (по-немецки Kraft, по-французски force), объяснению которого я предназначил особую науку – динамику, проливает яркий свет на истинное понятие субстанции. Активная сила отличается от широко известной философским школам голой потенции, ибо рассматриваемая схоластиками активная потенция, или спо-

==245

собность. – это не что иное, как ближайшая возможность действия, которая, однако, нуждается в постороннем возбудителе, как бы стрекале, чтобы претвориться в действие. А активная сила содержит в себе некую действенность, или энтелехию, и составляет нечто среднее между способностью действия и самим действием, предполагая устремление; она сама по себе направлена к осуществлению и не нуждается во вспомогательных средствах, а только в устранении препятствий. Это можно пояснить примерами груза, натягивающего нить, которая его поддерживает, или напряженного лука. Ибо хотя тяжесть и сила упругости могут и должны объясняться из движения эфира, однако последняя причина (ratio) движения материи есть сила, приданная ей при самом ее создании, которая присуща каждому телу, но ограничивается и сдерживается в природе самыми разнообразными столкновениями тел между собой. И я утверждаю, что эта способность действовать присуща всякой субстанции и из нее всегда порождается какое-то движение; и поэтому сама телесная субстанция (равно как и духовная) никогда не прекращает действовать, что. очевидно, недостаточно учли те, кто полагает сущность материи в одной только протяженности. или даже непроницаемости, и вообразил, что может себе представить тело, всецело покоящееся. Из наших размышлений можно будет убедиться, что сотворенная субстанция получает от другой сотворенной субстанции не самую силу действия, но только границы и определение своего уме предшествующего усилия (nibus) или способности действия, если умолчать здесь о прочем, что будет полезно для разрешения трудной проблемы о воздействии субстанций друг на друга.

==246

ОПЫТ РАССМОТРЕНИЯ ДИНАМИКИ. О РАСКРЫТИИ И ВОЗВЕДЕНИИ К ПРИЧИНАМ УДИВИТЕЛЬНЫХ ЗАКОНОВ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ СИЛЫ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТЕЛ

ЧАСТЬ I

С тех пор как мы выдвинули мысль о создании новой науки динамики, многие выдающиеся мужи в различных странах требуют от нас более пространного изложения этой науки. И так как время составить книгу еще не пришло, мы дадим здесь разъяснения, которые, может быть, вернутся и к нам умноженными, если вызовут высказывания людей, соединивших силу мысли с доступностью красноречия, чьи суждения будут для нас весьма интересны и, как мы надеемся, принесут пользу усовершенствованию науки.

В другом месте мы уже говорили о том. что в телесных вещах есть нечто, кроме протяженности, и даже предшествующее протяженности, а именно сама сила природы, повсюду вложенная Творцом¹, которая состоит не в простой способности², чем довольствовались до сих пор философские школы, но помимо того снабжена направленностью. или устремлением, получающим полное осуществление, если оно не встречает препятствия в противоположном устремлении. Это устремление на каждом шагу воспринимается чувствами, а по моему суждению, усматривается в материи разумением (ratione) даже и там, где оно не открыто чувству. И если его не должно приписывать Богу как чудо, то во всяком случае необходимо признать, что эта сила создается им в самих телах и, более того, составляет внутреннюю природу тел, ибо действовать – отличительная черта субстанций, а протяженность говорит только о распространении уже предполагаемой устремляющейся и оказывающей сопротивление субстанции, не говоря уже о том, что она не может создавать самую

==247

субстанцию При этом не существенно, что всякое телесное действие исходит из движения, а само движение лишь следствие движения либо уже ранее существовавшего

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org в теле, либо сообщенного извне. Ибо движение (равно как и время) никогда не существует, вели рассмотришь это со всей строгостью: оно никогда не существует как целое, не имея сосуществующих частей. Таким образом, в нем нет ничего реального, кроме того преходящего, что должно быть приписано силе, стремящейся к изменению. К этому и сводится все, что заключено в телесной природе помимо того, что подлечит геометрии, а именно протяжения. Этим способом рассмотрения мы воздадим должное и истине, и учениям древних. И подобно тому как наш век защитил от пренебрежения и тельца Демокрита, и идеи Платона, и спокойствие в учениях стоиков о наилучшем порядке вещей, так теперь учение перипатетиков о формах и энтелехиях (справедливо признававшееся загадочным и едва ли вполне отчетливым для самих авторов) будет сведено к доступным разуму понятиям (*notiones intelligibiles*), так что окажется необходимым не отвергать воспринятую столькими веками философию, а скорее развить ее так, чтобы придать ей (насколько это возможно) последовательность, прояснить ее и обогатить новыми истинами.

Такой способ научных занятий представляется мне наиболее соответствующим как благоразумию учащего, так и пользе учащихся. Мы должны стремиться более к строительству, чем к разрушению, и не блуждать в неуверенности среди постоянных перемен в научных теориях, подчиняясь сегодняшним настроениям смелых умов. Пусть наконец человеческий род, обуздав сектантские распри, которые разжигает тщеславие новаторов, и установив твердые основания наук, уверенными шагами движется вперед в философии и науках: в трудах выдающихся мужей древности и новых времен, если исключить то, что заключает в себе излишние нападки на противников, содержится много истинного и доброкачественного, что заслуживает быть внесенным в общую сокровищницу. Хотелось бы, чтобы люди обратились к этому вместо того, чтобы тратить время на препирательства, которыми они только потворствуют своему тщеславию. О себе скажем, что хотя нам в некоторых наших трудах так благоприятствовала судьба, что друзья убеждали только этому и отдать наши помыслы, однако многое и чужое внушает уважение,

==248

и каждому воздается подобающая оценка; причина этому, быть может, в том, что, о многом размышляя, мы научились ни к чему не относиться пренебрежительно. Но вернемся к прерванному.

Двойкой бывает активная сила (*Activa*) (которую по примеру многих мы могли бы не без основания называть способностью (*virtus*)): либо первичной, которая сама по себе присутствует во всякой телесной субстанции (ибо тело вовсе бездейственное, полагаю я, противно природе вещей), либо производной, которая различно проявляется как бы ограничением первичной, возникая при столкновении тел между собой. И первичная (которая есть не что иное, как (***)³) соответствует душе (*anima*), или субстанциальной форме, но тем самым относится к общим причинам, которые не могут быть достаточны для объяснения явлений. Поэтому мы согласны с теми, кто отказывается от применения форм, исследуя собственные и специальные причины ощутимых вещей; об этом стоит упомянуть, чтобы не показалось, что мы хотим вернуться к пустословию вульгарной схоластики, когда мы как бы дополнительно приводим их для раскрытия истоков вещей. Вместе с тем их знание необходимо для правильного философствования, и никто не должен думать, что достаточно проник в природу тела, если не обратит внимания в эту сторону и не поймет, что несовершенно (чтобы не сказать ложно) грубое понятие телесной субстанции, зависящее только от воображения и неосмотрительно введенное несколько лет назад вследствие злоупотребления корпускулярной философией (которая сама по себе превосходна и содержит много истинного) ⁴. Неудовлетворительность этого понятия явствует хотя бы из того, что оно допускает для материи полное бездействие и покой и не может послужить для объяснения законов природы, размеряющих производную силу.

Подобным же образом и пассивная сила бывает двойкая, либо первичная, либо производная. А именно первичная сила претерпевания (*patiendi*), или сопротивления, составляет то самое, что в философских школах называется первичной материей; от нее происходит, что тело не пронизывается телом, а составляет для него препятствие, а вместе с тем наделено некоей, так сказать, инертностью (*ignavia*), т. е. противоборствованием движению, и поддается воздействию движущего агента не иначе как умаляя его. Отсюда в дальнейшем производная сила претерпева-

==249

ния различным образом проявляет себя во вторичной материи⁵. Но наша задача – оставив в стороне общее и первичное и положив в основу то, что своей формой всякое тело всегда действует, а своей материей всякое тело всегда претерпевает и оказывает сопротивление, идти далее и в предлагаемом учении о производных способностях и сопротивлениях рассмотреть, как тела действуют различными устремлениями и как, с другой стороны, различным образом сопротивляются; ибо этим определяются законы взаимодействия не только постигаемые разумением, но и подтверждаемые чувствами через явления

Итак, под производной силой, т. е. той, которой тела воздействуют одно на другое или испытывают воздействие одно от другого, мы здесь понимаем зависящую от движения (а именно пространственного) и в свою очередь направленную на воспроизведение пространственного движения. ибо мы признаем, что переместительным движением (*motus localis*) можно объяснить прочие материальные явления. Движение есть длящееся изменение (*contmua mutauo*) места и, следовательно, нуждается во времени. Движимое же тело как во времени обладает движением, так в каждый момент обладает скоростью, которая тем больше, чем больше проходимое пространство и затрачиваемое время. Скорость, рассматриваемая вместе с направлением, называется устремлением; натиск (*impetus*) же, это произведение массы тела на скорость, и его величина есть то, что картезианцы называют количеством движения, относя это к моменту. Хотя, точнее говоря, количество самого движения, как существующего во времени, получается из сложения натисков, равных или неравных, возникающих в движущемся теле на протяжении определенного промежутка, последовательно умноженных на время, однако в споре с картезианцами мы последовали за их способом выражения. И даже подобно тому как мы можем – не без пользы для научного изложения – отличать от прибавки, уже происшедшей или имеющей произойти, прибавление, происходящее в настоящий момент, как некоторый элемент приращения, и как происходящее в настоящий момент опускание в процессе падения можно отличать от уже происшедшего опускания, которое оно увеличивает, так мы могли бы отнесенный к настоящему (или моментальный) элемент движения отличить от самого движения, длящегося на промежутке времени,

==250

и назвать его сдвигом (*motionem*), тогда количество сдвига будет тем количеством,, которое обычно приписывается движению. И хотя после сделанного разъяснения мы можем быть менее требовательны к словам, но до этого следует уделять им должное внимание, чтобы неточность не ввела нас в заблуждение

Далее, как оценка движения на протяжении промежутка времени слагается из бесчисленных натисков, так в свою очередь и самый натиск (хотя это вещь моментальная) состоит из бесчисленных ступеней, последовательно прилагаемых к одному и тому же телу, и содержит некоторый элемент, из бесконечного повторения которого он только и может возникнуть.

Представим себе трубу AC (фиг 13) 6, вращающуюся с некоторой постоянной скоростью в плоскости чертежа вокруг неподвижного центра C. Находящийся в полости трубы шар B, освободившись от привязи или другой задержки, начинает двигаться под действием центробежной силы. Очевидно, что вначале центробежное устремление, которое гонит шар B к оконечности трубы A, будет бесконечно малым по сравнению с натиском, который шар имеет от вращения и от которого он вместе с трубой стремится из места D к месту DD с сохранением прежнего расстояния от центра. Но при продолжении центробежного устремления, проистекающего от вращения, по мере его роста должен возникнуть в шаре некий полный центробежный напор [D][B], сравнимый с напором вращения D [D]. Отсюда видно, что существует двоякое стремление, а именно: элементарное, или бесконечно малое, которое я называю также побуждением (*sollicitatio*), и образованное продолжением, или повторением элементарных стремлений, т. е. сам напор. Впрочем, я не хочу этим сказать, что эти математические сущности действительно так пребывают (геррегш) в природе, но они полезны для точных оценок, производимых умственной абстракцией

Поэтому и сила также бывает двоякой; одна элементарная, которую я называю также мертвой, потому что при ней еще нет движения, а есть только побуждение к нему, такова сила шара в трубе или также камня в праще, пока еще он задерживается привязкой; другая же сила – обычная, связанная с действительным движением, ее я называю живой. Пример мертвой силы дает сама центробежная сила, а также сила

==251

стремительная, также и сила, которая побуждает натянутую пружину освободиться от натяжения. Но при ударе, который порождается телом, находившимся в падении в течение некоторого времени, или другой подобной причиной. действует живая сила, порожденная из бесчисленных непрерывных побуждений мертвой силы. И именно это имел в виду Галилей, когда, выражаясь загадочно, сказал, что сила удара бесконечна, если сравнить ее с простым стремлением тяжести. Но хотя напор всегда связан с живой силой, они между собой различаются, как будет показано ниже.

Живая сила в каком-либо агрегате нескольких тел опять может быть понята двояко: либо как всецелостная (*totalis*). либо как частичная (*partialis*); и в частичной снова различаются относительная и направлятельная, т. е. она может либо принадлежать единичным частям, либо быть им общей. Относительная (*respectiva*), или принадлежащая единичным частям, – это та. с которой входящие в агрегат тела могут воздействовать одно на другое; направлятельная (*directiva*), или общая (*communis*), – это та, которой помимо этого сам агрегат может действовать вовне. Направительной я называю ее потому, что в этой частичной силе полностью сохраняется вся сила общего направления. Она одна осталась бы, если представить себе. что агрегат внезапно застыл и взаимодействие его частей прекратилось. Итак, из сил относительной и направительной, вместе взятых, слагается абсолютная всецелостная сила. Но все это станет более понятным из приводимых ниже правил.

Древние, насколько можно установить, знали только науку о мертвой силе, носящую у них название механики и трактующую о рычаге, блоке, наклонной плоскости (куда относятся также клин и винт), равновесии жидкостей и тому подобных явлениях, в которых рассматривается только первое устремление тел одного к другому, пока они еще не получили напора в движении. И хотя законы мертвой силы в известной мере могут быть отнесены и к живой силе, все же при этом нужна большая осмотрительность; так что впали в заблуждение те, кто силу вообще смешал с величиной, полученной из произведения массы на скорость, заметив, что мертвая сила пропорциональна тому и другому. ибо здесь 7 появляются особые условия, как мы уже однажды указывали. Например, при падении различных грузов в самом начале движения сами опускания,

==252

т. е. сами величины проходимых при падении промежутков, пока они бесконечно малы или элементарны, остаются пропорциональными скоростям, т. е. устремлениям к опусканию. Но по мере продвижения, когда возникает живая сила, приобретенные скорости пропорциональны не промежуткам, пройденным при падении, которыми, однако, оценивается сила, как мы уже показывали и покажем еще обстоятельнее, а только их элементам. Галилей ввел в рассмотрение живую силу (хотя под другим названием и даже с другим пониманием) и первым объяснил, как происходит ускоренное движение падающих тел. Декарт правильно разграничил скорость и направление и понял, что за столкновением тел следует состояние их совокупности, не изменяющее прежнего. Но он неправильно оценил минимальное изменение, изменяя только направление или только скорость, тогда как следовало ввести изменение, сочетающее в себе то и другое; как именно это сделать, для него осталось недоступным, потому что, сосредоточившись тогда более на модальностях, чем на реальностях, он не видел возможности сочетать и согласовать столь разнородные вещи, не говоря уже о других его промахах в этом учении.

Гонорат Фабри, Маркус Марци, Йог. Альф Борелли, Игнатий Баптист Парадис и Клавдий Деталь, а также и другие остроумнейшие исследователи науки о движении достигли немалых успехов, но не избегли и ошибок, притом капитальных. Первым, насколько мне известно, Гюйгенс, прославивший наш век выдающимися находками, достиг, как я полагаю, и в этой области чистой и очевидной истины и освободил эту науку от заблуждений, опубликовав в разное время ряд правил. Почти те же правила получили Ренн, Валлис и Мариотт, каждый из которых имеет свои заслуги в этих научных исследованиях. Но об основаниях этих правил нет единого мнения, поэтому нет единства и в заключениях, к которым приходят эти ученые. Да и подлинные истоки этой науки доньше, насколько известно, не были раскрыты. Не все признают то, что мне представляется очевидным, – что отражение, или отклонение, происходит не иначе как от упругой силы, т. е. противоборства внутреннего движения. Самое понятие сил никто до нас не привел к развернутой форме, и это до

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org с тех пор затрудняло картезианцев и других, которые уже по той причине не допускали возможности изменения суммы движения или натиска (которую они принимают за

==253

количество сил) после столкновения, что усматривали в этом изменении количества сил.

У меня еще в молодости, когда я вместе с Демокритом и его последователями Гассенди и Декартом видел природу тела в одной только инертной массе, выскользнула [из-под пера] книжка под названием «Физическая гипотеза» 8, где я изложил как теорию абстрактного, так и теорию конкретного движения. Эта книга, как я убедился, понравилась многим уважаемым людям больше, чем того заслуживала ее посредственность. В ней я заключал, исходя из указанного понятия тела, что всякое наталкивающееся тело отдает свой натиск воспринимающему или прямо противостоящему как таковому. Ибо поскольку оно в момент столкновения стремится двигаться дальше и увлечь с собой воспринимающее тело и это стремление (вследствие предполагавшегося мною тогда безразличия тела к движению и покою) должно возыметь свое действие в воспринимающем теле, если не затруднено противоположным устремлением или даже если затруднено, и эти противоположные устремления только должны вступить во взаимное сочетание, то представлялось очевидным, что нет никакой причины, по которой наталкивающееся тело не достигло бы действия, к которому стремится, или воспринимающее не приняло весь натиск наталкивающегося, и что движение воспринимающего будет составлено из прежнего стремления и полученного извне нового. Далее я показывал следующее: если бы в теле мыслились только математические понятия – величина, фигура, место и их изменения – и изменения натиска предполагались происходящими в самый момент столкновения без учета метафизических понятий, действительной энергии в форме и инертности, т. е. сопротивления движения в материи; если бы, таким образом, было необходимо определять результат столкновения из одного только геометрического сочетания устремлений, как мы это разъяснили, то отсюда должно было следовать, что натиск наталкивающегося тела, хотя бы весьма малого, сообщается каждому воспринимающему, хотя бы весьма большому, и таким образом сколь угодно малое наталкивающееся тело увлекает за собой весьма большое покоящееся тело, не испытывая само какого-либо замедления, поскольку такое понимание материи [исключает] 9 какое бы то ни было сопротивление движению, а скорее предполагает полное безразличие. Отсюда следовало бы, что не большую трудность составляет привести в движение большое

==254

покоящееся тело, чем малое, и действие оказалось бы без противодействия, так что невозможна никакая оценка энергии, поскольку любое может быть произведено любым. Так как все это и многое другое того же рода противно порядку вещей и несогласно с принципами истинной метафизики, то я тогда пришел к мысли (и притом правильной), что премудрый Творец в строении системы вещей избежал того, что вытекало бы само собой из голых законов движения, почерпнутых в чистой геометрии.

Но в дальнейшем, глубже рассмотрев все это, я понял, в чем состоит систематическое объяснение вещей, и увидел, что то прежнее понимание тела неполно. Его следует подкрепить как другими соображениями, так и тем, что в теле помимо протяженности и непроницаемости необходимо предположить нечто такое, откуда возникало бы и рассмотрение сил и метафизические законы, сочетание которых с законами протяженности порождало бы те самые правила движения, которые названы у меня систематическими, а именно что всякое изменение происходит по степеням, и всякое действие связано с противодействием, и новая сила не появляется без убыли прежней, и увлекающее всегда замедляется увлекаемым, и в действии содержится не более энергии, чем в причине. И так как этот закон невыводим из понятия массы 10, то он должен вытекать из другого начала, присущего телам, а именно из самой силы, которая всегда сохраняет одно и то же количество, хотя и проявляется через различные тела. Отсюда я заключил, что помимо чисто математического и подверженного представлению необходимо допустить нечто метафизическое и постигаемое только умом, придать материальной массе некоторое высшее, так сказать, формальное начало, ибо не все истины телесных вещей могут быть выведены из одних только мыслительных и геометрических аксиом, как то: о большем и меньшем, целом и части, фигуре и положении, и необходимо

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org добавить другие – о причине и следствии, действии и претерпевании, чтобы сохранить основания порядка вещей. Не имеет значения, будем ли мы называть это начало формой, или энтелехией, или силой, но мы должны помнить, что только через понятие силы можно прийти к разумному объяснению.

Если в наши дни некоторые выдающиеся люди, понимая, что общераспространенное понятие материи недостаточно, прибегают к представлению *Deus ex machina*

==255

и отнимают у вещей всякую силу действия, следуя некоему философскому мозаизму (*quasi Mosaica Philosophia*) (как выражался Флудд), то с этим я не могу согласиться. Хотя я признаю, что они проявили большую проницательность, отметив невозможность допустить собственное воздействие одной сотворенной субстанции на другую при строгом метафизическом рассмотрении, и охотно признаю, что все вещи проистекают от Бога в его непрерывном творении, однако я полагаю, что в вещах нет ни одного природного явления, основание которого следовало бы выводить непосредственно из божественного воздействия или божественной воли. Но вещам навсегда придано Богом нечто такое, чем определяется все происходящее с ними. Конечно, Бог сотворил не только тела, но и души, которым соответствуют первичные энтелехии. Но это будет показано в другом месте, с более углубленной разработкой относящихся собственно сюда соображений.

Вместе с тем хотя я допускаю везде в телах активное и, так сказать, жизненное начало, возвышающееся над материальными понятиями, однако это не значит, что я соглашаюсь с Генрихом Мором и другими людьми выдающихся дарований и благочестия, которые так говорят о некоем первичном, или гилархическом¹², начале при объяснении явлений, как будто бы нельзя было все в природе объяснить механически, и как будто те, кто пытается дать такое объяснение, устраняют бестелесные сущности, навлекая на себя подозрение в нечестии, и как будто необходимо вслед за Аристотелем прибегать к удобному, но бесполезному учению, приписывая вращающимся сферам разумные души и признавая, что стихии увлекает вверх или вниз их форма. С ними, повторяю, я не соглашаюсь, и меня не более удовлетворяет эта философия, чем то богословие, согласно которому иные настолько верили, что Юпитер гремит или снежит, что даже обвиняли в атеизме тех, кто доискивался ближайших причин этих явлений. Наилучшим соразмерением, удовлетворяющим как благочестию, так и науке, я считаю такое: признать, что все телесные явления можно вывести из механических причин, но сами механические законы в целом рассматривать как проистекающие от высших помыслов, и таким образом прибегать к глубинной производящей причине только для установления причин общих и наиболее удаленных. А раз утвердив их, мы везде, где идет речь о ближайших и специальных производящих причинах

==256

природных вещей, не будем уделять место душам, или энтелехиям, равно как и бессмысленным способностям или необъяснимым симпатиям, ибо сама первая и универсальнейшая производящая причина не должна вмешиваться помимо того случая, когда рассматриваются цели, которые преследовала Божественная Премудрость, создавая такой порядок вещей, и когда мы не должны пренебречь возданием ей хвалы и воспеванием прекраснейших гимнов.

Конечно, нередко и в специальных физических вопросах с большим успехом привлекаются целенаправленные причины (как я это показал на совершенно замечательном примере оптического принципа, получившего высокое одобрение достопочтенного Молинеуса в его «Диоптрике»), позволяющие нам не только проникнуться еще большим изумлением перед прекраснейшими делами высшего Творца, но иногда и уяснить этим путем то, что через производящие причины оставалось бы раскрытым не в такой степени или только гипотетически. Возможно, что до сих пор философы недостаточно соблюдали это. Вообще надо принять то положение, что все в природе производящие причины, а как принадлежащее царству мудрости – через целенаправленные причины; Бог правит во славу себе телами как машинами наподобие зодчего – по законам количества, или математическим, и притом через посредство душ; душами же, носителями мудрости, как своими подданными, имеющими с ним некое сродство, – наподобие властителя, или скорее отца, по законам благости, или моральным; оба этих царства находятся повсюду во взаимопроникновении, но законы каждого из них остаются несмешанными и невозмущенными, так что одновременно

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org достигается и наибольшее в царстве могущества, и наилучшее в царстве мудрости. Но в нашу задачу здесь входит установить для действующих сил общие правила, которыми мы могли бы пользоваться при объяснении специальных производящих причин.

Птак, я пришел к совершенно одинаковой истинной оценке сил двумя противоположными путями: во-первых, априори, простым рассмотрением пространства, времени и действия (что я изложу в другом месте); во-вторых, апостериори, оценивая силу по действию 13, которое производит ее самоизрасходование: я здесь имею в виду не любое действие, а только такое, на которое сила расходуется или затрачивается, которое поэтому можно назвать

==257

насильственным; таковым не является действие, производимое тяжелым телом, движущимся по совершенно горизонтальной плоскости, ибо, производя такое действие, тело сохраняет все время одну и ту же силу; впрочем, при правильном учете и такое, сказал бы я, инертное действие позволило бы нам достигнуть требуемой оценки, но это мы пока оставим в стороне. Из насильственных же действий я избрал то, которое в наибольшей степени пригодно для разделения на подобные и равные части, каково поднятие тела, обладающего тяжестью, ибо поднятие тяжелого тела на два или три фута в точности равно двукратному или трехкратному поднятию того же тела на один фут; и поднятие тела двукратного веса на один фут в точности равно двукратному поднятию тела однократного веса на один фут; откуда вытекает, что поднятие тела двукратного веса на три фута в точности равно шестикратному поднятию тела однократного веса на один фут, в том предположении (принимаемом ради простоты изложения, так как, хотя оно и не соответствует действительности, ошибка будет нечувствительна), что тела одинаково тяготеют на большем и меньшем расстоянии от горизонтальной плоскости. (Ибо, применяя пружины, не так легко получить однородность). Итак, проводя сравнение между различными или движущимися с различной скоростью телами, я легко установил, что если тело А имеет однократный вес, а В – двукратный, скорость же у обоих одинакова, то и сила у первого однократна, а у второго двукратна, поскольку все, что для первого положено один раз, для второго положено два раза. Действительно, в теле В дважды содержится тело, равное телу А и обладающее одинаковой с ним скоростью, и ничего более. Но если тела А и С равны, а скорость тела С вдвое больше скорости тела А, то легко видеть, что не все, наличествующее в теле А, удваивается в теле С: удваивается только скорость, но не само тело. И я понял, что здесь допущена погрешность теми, кто счел, что одним этим удвоением модальности удваивается и сама сила; уже ранее я указывал, что истинное, хотя и не получившее до сих пор признания (после всего, что написано об элементах всеобщей математики) искусство оценки состоит в том, чтобы достигнуть некоторой однородности, т. е. точного и полного удвоения не только модусов, но и вещей. Этот метод лучше всего может быть показан на примере рассматриваемого здесь вопроса.

==258

Чтобы решить его, я исследовал, могут ли упомянутые два тела, А и С, равные по величине, но различающиеся по скорости, произвести некоторые действия, равносильные своим причинам и однородные между собой. Таким образом, оказалось бы возможным объекты (сравнение которых самих по себе затруднительно) сравнить хотя бы по их действиям. Действие же я счел равносильным своей причине в том случае, если осуществление действия сопровождается израсходованием всей способности причины производить такое; при этом безразлична продолжительность этого действия. Итак, положим, что тяжелые тела А и С (фиг. 14) 15 обращают свою силу на подъем, что произойдет, если в тот момент, в который они имеют упомянутые выше скорости, А – однократную, а С – двойную, они находятся на оконечностях вертикальных маятников РА, ЕС. Как установлено опытами Галилея и других, если тело А при начальной скорости, пропорциональной 1, в высшей точке своего подъема будет находиться на высоте gAH, равной одному футу, над уровнем HR, то тело С при начальной скорости, пропорциональной 2, в высшей точке поднимается на высоту uC, равную четырем футам. А отсюда следует, что тело со скоростью, пропорциональной 2, по своей энергии в 4 раза превосходит тело со скоростью, пропорциональной 1, ибо при затрате всей своей способности к действию оно может произвести действие в 4 раза большее. Ибо, поднимая один фунт (т. е. само себя) на четыре фута, оно четырежды поднимает один фунт на один фут. Таким же образом получаем общий вывод, что силы равных тел относятся как квадраты

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org скоростей и, следовательно, силы любых тел находятся в отношении, равному произведению отношения самих тел 17 на удвоенное 18 отношение скоростей.

То же самое я подтвердил, доведя до нелепости (а именно до вечного движения) широко распространенное, особенно у картезианцев, противоречащее утверждение. согласно которому силы относятся как произведения тел на скорости; пользуясь этим методом, я далее определил апостериори два состояния, неравные по (способности производить действие) 19, и отличил большее от меньшего по определенному признаку. И так как от замены одного из них другим возникает механическое вечное движение, т. е. действие, превосходящее причину, то эти два состояния не равносильны друг другу, но то, которым заменено другое, оказалось превосходящим его,

==259

ибо произвело некоторое большее действие. Но я считаю несомненным, что природа никогда не допускает неравной по силам замены, а всегда полное действие бывает равносильно полной его причине; и обратно – если есть состояния, равные по силам, то можно в рассуждениях спокойно заменить одно другим, предполагая, что такая замена произведена в самой действительности и не повлекла за собой возникновения вечного движения. Между тем если бы действительно, как обычно полагают, были равносильны между собой тело А с весом, пропорциональным 2 (возьмем здесь такой пример), и скоростью, пропорциональной 1, и тело С с весом, пропорциональным 1, и скоростью, пропорциональной 2, то каждое из них могло бы быть без ущерба заменено другим. Но это неверно. Действительно, положим, что тело А весом 2 приобрело скорость 1, опускаясь по гАІА со снижением гАН в один 20 фут; подставим вместо него в момент нахождения в]а, т. е. на уровне горизонтальной плоскости, равносильное ему (как утверждают) тело С с весом 1 и скоростью 2; оно поднимется до дС', на высоту, равную >С, т. е. четырем футам. Таким образом, заставляя тело А весом в два фунта опуститься с высоты ^АН в один фут и подставив равносильное тело, мы достигли поднятия одного фунта на четыре фута, что вдвое больше предыдущего действия. Следовательно, мы приобрели столько же силы, т. е. осуществили механическое вечное движение, что является нелепостью. При этом не имеет значения, позволяют ли нам законы движения реально осуществить указанную подстановку; ибо для равносильных тел вполне достаточно и мысленной подстановки. Впрочем, мы могли бы придумать различные способы, посредством которых сколь угодно близко подошли бы к действительному переносу всей силы тела А на тело С, которое ранее находилось в покое, но теперь, после того как тело А пришло в покой, одно только С находится в движении. Так получилось бы, что место двухфунтового веса со скоростью 1 заступил бы один фунт со скоростью 2 . . . , откуда, как мы показали, возникает нелепость. И все это не пустые рассуждения, сводящиеся к спору о словах, а имеет большое практическое значение при расчете машин и движений. Например, если кто располагает силой, производимой водой, животными или другим способом, достаточной, чтобы поддерживать тяжелое тело в 100 фунтов в постоянном движении, при котором оно описывало бы в течение четверти минуты горизонтальную окружность

==260

с диаметром в 30 футов; а другой заменит это двойным грузом, описывающим за то же время вдвое меньшую окружность с меньшими затратами, и представит тебе это как нечто выгодное, то знай, что ты обманут и потерял половину силы 2Э. Но теперь, рассеяв заблуждения, предположим во второй части этого нашего «Опыта» более подробное рассмотрение истинных и достойных удивления законов природы.

ЧАСТЬ II

Природа тела и вообще субстанции недостаточно познана, и этим объясняется, что выдающиеся философы нашего времени (мы этого уже касались), полагая понятие тела в одной только протяженности, вынуждены были прибегать к Богу, чтобы объяснить соединение души и тела и даже взаимодействие тел. Ибо необходимо признать невозможным, чтобы голая протяженность, заключающая в себе только геометрические понятия, была способна к действию и к восприятию действия; поэтому единственной возможностью объяснения им представилось допустить, что когда человек мысленно пытается двинуть рукой, то Бог, как бы по некоему извечному условию, приводит его руку в движение; и обратно – посредством возникающих в крови и дыхании движений Бог возбуждает в душе восприятие. Но сами эти допущения, чуждые правильному пути философствования, должны были убедить их авторов, что они

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org исходят из ложного основания, дав телу неправильное определение, ведущее к таким следствиям. Поэтому мы показали, что во всякой субстанции есть сила действования, а если это субстанция сотворенная, то также и сила претерпевания; а понятие протяженности не закончено в себе самом, но составляет только признак чего-то протяженного, говорящий о его распространении или непрерывном повторении, и потому предполагает наличие субстанции тела, которая обладает способностью действовать и подвергаться действию и везде проявляется как телесная масса и распространение которой содержится в протяженности. Отсюда когда-нибудь для нас прольется и новый свет в объяснении единства тела и души. Теперь же нам надо показать, как отсюда выводятся удивительные и весьма полезные практические теоремы, относящиеся к динамике, т. е. науке, излагающей по преимуществу закономерности телесных сил.

==261

Прежде всего необходимо знать, что сила есть нечто вполне реальное также и в сотворенных субстанциях; пространство же, время и движение имеют нечто от сущности разума и являются истинными и реальными не сами по себе, а лишь поскольку они причастны к божественным атрибутам – бесконечности, вечности, созиданию или силе творимых субстанций. Отсюда уже следует, что пустоты в пространстве и времени не существуют, а движение в отвлечении от силы. т е поскольку в нем рассматриваются только геометрические понятия – величина, фигура и их изменения, в действительности есть не что иное, как перемена положения, так что движение как феномен состоит в чистом отношении, как это признал и Декарт, когда определил его как перемещение из соседства с одним телом в соседство с другим. Но, выводя следствия, он забыл о своем определении и установил правила движений, как будто движение было чем то реальным и абсолютным. Надо исходить из того, что, сколько бы тел ни находилось в движении, из самих явлений невозможно заключить, какое из тел находится в абсолютном движении или в покое, но любому из них можно приписать покой без какого-либо изменения в самих явлениях. Отсюда следует (чего не заметил Декарт), что эквивалентность гипотез не нарушается и при столкновении тел между собой и поэтому правила движений должны быть таковы, чтобы относительный характер природы движения оставался в силе и, наблюдая явления, следующие за столкновением, нельзя было установить, где до столкновения был покой или определенное абсолютное движение. Отсюда вытекает несостоятельность правила Декарта, согласно которому покоящееся тело никоим образом не может быть сдвинуто с места меньшим телом, и других тому подобных правил, как нельзя более чуждых действительности. Из относительной природы движения следует также, что взаимодействие тел при столкновении остается одним и тем же, если только их сближение происходит с одной и той же скоростью. Точно так же мы испытываем одинаковую боль, натолкнется ли наша рука на неподвижно висящий на нити камень, или камень с той же скоростью натолкнется на неподвижную руку. В то же время мы говорим об этом так, как того требуют обстоятельства; для более простого и наглядного описания явлений, например, в учении о сферах мы применяем движение первого двигателя, а в теории планет должны пользоваться

==262

гипотезой Коперника, чтобы совершенно замолкли споры, которые велись по этому поводу с таким возбуждением (при участии также и богословов). Действительно, хотя сила есть нечто реальное и абсолютное, движение принадлежит к разряду относительных явлений, и истину мы усматриваем не столько в явлениях, сколько в причинах.

Из наших понятий о теле и силах вытекает, что все происходящее с субстанцией можно понять как происходящее согласно определенному порядку. С этим связано, что никакое изменение не происходит скачком. Из этого положения следует, что существование атомов невозможно. Чтобы понять силу этого следствия, положим, что тела А и В (фиг 15) 24 сталкиваются, и ,А приходит в gA , а)b в gV , и после столкновения отражаются из gA в $3A$ и из gV в $3B$. Если мы представим себе, что существуют атомы, т. е. тела совершенно твердые и несгибаемые, то очевидно, что изменение произошло скачком, или моментально, ибо прямое движение в самый момент столкновения перешло в обратное, если не предположить, что тотчас после столкновения тела пришли в покой, т. е. потеряли силу, каковое предположение, не говоря уже о том, что оно нелепо по другим основаниям, опять заключало бы в себе допущение скачка, т. е. моментального перехода от движения к покою, без промежуточных ступеней. Итак, необходимо признать, что если тела А и В (фиг 16) 25 столкнулись, придя из iA и jB в место столкновения $gAgV$, то они там несколько

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org сжимаются наподобие двух надутых мячей и все более и более сближаются, причем сжатие непрерывно возрастает; тем самым движение ослабевает, так как силы устремления переходят в силы упругости тел, пока они не придут окончательно к покою; тогда наконец по мере восстановления упругости тел они отталкиваются друг от друга, причем обратное движение, начавшись от состояния покоя, непрерывно возрастает и наконец тела, приобретя ту же скорость, которую они имели сближаясь, но направленную в противоположную сторону, удаляются друг от друга и возвращаются в места zA , zB , совпадающие с местами iA , b , если тела предполагаются равными и имеющими равные скорости. Отсюда уже уясняется, каким образом при постепенном уменьшении движения в исходном направлении, приводящем тело в состояние покоя, возникает наконец движение в обратном направлении без какого-либо скачкообразного изменения. Подобно тому как из одной фигуры не может произойти другая (например, из круга

==263

овал) иначе как через посредство бесчисленных промежуточных фигур и от места к месту или от момента времени к моменту времени можно перейти только через все промежуточные места или моменты, так и переход от движения к покою, и тем более к противоположному движению возможен только через все промежуточные ступени движения. Удивительно, что на это столь важное обстоятельство так мало обращали внимания.

Из сказанного следует – хотя это отрицал Декарт в своих «Письмах», да и ныне отказываются допустить некоторые выдающиеся ученые, – что всякое отражение (*reflexio*) возникает от упругости, и уясняется смысл многих знаменитых опытов, которые показывают, что тело при толчке изменяет форму, прежде чем сдвинуться с места, как это превосходно изложил Мариотт. Наконец отсюда вытекает то замечательное следствие, что нет столь малого тела, которое не имело бы упругости и не допускало бы проникновения в него еще более тонкой жидкости; нет поэтому никаких элементов тел, никакого вещества, обладающего величайшей текучестью, и никаких плотных, совершенных и неизменяемых шариков второго элемента, а разделение тела может продолжаться до бесконечности 26.

Следствием этого закона непрерывности, исключающего скачки в изменении, является, далее, то, что случай покоя можно рассматривать как частный случай движения, а именно как исчезающее малое движение, и случай неравенства – как случай исчезающего равенства. Поэтому следует так определить законы движения, чтобы не было надобности в специальных правилах для тел равных и покоящихся, и возникают эти правила сами собой из правил для тел неравных и находящихся в движении. Если же мы захотим формулировать специальные правила для покоя и равенства, то должны остерегаться, чтобы они не оказались в несоответствии с гипотезой о покое и равенстве как предельных случаях движения и неравенства; иначе мы нарушим гармонию вещей, и наши правила вступят в противоречие между собой. Этот новый прием проверки правил, предложенных нами и другими, я впервые опубликовал в «*Nouvelles de la République des lettres*» (июль 1687 г., статья 8) и назвал его общим принципом порядка, возникающим из понятий бесконечности и непрерывности 27, присоединив к нему аксиому: при упорядоченных исходных данных упорядочены и искомые. Я дал

==264

этому такое обобщенное выражение: если в исходных данных частные случаи следуют непрерывно один за другим и наконец получают исчезающе малые значения, то необходимым следствием будет, что и в искомым величинах частные случаи будут следовать непрерывно и будут стремиться к исчезающе малым значениям. Совершенно так же, как в геометрии случай эллипса, непрерывно изменяясь, приближается к случаю параболы, по мере того как при одном фокусе, остающемся в неподвижности, второй предполагается все более и более удаляющимся, пока этот второй фокус не отодвинется на бесконечное расстояние и эллипс не перейдет в параболу. Поэтому все правила эллипса с необходимостью подтверждаются и для параболы (принимаемой за эллипс, второй фокус которой бесконечно удален). Поэтому все лучи, параллельно падающие на параболу, можно принять за исходящие из этого второго фокуса или устремляющиеся к нему 28. Таким же образом случай, когда тело А наталкивается на движущееся тело В, может непрерывно изменяться: можно принять, что при сохранении движения тела А движение тела В становится все меньше и меньше, пока не перейдет в состояние покоя и не станет возрастать в противоположном направлении. Я утверждаю, что результат столкновения при

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
движении обоих тел непрерывно приближается к результату столкновения в случае тела В или тела А, находящегося в покое, и наконец переходит в него; таким образом, случай покоя как в исходных данных, так и в результате или в искомым является пределом двух случаев движения, или общим пределом движений прямого и обратного 29, т. е. частным примером того и другого. Когда я при помощи этого лидийского камня, перенесенного мной от геометрии к физике, исследовал декартовы правила движения, то удивительным образом обнаружилось какое-то зияние, или скачок, совершенно не свойственный явлениям природы. Выражая количество посредством отрезков прямых и принимая случаи движения тела В до столкновения, как исходные данные, за абсциссы, а его движения после столкновения, как искомые результаты, – за ординаты и проведя линию через оконечности ординат, как предписывают правила Декарта, я получил не непрерывную линию, а нечто зияющее и подсакивающее нелепым и немыслимым образом. Когда я отметил при этом случае, что не во всем выдерживают такое испытание также и правила досточтимого отца Мальбранша, то этот

==265

выдающийся муж, произведя необходимый пересмотр, со свойственным ему беспристрастием признал, что должен изменить свои правила, и издал об этом краткую книжку. Однако приходится сказать, что он недостаточно последовательно применил этот новый прием и оставил кое-что не вполне свободным от возражений.

Из сказанного вытекает еще и такое замечательное следствие: всякое изменение состояния тела является спонтанным, т. е. происходит от внутренней силы, хотя бы и при наличии внешнего повода. Подразумеваю здесь собственное изменение данного тела, возникает ли оно при ударе или остается длительным, какие бы мы ни предполагали условия, чему бы мы, наконец, ни приписывали абсолютный покой или движение. Ибо если удар остается одним и тем же, какому бы из ударяющихся тел ни принадлежало истинное движение, отсюда следует, что действие удара поровну разделяется между обоими телами, так что они одинаково участвуют в действии и половина действия возникает от одного из них, а другая половина – от второго; и так как в то же время половина результата, т. е. изменения, принадлежит одному, половина – другому, то этого достаточно, чтобы мы отнесли изменение, которое происходит с каждым из них, к его же собственному действию и не нуждались в допущении какого-либо влияния одного тела на другое, хотя каждое из них дает повод к действию другого, производящему изменение в нем самом. Действительно, когда сталкиваются тела А и В, то сопротивление тел в соединении с упругостью вызывает их сжатие, одинаковое в каждом из двух при любых предположенных условиях. Это можно показать и на опыте; например, если мы представим себе, что сталкиваются два надутых мяча, будут ли они оба находиться в движении, или один из них будет подвешен на нити, так что сможет легко отклоняться; какова бы ни была относительная скорость мячей, т. е. скорость их сближения, она будет характеризоваться определенной степенью сжатия и напряжения упругости, и притом равной у обоих. Затем мячи А и В, возвращаясь к первоначальному состоянию под действием силы упругости заключенного в них воздуха, оттолкнутся один от другого, как будто выброшенные из катапульты. При этом так как сила с обеих сторон одинакова, то каждый будет отталкиваться от другого и, таким образом, удалится от него под действием собственной своей силы, а не силы другого мяча. Но то, что мы говорим

==266

о мячах, можно отнести и ко всякому телу, испытывающему удар отражение происходит вследствие упругости в нем самом, т. е. от движения проникающего его текучего эфирного вещества, следовательно, от внутренней силы. Здесь я имею в виду, как я говорил, собственное движение тела, отвлекаясь от общего, которое может быть приписано центру тяжести 30; собственное движение тел можно представить себе так (представить, поясняю, в виде гипотезы), как если бы они перемещались на корабле, несущем их общий центр тяжести, а сами имели собственное движение на этом корабле, так что наблюдаемые явления происходили бы из сложения движения корабля как центра и собственного движения тел. Из сказанного легко также понять, что действие тел всегда сопровождается противодействием и оба они равны между собой по величине и противоположны по направлению.

И так как в каждый момент существует только сила и порождаемое ею устремление (ибо движение никогда в действительности не существует³¹, как мы изложили выше),

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
а всякое устремление направлено по прямой линии, то отсюда следует, что всякое движение или прямолинейно, или составлено из прямолинейных. А отсюда уже не только вытекает, что все движущееся по кривой линии всегда стремится продолжить это движение по касательной к ней прямой, но также, чего трудно было бы ожидать, возникает истинное понятие о твердости. Ибо если предположить, что какое-нибудь из тел, которые мы называем твердыми (хотя в действительности нет ничего абсолютно твердого или абсолютно жидкого, но каждое тело имеет определенную степень твердости и текучести и только по преобладающему в нашем восприятии признаку получает то или иное наименование), вращается вокруг своего центра³², то его части будут стремиться улететь по касательной, вернее, даже начнут улетать, но так как этим их отрывом друг от друга нарушается движение окружающей среды, то они встречают отсюда противодействие и снова смыкаются между собой, как будто бы центру была присуща магнетическая сила притяжения или самим частицам – центростремительная сила, и, таким образом, вращательное движение возникает из сложения стремления удалиться по касательной с центростремительной силой частиц. Получается, что всякое криволинейное движение возникает из слагающихся между собой прямолинейных устремлений, и вместе с тем становится понятным, что упомянутое

==267

смыкание под воздействием окружающей среды есть причина всякой твердости. Иначе было бы невозможно, чтобы всякое криволинейное движение слагалось из строго прямолинейных. Отсюда мы снова получаем новое и столь же неожиданное, как предыдущее, соображение, направленное против атомизма. Действительно, нельзя придумать ничего более чуждого природе вещей, чем объяснить твердость из покоя: никогда нет в телах истинного покоя и ничто, кроме покоя, не может произойти из покоя. Пусть, например, А и В ³³ находятся во взаимном покое, т. е. в покое не абсолютном, а только по отношению одно к другому (впрочем, и это никогда не случается в точности, ибо никакое тело не сохраняет в точности одного и того же расстояния от другого тела, хотя бы в течение сколь угодно малого времени), и пусть все находящееся в состоянии покоя будет хранить это состояние до тех пор, пока вступит в действие особая причина; отсюда все же не следует, что раз В оказывает сопротивление толчку³⁴, то оно окажет сопротивление также и отрыву от другого³⁵, так чтобы, преодолев сопротивление самого В, т. е. приведя В в движение, можно было заставить последовать за ним и А. Это было бы в сущности притяжением, которого в природе нет, а между тем оно должно было бы вытекать как следствие из допущения первичной твердости или объяснения ее покоем или чем-либо подобным. Итак, твердость также не должна быть объясняема ничем, кроме воздействия (*contrusio*) окружающей среды. Ибо одно только сжатие недостаточно объясняет дело – как будто бы просто было затруднено удаление В от А; надо понять, что в действительности они удаляются друг от друга, но окружающая среда толкает обратно одно к другому, и из сочетания двух движений происходит это сохранение сплоченности. Поэтому те, кто воображает в телах некие не воспринимаемые чувствами слои или пластины (по образцу двух полированных мраморных плит, плотно прилегающих одна к другой), разделение которых затруднено сопротивлением окружающей среды, хотя во многом и правы, однако, предполагая в пластинах снова какую-то твердость, не находят последних оснований твердости. Отсюда также понятно, почему я в этом вопросе не могу принять философских мнений некоторых выдающихся математиков, которые, помимо того что допускают пустое пространство и не чуждаются притяжения, толкуют и движение как абсо-

==268

лютное и пытаются доказать это из вращения и порождаемой им центробежной силы³⁶. Но так как и вращение рождается только из сочетания прямолинейных движений, то приходится заключить, что, поскольку сохраняется сила гипотез, принимаемых для прямолинейных движений, она сохранится и для криволинейных.

Из сказанного можно понять еще и следующее. Движение, общее нескольким телам, не меняет их взаимодействий, ибо не изменяется скорость, с которой они сближаются между собой, а следовательно, и сила, с которой они воздействуют друг на друга при столкновении. На этом основаны превосходные опыты, которые описал Гассенди в «Письмах о движении», сообщаемом движущимся агентом, отвечая тем, которые полагали, что выбрасыванием снарядов можно привести в состояние покоя земной шар. Между тем вполне достоверно, что у находящихся на большом корабле (закрытом, т. е. так устроенном, что с него не видна внешняя обстановка), который идет даже с большой, но равномерной скоростью, не будет никакой

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
возможности различить, находится ли корабль в покое или движется, на основании того, что происходит на корабле, например если на нем играют в мяч или выполняются другие движения. Это необходимо отметить ради тех, которые, неправильно поняв учение Коперника, полагают, что, согласно ему, тела, брошенные с земли в воздух, увлекаются воздухом, вращающимся вместе с землей, и падают на землю так, как если бы она находилась в покое; это воззрение справедливо признано неудовлетворительным, и авторитетнейшие ученые, следуя гипотезе Коперника, говорят, что все находящееся на земной поверхности движется вместе с землей и поэтому тело, выпущенное из лука или из метательного орудия, уносит с собой вместе с устремлением, сообщенным ему этим орудием, также и устремление, сообщенное ему вращением земли. И так как двойное движение брошенного тела заключает в себе одно движение, общее с землей, а другое, сообщенное броском, собственное, то нет ничего удивительного, если общее движение не вносит никакого изменения. Вместе с тем нельзя скрыть того, что если бы можно было метнуть тело на такое расстояние или представить себе корабль такой большой и обладающий такой скоростью, чтобы до момента падения брошенного тела земля или корабль описали дугу, заметно отличающуюся от прямой, то обнаружилось бы расхождение, ибо тогда

==269

в самом деле движение земли или корабля (как круговое) не совпало бы с движением, сообщенным метательному снаряду вращением корабля или земли (как криволинейным). И к устремлению тяжелых тел к центру присоединилось бы внешнее воздействие, не менее способное породить различие в явлениях, чем если бы в корабле был заключен компас, указывающий на полюс и обнаруживающий отклонения корабля от курса. Вообще же, когда речь идет о равносильности гипотез, необходимо учитывать все привходящие обстоятельства, сопутствующие явлениям. Отсюда также понятно, что можно без опасений применять сложение движений или разложение движения на два или более, хотя Валлисий приводит высказанные одним даровитым ученым сомнения в этом. Во всяком случае эта возможность требует обоснования и не должна (как это часто делалось) рассматриваться как самоочевидная.

==270

НОВАЯ СИСТЕМА ПРИРОДЫ И ОБЩЕНИЯ МЕЖДУ СУБСТАНЦИЯМИ, А ТАКЖЕ О СВЯЗИ, СУЩЕСТВУЮЩЕЙ МЕЖДУ ДУШОЮ И ТЕЛОМ

1. Вот уже несколько лет, как я пришел к этой системе и по ее поводу имел сношения с некоторыми учеными, особенно с одним из величайших богословов и философов нашего времени, который, ознакомившись через посредство одного высокопоставленного лица с некоторыми из моих взглядов, нашел их весьма парадоксальными. Но, получив мои разъяснения, он самым благородным и поучительным образом взял свои слова назад. Одобрив одну часть моих положений, он перестал критиковать и другую их часть, с которой он еще не решался согласиться. С этого времени, как только представился удобный случай, я продолжил свои размышления, дабы представить публике взгляды, хорошо обоснованные; равным образом я старался ответить на те возражения, которые делались против моих опытов по динамике, имеющих с ними связь. Наконец, так как некоторые весьма уважаемые особы желали большего разъяснения моих взглядов, то я решился опубликовать эти размышления, хотя они, с одной стороны, никоим образом не могут быть для всех доступными, с другой – не могут прийтись по вкусу умам всякого сорта. Я старался главным образом извлечь пользу из суждений тех людей, кто является достаточно знающим в этом предмете; было бы слишком затруднительно разузнавать и разыскивать отдельно всякого, кто был бы расположен давать мне наставления, которые я всегда буду рад получать, лишь бы только в них сказывалась любовь к истине, а не пристрастие к предвзятым мнениям.

2. Хотя я принадлежу к числу людей, усердно занимавшихся математикой, однако с самой юности я не переставал размышлять над философией, ибо мне всегда

==271

казалось, что есть средство установить в ней путем ясных доказательств кое-что прочное. Я уже далеко проник в схоластические области, пока математика и новейшие писатели не заставили меня еще в ранней юности удалиться от них. Меня увлекла их прекрасная манера объяснять природу механически, и я со справедливым

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org презрением отвернулся от метода тех, которые только нагромождали формы и способности, не дававшие ровно никакого знания. Но затем, попытавшись углубить принципы самой механики, дабы указать основание для законов природы, познаваемых из опыта, я заметил, что для этого недостаточно принимать во внимание одну только протяженную массу, что необходимо прибегать еще к понятию силы.— понятию вполне доступному для мысли, хотя оно и относится к области метафизики. Мне казалось также, что хотя мнение тех, которые обращают или низводят животных на степень простых машин, и кажется возможным, однако оно неправдоподобно и даже противоречит порядку вещей.

3. Сначала, освободившись из-под ига Аристотеля, я обратился к пустому пространству и атомам, ибо это всего лучше удовлетворяет воображение; но отказался от этого после многих размышлений о невозможности найти принцип истинного единства в одной только материи, иными словами, в том, что только пассивно, ибо здесь все является только собранием или скоплением частей без конца. Ведь множество может получать свою реальность только из действительных единиц, имеющих другое происхождение и представляющих собой нечто совершенно иное, нежели точки, относительно которых несомненно, что непрерывное не может состоять из них; дабы найти эти реальные единицы, я был принужден прибегнуть к атому формальному, ибо что-либо материальное не может быть в одно и то же время и материальным, и совершенно неделимым, иными словами, обладать истинным единством. Таким образом, пришлось снова обратиться к субстанциальным формам и, так сказать, восстановить их репутацию, столь поколебленную в настоящее время; но это надо было сделать таким образом, чтобы они стали доступны пониманию и чтобы пользование ими было свободно от тех злоупотреблений, которые делались. Итак, я нашел, что природа этих форм состоит в силе; а отсюда вытекает нечто аналогичное сознанию и стремлению, и, следовательно, их нужно понимать наподобие того, как мы

==272

представляем себе души. Но как и душе нельзя прибегать для объяснения частных в устройстве тел животных, точно так же, я думал, нельзя прибегать к этим формам для объяснения частных проблем природы, хотя они и необходимы для установления общих истинных принципов. Аристотель называет их первыми энтелехиями. Я, может быть более понятно, называю их первичными силами (*forces primitives*), которые содержат в себе не только акт или осуществление возможности, но и первичную деятельность.

4. Я видел, что эти формы и души должны были быть неделимыми, точно так же как наш дух, и, насколько я помню, того же взгляда относительно душ животных держался св. Фома. Но это вызвало большие затруднения по отношению к происхождению и протяженности душ и форм. Ибо так как всякая простая субстанция, обладая истинным единством, не может иметь ни начала, ни конца, разве только путем чуда, то отсюда вытекало, что эти души и формы могут получать свое начало только путем творения, а конец — только путем обращения в ничто. Таким образом, исключая те души, которые Богу угодно сотворить еще, я был принужден признать, что конститутивные формы субстанций должны были быть сотворены при начале мира и остаются навсегда. Некоторые схоластики, как Альберт Великий и Роджер З Бэкон, также отчасти предвидели истину их происхождения; и это не должно казаться необычным, ибо формам приписывается только та длительность, какую гассендисты признавали за своими атомами.

5. Я думал, однако, что нельзя безразлично смешивать с другими формами и душами духи и разумные души, ибо последние высшего порядка и обладают несравненно большим совершенством, чем эти формы, погруженные в материю и, по моему мнению, пребывающие повсюду; в сравнении с этими последними духи как бы маленькие божества, сотворенные по образу Бога и носящие на себе [учи божественного света]. Поэтому духами Бог управляет подобно тому, как государь управляет своими подданными [ли как отец заботится о своих детях, между тем как ' другими субстанциями он распоряжается так же, как механик со своими машинами. Духи имеют, таким образом, вой особые законы, ставящие их выше изменений, происходящих в материи, в силу того самого порядка, который Бог вложил в последнюю; и можно сказать, что все

==273

остальное сотворено только для них, так что самые эти изменения приспособлены к

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
счастью добрых и наказанию злых.

6. Однако (снова возвращаясь к формам обычным или душам примитивным) длительность, которую должно было им приписать взамен той, которая приписывалась атомам, могла бы заставить сомневаться, не переходят ли эти души из тела в тело; это было бы метемпсихозом, вроде того как некоторые философы верили в передачу движения и видов. Но такое представление совершенно не соответствует природе вещей. Такого перехода вовсе нет, и здесь мне пришло на помощь учение о трансформациях Свамердама, Мальпиги и Левенгука 4, превосходнейших наблюдателей нашего времени; они заставили меня допустить скорее, что как животное, так и всякая другая организованная субстанция не начинается в то время, когда мы думаем о них, и что их видимое рождение есть только развитие, нечто вроде приращения. Я заметил также, что автор «О разыскании истины» 5, а также г-н Режи, г-н Гартзёкер и другие знающие люди недалеко были от такого взгляда.

7. Но оставался еще самый важный вопрос: что делается с этими душами или формами после смерти животного или при разрушении индивидуума, организованной субстанции? Этот вопрос представлял больше трудностей, так как было бы неразумным, чтобы души оставались без всякой пользы в хаосе нераздельной материи. Это заставило меня наконец думать, что есть только один разумный исход, именно что сохраняется не только душа, но также и животное, и его органическая машина, хотя разрушение ее крупных частей приводит ее к такому незначительному размеру, что она не поддается нашим чувствам, точно так же как это было до ее рождения. Равным образом настоящее время смерти никто с точностью указать не может; смерть долгое время можно принимать за простое прекращение заметных действий, и в основе она никогда не бывает чем-либо иным у простых животных; свидетельством тому служит пробуждение мух, утопленных и затем присыпанных порошком мела, и многие другие примеры, которые достаточно показывают, что много было бы и других пробуждений и даже через большее время, если бы люди были в состоянии восстановить машину. По-видимому, великий Демокрит, каким бы атомистом он ни был, говорил о чем-то подобном, хотя Плиний и смеется над этим. Естественно поэтому, что животное, как оно было всегда

==274

живым и организованным (как это начинают признавать люди весьма проницательного ума), таковым и останется навсегда. И поскольку нет ни первого рождения, ни вполне нового происхождения, то отсюда вытекает, что не будет также ни совершенного уничтожения, ни смерти в строго метафизическом смысле и что, следовательно, вместо переселения души существует только превращение того же самого животного соответственно с тем, что его органы находятся в ином положении и развиты более или менее.

8. Однако разумные души следуют законам более высшим; они избавлены от всего, что могло бы лишить их свойства быть гражданами общества духов: Бог заботится о том, чтобы никакие изменения вещества не могли повести, к потере нравственных качеств их личности. И можно сказать, что все стремится к совершенству, не только имея в виду универсум вообще, но и отдельные творения, которые предназначены к такой степени блаженства, что весь универсум принимает в этом заинтересованное участие в силу благодати божией, сообщающейся каждому столько, сколько может допустить это верховная мудрость.

9. Что касается обыкновенной судьбы животных и других телесных субстанций, в чье полное исчезновение до сих пор верили и изменения которых зависят скорее от правил механических, чем от законов нравственных, то я с удовольствием заметил, что древний автор книги «О диете», приписываемой Гиппократу, усматривал некоторую долю истины, прямо говоря, что животные не рождаются и не умирают, что вещи, о которых думают, будто они получают начало и погибают, только являются и исчезают. Это мнение, согласно Аристотелю, принадлежало также Пармениду и Мелиссу; эти древние были основательнее, чем о них думают.

10. Я всего более расположен отдавать справедливость писателям новейшим, однако я нахожу, что в своей реформе они пошли слишком далеко. Так, между прочим, они смешивают естественные вещи с вещами искусственными, не имея достаточно основательных идей о величии природы. Они думают, что различие между механизмами (machines) природы и нашими только различие большим и малым. Это недавно побудило человека очень умного, автора «Бесед о множественности миров» 6, сказать, что если поближе рассмотреть природу, то в ней найдешь менее

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
восхитительного, нежели думали, ибо она не что иное, как мастерская рабочего. Я
думаю, что

==275

это значит высказать о природе идею ни достаточно верную, ни достаточно
достойную ее и что только наша система позволила наконец познать истинное и
беспредельное расстояние между самонаименьшими произведениями и механизмами
(mechanismes) божественной мудрости и самыми значительными шедеврами искусства
духа ограниченного, это различие не есть только различие в степени, но различие
в самом роде. Должно же знать, что машины природы имеют действительно бесконечное
число органов, что они так хорошо вооружены и так недоступны для всяких
случайностей, что разрушить их невозможно. Естественная машина остается машиной и
в своих мельчайших частях, и, что еще важнее, она всегда остается той же
машиной, какой была, она только изменяет свою форму путем различных изгибов,
которые принимает, то расширяется, то стягивается и как бы концентрируется,
когда думают, что она утратилась

11 Далее, через посредство души, или формы, существует истинное единство,
соответствующее тому, чему дают название «я» в нас самих, это то, что не может
иметь места ни в искусственных машинах, ни в простой массе материи, как бы она
ни была организована на такую массу можно смотреть только как бы на армию, или
стадо, или пруд, полный рыбы, или как бы на часы, составленные из пружин и колес.
Однако если бы не было действительных субстанциальных единиц, то и в собрании не
было бы ничего ни субстанциального, ни реального. Это то и побудило Кордемуа
оставить Декарта и принять учение об атомах Демокрита, дабы найти действительное
единство. Но материальные атомы противоречат разуму, не говоря уже о том, что и
они сложены из частей, так, как непреодолимая связь одной части с другой (если
только ее можно представить или иметь основание предположить) не уничтожает их
различия. Существуют только атомы-субстанции, т. е. единицы или реальные единства,
абсолютно лишенные частей, составляющие источники деятельности и первые
абсолютные принципы сложения вещей и как бы последние элементы в анализе вещей.
Субстанциальных. Их можно было бы назвать метафизическими точками. Они обладают
чем-то жизненным и своего рода представлениями, математические же точки – это их
точки зрения для выражения универсума. Но когда телесные субстанции стягиваются,
то все их органы образуют, на наш взгляд, одну физическую точку. Таким образом,
точки физические неделимы только

==276

по видимости; математические точки – точки в строгом смысле, но они только
модальности, только точки метафизические, или точки-субстанции (а их образуют
формы, или души), суть точки в строгом смысле, и притом реальные, и без них не
было бы ничего реального, так как без настоящих единиц не может быть и множества

12 Установив эти вещи, я думал, что вхожу в гавань, но, когда я стал размышлять
о связи души с телом, я очутился как бы брошенным в открытое море. Ибо я не
находил никакого средства ни для объяснения того, каким образом тело может
заставить что либо проникать в душу или наоборот, ни того, каким образом одна
субстанция может иметь общение с другой сотворенной субстанцией. Декарт,
насколько это можно видеть из его сочинений, оставил эту часть в стороне; но его
ученики, сознавая невразумительность обыкновенного мнения, полагали, что мы
ощущаем свойства тел потому, что Бог по случаю движений вещества заставляет
родиться в нашей душе идеи, а когда наша душа в свою очередь желает подвинуть
тело, они думали, что это Бог его для нее движет. Так как дальнейшая передача
движения им также казалась непостижимой, то они думали, что это Бог передает
движение от одного тела к другому. Это то, что они называют системой
окациональных причин, получившей большую известность благодаря прекрасным
рассуждениям автора «О разыскании истины»

13 Должно признать, что путем выявления того, что никоим образом не может быть
возможно, постигли, в чем состоит затруднение; но это затруднение, кажется, еще
не было устранено объяснением того, что совершается действительно. Совершенно
справедливо, что, говоря в строго метафизическом смысле, реального влияния одной
сотворенной субстанции на другую не существует и что все вещи со всеми их
реальностями непрестанно производятся силою Бога, но для решения проблем не
достаточно пользоваться общей причиной и прибегать к тому, что называют Deus ex

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
machina Ибо раз это делается без дальнейшего объяснения, которое можно было бы извлечь из области вторичных причин, то это значит в сущности прибегать к чуду В философии должно стремиться к отысканию основания, объясняя, каким образом вещи производятся божественной премудростью сообразно с понятием того, о чем идет речь

14 Когда, таким образом, я был принужден признать невозможным, чтобы душа или какая либо другая действи-

==277

тельная субстанция могла получать что-либо извне, кроме как через всемогущество Божие, я незаметно для себя был приведен к мысли, которая меня удивила, но казалась неизбежной и на самом деле имеет весьма большие преимущества и обладает красотою очень значительными. Эта мысль состоит в том, что Бог изначала сотворил душу, или какое-либо другое действительное единство, Таким образом, что в ней все должно рождаться из ее собственных источников, совершенно спонтанно, но, однако, при полном соответствии с внешними вещами. И так как, таким образом, наши внутренние состояния сознания, т. е. состояния самой души, а не мозга или отдельных частей тела, суть только явления, сопутствующие внешним вещам, или, пожалуй, истинные явления и как бы сны, находящиеся в правильном порядке, то необходимо, чтобы эти внутренние, в самой душе существующие представления возникали в ней в силу ее собственного первоначального устройства, т. е. в силу ее представляющей природы (способной выражать внешнее для нее путем отношения к ее органам), данной ей с ее сотворения и составляющей ее индивидуальный характер. В силу этого всякая из таких субстанций в точности представляет весь универсум каждая по своему и с известной точки зрения, и представления, или выражения внешних вещей, возникают в душе в данный момент в силу ее собственных законов, как будто в особом мире и как будто бы ничего, кроме Бога и ее. не существовало (употребляю способ выражения одной особы, отличающейся большой высотой духа и всеми известной святостью) 7. Вследствие всего этого между всеми такими субстанциями должно существовать полное согласие, а это означает то же самое, что замечалось бы, если бы все они имели между собой общение путем передачи «видов» или «качеств», какие воображает себе ходячая философия 8. Более того, так как организованная масса, в которой находится точка зрения души (и которая выражается последнею более близким образом), в свою очередь является готовой к действию сама собою, следуя законам телесной машины, в тот момент, когда этого хочет душа, – причем одна не нарушает законов другой, и жизненные духи, и кровь производят движения именно тогда, когда последние должны отвечать на аффекты и представления души, – то это взаимное соотношение, наперед установленное в каждой субстанции универсума, и производит то, что мы называем их общением', единственно в этом и состоит связь

==278

между душою и телом. Сказанное дает также понять, каким образом душа имеет свое местопребывание в теле, непосредственно в нем присутствуя; и это присутствие не может быть большим, так как душа находится в теле, как единство в ряду единиц, составляющем множество.

15. Такая гипотеза вполне возможна. Ибо почему же Бог не был в состоянии изначала дать субстанции такую природу или внутреннюю силу, которая могла бы в надлежащем порядке произвести в ней (словно в духовном или формальном автомате, но таком автомате, который в субстанции, наделенной разумом, является свободным) все то, что в ней возникает, т. е. все те явления или представления, какие она будет иметь, и притом без всякой помощи со стороны какого-либо иного творения? Тем более что природа субстанции необходимо требует и существенным образом в себе заключает развитие (progress) или изменение. без которого она не имела бы никакой способности к действию. И так как эта природа души обладает способностью представления универсума весьма точным образом (хотя и более или менее отчетливым), то такая последовательность представлений, производимых в себе душою, естественно, будет соответствовать последовательности изменений в самом универсуме. Равным образом и тело в свою очередь также является приуроченным к душе в тех случаях, когда на душу смотрят как бы на действующую на тело извне. Это тем более разумно, что тела сотворены только для духов, которые одни способны вступать с Богом в общение и восхвалять его славу. Таким образом, когда увидят возможность принять такую гипотезу согласия, увидят также, что эта гипотеза наиболее разумная и что она дает удивительную идею о гармонии вселенной

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org (1'univers) и совершенстве дел Божиих.

16. В ней заключается то большое преимущество, что вместо того, чтобы говорить, будто мы свободны только по видимости и настолько, насколько это достаточно для практики (как это думали многие очень умные люди), должно сказать скорее, что мы только по видимости действуем принужденно, а по всей строгости метафизических выражений находимся в полнейшей независимости от явления всех других творений. Это проливает также удивительный свет на бессмертие нашей души и всегда одинаковое сохранение нашего индивидуума, собственная природа которого дает ему полный порядок и делает недоступным для всяких внешних случайностей, хотя бы

==279

на первый взгляд и казалось обратное. Никогда другая система не ставила нас с большой очевидностью на столь высокое место. Так как, согласно с ней, всякий дух является как бы своего рода миром, довлеющим себе, независимым от всякого другого создания, обнимающим бесконечное, выражающим универсум, то он обладает такой же длительностью, существованием и независимостью, как и сам универсум сотворенных вещей. Должно думать, таким образом, что всякий дух должен занимать в ней всегда такое место, чтобы наиболее способствовать совершенству общества всех духов, составляющего их нравственную связь в царстве Божиим. Эта гипотеза дает также новое доказательство бытия Божия, поразительно ясное, ибо такое совершенное согласие столь многих субстанций, не имеющих между собой никакого общения, может происходить только от общей причины.

17. Оставляя в стороне все эти преимущества, говорящие в пользу предлагаемой гипотезы, можно сказать, что она представляет собой нечто большее, чем простая гипотеза, так как едва ли возможно объяснить вещи иным понятным образом и так как многие значительные затруднения, до сих пор занимавшие умы, исчезают, по-видимому, сами собой, если достаточно вникнуть в смысл этой гипотезы. Обычный способ выражения здесь полностью сохранен, ибо можно сказать, что на ту субстанцию, состояние которой дает понятное объяснение изменений в других субстанциях (так что можно вообразить, что другие субстанции в этом отношении изначала были к ней приурочены согласно с порядком постановления Бога), можно смотреть как на оказывающую действие на другие субстанции. Действие одной субстанции на другую не есть ни излучение (emission) сущности, ни ее перенесение, как это обычно думают, и может быть разумно принимаемо только в том смысле, как я говорю. По отношению к материи, конечно, вполне понятны и излучения, и восприятия частиц, и на этом основывается механическое объяснение всех явлений физики; но так как материальная масса не есть субстанция, то ясно, что в отношении к самой субстанции действие может быть только таким, как я говорю.

18. Эти рассуждения, как бы метафизичны они ни казались, приносят, кроме того, удивительную пользу физике для установления законов движения, как это можно будет увидеть в моей динамике. Можно сказать, что при

==280

ударе тел каждое из них претерпевает действие только по причине своей собственной упругости вследствие движения, в нем уже существующего. Что же касается абсолютного движения, то оно никоим образом не может быть определено математически, ибо здесь все сводится к отношениям; поэтому та или другая гипотеза является здесь, точно так же как и в астрономии, одинаково состоятельной в том смысле, что, какое бы количество тел ни взять, можно произвольно принять любое из них покоящимся или движущимся с той или другой степенью скорости и явления движения, прямого, кругового или сложного, не будут этому препятствовать. Однако разумно будет приписать телам действительные движения сообразно с тем предположением, которое объясняет явления способом наиболее понятным, так как это является сообразным с тем понятием действия, которое мы установили.

==281

О ГЛУБИННОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ ВЕЩЕЙ

Кроме мира или собрания (aggregatum) конечных вещей есть некое Единое Существо, правящее ими (Unum Dominans) не только так, как моя душа во мне, или, точнее,

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
мое «я» в моем теле, но и в гораздо более высоком смысле. Это Единое Существо, владыка универсума, не только управляет миром, но и создает его и устроит; оно выше мира и, так сказать, сверхмира и в силу именно этого составляет последнюю причину вещей. Ибо нельзя найти достаточного основания существования ни в какой-либо отдельной вещи, ни в собрании их, или совокупности (series). Предположим, что существует одна вечная книга основных начал геометрии и что другие представляли бы последовательный ряд списков с нее; очевидно, что хотя любую данную книгу можно было бы возвести к предшествующей, которая служила для нее образцом, однако, сколько бы мы книг ни брали, восходя от последующих к предыдущим, мы никогда не дойдем до полного и совершенного объяснения данной книги, ибо у нас всегда будет оставаться вопрос, почему существовали от века такие книги, т. е. почему именно эти книги и именно так написанные.

Но что справедливо в отношении книг, то верно и в отношении различных состояний мира; несмотря на известные законы превращений, каждое следующее состояние есть в некотором роде только копия с предыдущего, и, к какому бы предшествующему состоянию мы ни восходили, мы никогда не найдем в нем совершенного объяснения, т. е. основания, почему существует известный мир и почему именно этот мир, а не иной.

Можно предполагать сколь угодно вечное существование мира; но так как мы предполагаем в нем только последовательный ряд состояний и ни в одном из них не заключается достаточного его основания, да и какое угодно количество миров нисколько не поможет объяснить его, то

==282

очевидно, что основания мира надо искать вне мира. Ибо понятно, что и вечные вещи, если они и не имеют причины, имеют все-таки некоторое основание: в неизменных вещах это сама необходимость или сущность их; в ряде же изменяющихся вещей, предполагая, что они вечно сменяют друг друга, это основание будет заключаться (как мы увидим далее) в преобладании склонностей, где основания не принуждают абсолютной, или метафизической, необходимостью (что предполагало бы обратное), но склоняют. Отсюда, очевидно, следует, что, даже предполагая вечность мира, нельзя избежать последнего сверхмирового основания вещей, т. е. Бога.

Таким образом, основания мира заключаются в чем-то внемировом, отличном от связи состояний или ряда вещей, совокупность которых образует мир. Поэтому от необходимости физической, или гипотетической, которая определяет последующее состояние мира в зависимости от предшествующего, следует перейти к тому, что имело бы абсолютную, или метафизическую, необходимость, которая не допускала бы дальнейшего объяснения. В самом деле, действительный мир необходим лишь физически, или гипотетически, а не абсолютно, или метафизически. Действительно, раз он есть то, что он есть, то и вещи должны быть такими, как они существуют. Но как последняя причина должна заключаться в чем-нибудь обладающем метафизической необходимостью и как основание существования может проистекать только из чего-то существующего, то должно существовать Единое Существо, обладающее метафизической необходимостью, или такое, сущность которого есть существование; и, следовательно, существует нечто отличное от множественности существ, или мира, который, как мы признали и доказали, не включает в себе метафизической необходимости.

Но чтобы показать несколько яснее, каким образом из вечных, или существенных, и метафизических истин проистекают истины временные, случайные, или физические, мы должны признать, что уже в силу того, что существует нечто, а не ничто, в вещах возможных, т. е. в самой возможности или сущности, есть требование (exigentia) существования, как бы некоторое притязание на существование; одним словом, сущность сама по себе стремится к существованию. Из чего следует, что все возможные, т. е. выражающие сущность или возможную реальность, вещи с одинаковым правом стремятся к суще-

==283

ствованию, смотря по количеству их реальной сущности или по степени совершенства, которое они заключают в себе, ибо совершенство есть не что иное, как количество сущности.

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
Отсюда вполне очевидно, что среди бесконечных сочетаний возможных вещей и возможных рядов существует одно, в котором приведено к бытию наибольшее количество сущности или возможности. И действительно, в вещах всегда существует некоторое определяющее начало, основывающееся на принципе наибольшего и наименьшего, или на том, чтобы наибольший результат получался при наименьших затратах. В данном случае место, время – одним словом, воспринимающая способность или вместимость мира – могут быть рассматриваемы как материал, наиболее пригодный для постройки мира, тогда как разнообразие форм соответствует удобству здания, количеству и изяществу жилищ. Здесь есть известное сходство с некоторыми играми, в которых требуется занять все места доски по определенным законам. При недостатке ловкости окажутся неудобные места и придется оставить гораздо больше пустых мест, чем было бы можно или желательно; а между тем есть очень простой способ занять наибольшее возможное пространство на этой доске. Итак, подобно тому как если нам надо построить треугольник, не определенный никакими другими характеристиками, то отсюда следует, что он должен быть равнобедренным; и если нужно пройти от одной точки к другой, причем направление линии не определено, то выбирается самый легкий и кратчайший путь; точно так же, раз допущено, что сущее имеет преимущество перед несущим, т. е. что есть основание, почему существует что-нибудь, а не ничто, и что от возможности следует перейти к действительности, то уже отсюда, даже при отсутствии всякого другого определения, будет вытекать, что количество существования должно быть наивозможно большим при данной вместимости пространства и времени (или при данном возможном порядке существования), точь-в-точь как квадраты должны быть так расположены на данной площади, чтобы она вместила наибольшее их количество. Отсюда становится удивительно понятным, каким образом при первоначальном образовании вещей может применяться своего рода Божественная математика, или метафизический механизм, и каким образом имеет место принцип наибольшего количества существования. Это бывает так

==284

же, как между всеми углами в геометрии определенный угол есть прямой и жидкости, помещенные в различных средах, принимают форму наиболее емкую или сферическую; или, еще лучше (как в обыкновенной механике), когда несколько тяжелых тел борются между собой, движение, происходящее отсюда, содержит в результате наибольшее падение. Ибо, подобно тому как все возможные вещи с одинаковым правом стремятся к существованию соразмерно со степенью их реальности, так и все тяжелые тела одинаково стремятся к падению соразмерно их тяжести, и, как, с одной стороны, происходит движение, которое содержит наибольшую силу падения, так, с другой – является мир, в котором осуществлена наибольшая часть возможных вещей.

Отсюда видно, как физическая необходимость вытекает из метафизической; ибо, хотя мир нельзя назвать необходимым метафизически в том смысле, что противоположное ему содержало бы противоречие или логическую нелепость, он тем не менее необходим физически или таким образом определен, что противоположное ему заключает в себе несовершенство или нравственный абсурд. И как возможность есть начало (*principium*) сущности, так совершенство (или степень сущности), состоящее в совместной возможности наибольшего числа вещей, есть начало существования. Отсюда ясно, каким образом Творец мира свободен, хотя он все делает по определяющим его основаниям: он действует по началу мудрости или совершенства. В самом деле, безразличие происходит от неведения, и, чем кто мудрее, тем более он определяется более высокой степенью совершенства.

Но, скажут мне, как бы ни казалось остроумным это сравнение некоторого определяющего метафизического механизма с механизмом тяжелых тел, оно грешит, однако, тем, что тяжелые тела производят реальное действие, тогда как возможности и сущности, предшествующие существованию или находящиеся вне его, представляют не что иное, как выдумки, или фикции, в которых нельзя искать основания существования. Я отвечаю, что ни эти существа, ни эти вечные истины, предмет которых они составляют, не фикции, но существуют в некоторой области идей, если можно так выразиться, т. е. в самом Боге, источнике всякой сущности и существования всех вещей. И существование действительного ряда вещей само по себе достаточно показывает, что мое утверждение вовсе не произвольно. Так

==285

как ведь этот ряд заключает в самом себе основание своего существования (как мы

Страница 85

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org это показали выше) и так как это основание нужно искать в метафизических необходимостях, или вечных истинах, и так как, наконец, то, что существует, может происходить только от того, что существовало (как мы уже заметили), то отсюда следует, что вечные истины имеют свое существование в некотором субъекте, абсолютно и метафизически необходимом, т. е. в Боге, посредством которого они и реализуются, в ином случае (выражаясь варварски, но наглядно) они оставались бы только воображаемыми.

И действительно, мы замечаем, что в мире все совершается не только по геометрическим законам, но также и по метафизическим законам вечных истин, т. е. не только по необходимостям материи, но и по необходимости формы. И это справедливо не только в общем виде в отношении рассмотренного нами начала, по которому существование мира предпочтительнее его несуществования и существование в таком виде предпочтительнее иного существования, — начала, которое может заключаться только в стремлении (*tendentia*) из возможного к существованию, но, даже переходя к частностям и подробностям, мы увидим, что метафизические законы причины, силы, действия применяются во всей природе в удивительном порядке (*ratione*) и превалируют над чисто геометрическими законами материи, как я это открыл при объяснении законов движения; это так меня изумило, что я, как я указал еще раньше в другом месте, принужден был отказаться от того закона геометрического сложения силы, который я защищал в моей юности, когда я был более материалистичным.

Итак, мы нашли последнее основание как сущностей, так и существования в Едином Существе, которое необходимо должно быть более великим и высшим, чем сам мир, и прежде его, так как из него черпают свою реальность не только те существования, которые заключает в себе этот мир, но даже все возможное (*possibilia*). И это начало вещей можно искать только в одном источнике ввиду той связи, которую все вещи имеют друг с другом. Очевидно, что из этого источника непрерывно истекают все существующие вещи, что они есть и были его произведениями, поскольку понятно, почему именно такое состояние мира, а не иное, вчерашнее, а не сегодняшнее истекло от самого мира. С такой же очевидностью можно понять,

==286

каким образом Бог действует физически и свободно, каким образом в нем заключается действующая и конечная причина вещей и каким образом он обнаруживает не только величие и могущество в построении мирового механизма, но также и свою благость и мудрость в общем плане творения.

А чтобы не думали, будто мы смешиваем здесь совершенство нравственное, или благость, с совершенством метафизическим, или величием, и чтобы не отвергали первого, допуская последнее, надо знать, что из сказанного нами следует, что мир совершенен не только физически или, пожалуй, метафизически (ибо ряд произведенных вещей заключает в себе наивозможно большее количество реальности), но и в нравственном отношении, в том смысле, что для самих духов нравственное совершенство есть совершенство физическое. Таким образом, мир представляет не только удивительнейшую машину, но — поскольку он состоит из духов — и наилучшее государство, где обеспечены все возможное блаженство и всякая возможная радость, составляющая их физическое совершенство.

Но, скажут мне, в этом мире происходит обратное: добрые люди часто бывают очень несчастны, и, не говоря уже о животных, невинные люди обременены несчастьями и умирают среди мучений; наконец, мир, особенно если обратить внимание на жизнь рода человеческого, походит скорее на беспорядочный хаос, чем на стройное произведение высшей мудрости. Я признаю, так может показаться с первого взгляда, но если глубже взглянуть в вещи, то окажется априори по причинам, указанным нами, что следует полагать противоположное, т. е. что все вещи, а следовательно, и духи достигают наиболее высокой степени возможного совершенства.

И действительно, не следует выносить приговора, не рассмотрев всего закона, как говорят юристы. Мы знаем только очень малую часть вечности, простирающейся в бесконечность; это очень мало — знать какие-нибудь тысячи лет, предание о которых сохранила нам история. И однако, обладая столь малым опытом, мы осмеливаемся судить о бесконечном и вечном, подобно людям, рожденным и воспитанным в темнице, или, лучше сказать, в сарматских подземных соляных копиях, которые считают, что нет в мире другого света, кроме лампы, слабого света

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org которой едва достаточно, чтобы указывать им путь '. Посмотрим на прекрасную картину и закроем ее так, чтобы видна была

==287

самая небольшая ее часть; рассматривая ее насколько возможно близко и внимательно, мы увидим только какую-то смесь красок, набросанных без разбора и без всякого искусства. Но если, сняв завесу, мы посмотрим на картину с надлежащего пункта зрения, мы увидим, что то, что казалось кое-как набросанным на полотно, исполнено творцом этого произведения с великим искусством. Что справедливо о зрении в живописи, то справедливо о слухе в музыке. Талантливые композиторы часто примешивают диссонансы к аккордам, чтобы возбудить и, так сказать, раздражить слушателя, который после некоторого болезненного напряжения с тем большим удовольствием чувствует, как все приходит в порядок. Подобным же образом нам бывает приятно, когда мы подвергаемся небольшим опасностям или испытываем незначительные бедствия, потому ли, что нам доставляет удовольствие сознание нашей силы или нашей удачи, или по чувству самолюбия; точно так же мы находим удовольствие в таких страшных зрелищах, как пляска на канате или сальто-мортале; забавляясь, мы почти выпускаем детей из рук, делая вид, будто собираемся далеко бросить их от себя, подобно обезьяне, которая взяла Христиерна, короля датского, когда он был еще ребенком и лежал в пеленках, унесла его на самую вершину крыши и, перепугав всех, отнесла его, как будто шутя, целым и невредимым в колыбель. По тому же самому принципу неразумно есть постоянно сладкие блюда; надо примешивать к ним острые, кислые и даже горькие приправы, возбуждающие вкус. Кто не пробовал горьких вещей, тот не заслужил сладких и даже не оценит их. Самый закон наслаждения состоит в том, чтобы удовольствие не было однообразно, ибо в последнем случае оно рождает отвращение, не радуя нас, а оставляя равнодушными.

Когда мы говорим, что одна часть может быть расстроена без нарушения общей гармонии, то этого не следует понимать в том смысле, будто отдельные части не принимаются во внимание и будто достаточно, чтобы мир в его целом был совершенен в самом себе, хотя бы род человеческий был несчастен и в универсуме не было никакой заботы о справедливости и никакого попечения о нашей судьбе, – так думают некоторые, судящие не вполне здраво о совокупности вещей. Ибо, подобно тому как в хорошо устроенном государстве, насколько возможно, осуществляется забота об отдельных лицах, так и уни-

==288

версум не может быть совершенным, если при сохранении общей гармонии в нем не соблюдаются частные интересы. И в этом отношении нельзя было установить лучшего правила, как закон, утверждающий, чтобы каждый участвовал в совершенстве универсума и своим собственным счастьем, соразмерным его добродетели и воодушевляющему его доброму стремлению к общему благу, т. е. исполнению заповедей милосердия и любви к Богу – того, что только и составляет, по мнению наиболее мудрых богословов, силу и могущество христианской религии. И не должно казаться удивительным, что духам отведено столь большое место в универсуме. Ведь они отражают наиболее верный образ высшего Творца; между ними и им существует не только, как во всем остальном, отношение машины к мастеру, но и отношение гражданина к государю; они должны существовать, пока существует универсум; они некоторым образом выражают и сосредоточивают в себе все, так что о духах можно сказать, что они суть части, содержащие целое (*totales partes*).

Что касается несчастий, которые постигают хороших людей, то можно сказать с уверенностью, что в конечном счете посредством их достигается еще большее благо; и это справедливо не только в теологическом, но и в физическом смысле. Брошенное в землю зерно страдает, прежде чем произвести плод. И можно утверждать, что бедствия, тягостные временно, в конечном счете благодетельны, поскольку они суть кратчайшие пути к совершенству. Так, в физике жидкости, которые бродят более медленно, не так скоро очищаются, как те, которые при более сильном брожении выбрасывают с большей силой известные части и потому скорее приходят в надлежащий вид. Об этом можно сказать, что для того, чтобы прыгнуть дальше, надо отступить назад.

Итак, все это положение следует рассматривать не только как приятное и утешительное, но и как вполне истинное. И вообще ничего нет в универсуме истиннее счастья, ничего блаженнее и приятнее истины.

К довершению красоты и общего совершенства божественных творений надо признать, что во всей вселенной (Universi) совершается известный непрерывный и свободный прогресс, который все больше продвигает культуру (cultuin). Так, цивилизация (cultura) с каждым днем охватывает все большую и большую часть нашей земли. И хотя верно, что некоторые ее части дичают или же

==289

разрушаются и подавляются, но это надо принимать так, как мы только что интерпретировали несчастья, т. е. так, что эти разрушения и падения способствуют достижению более высокой цели, вроде того как мы извлекаем известную пользу из самой потери

Что же касается возможного возражения, что в этом случае мир давно стал бы раем, то ответить на него легко. Хотя многие существа достигли уже совершенства, но из того, что непрерывное делимо до бесконечности, следует, что в бесконечной глубине вещей всегда остаются части как бы уснувшие, которые должны пробудиться, развиться, улучшиться и, так сказать, подняться на более высокую ступень совершенства и культуры. Нет, следовательно, какого-либо предела для прогресса

==290

О САМОЙ ПРИРОДЕ, ИЛИ ПРИРОДНОЙ СИЛЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТВОРЕНИЙ

(Для подтверждения и пояснения начал динамики)

1 Я получил недавно от известного своими важными заслугами в области математики и физики Иоганна Христофора Штурма изданную им в Альторфе «Апологию» его диссертации «Об образе природы», подвергшейся нападению со стороны выдающегося и весьма остроумного медика в Киле Гюнтера Христофора Шельгаммера в книге «О природе» Так как и мне самому приходилось когда-то заниматься этим вопросом и у меня произошел даже с уважаемым автором диссертации небольшой спор, о котором он сам упомянул недавно в весьма лестной для меня форме, огласив кое-что из того, о чем мы с ним говорили, в своей «Избранной физике» (т I, кн. 1, отд. 1, гл 3, эпилог, § 5, с. 119, 120), то я с тем большей охотой и вниманием взялся за этот интересный и важный предмет, считая необходимым изложить несколько отчетливее как мое мнение, так и вообще сущность этого вопроса на основании тех начал, на которые мне уже неоднократно приходилось указывать. Мне показалось, что названная апотогетическая диссертация представляет весьма удобный повод для осуществления моего намерения, так как автор ее, насколько я могу судить, в сжатой и удобозримой форме изложил всю сущность дела. Впрочем, мне не хотелось бы выступать стороной в споре между двумя упомянутыми почтенными учеными

2 Вопрос идет главным образом о двух вещах во-первых, в чем состоит природа, которую мы приписываем вещам и общепринятые атрибуты которой отзываются, по мнению уважаемого Штурма, язычеством, и, во-вторых, существует ли в творениях какая-нибудь деятельная сила (fcverueux), что он, невидимому, отрицает что касается

==291

первого Вопроса о сущности природы, то, если рассмотреть, что она не есть и что она есть, нужно будет согласиться, что не существует души универсума; я допускаю также, что те удивительные повседневно встречаемые явления, про которые мы справедливо говорим, что дело природы есть дело разумности (opus intellectus), не следует приписывать некоторым сотворенным разумным духам. одаренным соответственной мудростью и силой: вся природа представляет, так сказать, произведение Божьего искусства, и притом такой степени, что всякая природная машина состоит из бесконечного множества органов (в чем и состоит истинное, но мало обращавшее на себя доселе внимание различие между природой и искусством), а следовательно, предполагает бесконечную мудрость Творца и Мироправителя. Таким образом, я считаю частью невозможными, частью излишними такие вещи, как «всеведущее тепло» Гиппократова, «холкодея подательница душ» Авиценны, «мудрая пластическая сила» Скалигера и др., «гилархическое начало» Генриха Мора; достаточно того, что механизм вещей устроен с такой мудростью, что вследствие одного собственного его хода получают эти удивительные явления; особенно это касается органических существ, которые развиваются, как я полагаю, сами собой из

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org некоторого преобразования. Поэтому я вполне одобряю уважаемого ученого за то, что он отвергает как выдумку какую-то сотворенную мудрую природу, образующую механизмы тел и управляющую ими. Но отсюда еще не следует, да и не согласно с разумом, чтобы нужно было отрицать всякую сотворенную деятельную силу, от природы присущую вещам.

3. Мы сказали, что не есть природа; рассмотрим поближе, что она есть. Аристотель весьма хорошо определил ее как начало движения и покоя, хотя философ понимал эти слова в довольно широком смысле, подразумевая под ними не только движение в пространстве и покой на месте, но и изменение и сохранение (*ττοϊctiv*) вообще; отсюда, замечу мимоходом, и определение, которое он дает движению, немного темновато, но вовсе не нелепо, как думают те, которые полагают, что они имели в виду определить только движение в пространстве; но к делу. Знаменитый Роберт Бойль, много потрудившийся на поприще опытного изучения природы, написал книгу о «самой природе», смысл которой, насколько помнится, сводится к тому, что природой мы должны считать сам

==292

механизм тел; в общем это, конечно, может быть принято. но если рассмотреть дело поглубже и с большей тщательностью, то нужно будет в самом механизме различать основное от производного, подобно тому как при объяснении хода часов недостаточно будет сказать, что они идут по механическим основаниям, не различая, от чего это зависит – от гири или от пружины. Я уже несколько раз говорил и надеюсь, это воспрепятствует механическому объяснению явлений природы до злоупотребления, к соблазну благочестивых людей (как будто материя может существовать сама собой и механизм не нуждается ни в каком разумном начале, или духовной субстанции), я говорил уже, повторяю, что основа самого механизма коренится не в одном материальном начале и математических отношениях, но вытекает из более глубокого и, так сказать, метафизического источника.

4. Одно из самых замечательных подтверждений этого заключается в основном законе природы, который состоит не в сохранении одного и того же количества движения, как обыкновенно думают, но в том, что необходимо сохраняется одно и то же количество деятельной силы (*potentia aatrix*) и даже – для чего я открыл удивительное основание – одно и то же количество двигательной деятельности (*actio motrix*), которое означает совсем не то, что понимают картезианцы под количеством движения. Мне пришлось рассуждать об этом предмете, частью в письмах, частью в печати, с двумя из величайших, пожалуй, математиков

нашего времени ; один из них совсем перешел на мою сторону, а другой пришел к тому, что по долгом и тщательном размышлении взял назад свои возражения и открыто признался, что у него нет пока ответа на одно мое доказательство. Тем удивительнее было для меня, что почтенный Штурм в изданной части своей «Избранной физики», объясняя законы движения, принял ходячее учение о них, как будто оно не было подвержено и тени сомнения, хотя и сам признал, что оно опирается не на доказательство, а лишь на некоторое правдоподобие (то же повторяет он и в последней своей диссертации, гл. 3. § 2); быть может, впрочем, он писал это до выхода в свет моих трудов, а затем или не имел времени пересмотреть написанное, или не понял моих доказательств, особенно если обратить внимание на то, что он считает законы движения произвольными. Последнее я считаю совершенно несостоятельным, ибо я полагаю, что Бог установил наблюдаемые в природе

==293

законы, руководясь определенными основаниями мудрости и порядка. А отсюда вытекает (как я уже упоминал когда-то по поводу одного закона оптики, что удостоилось большого одобрения со стороны уважаемого Молине в его «Диоптрике»), что конечные причины полезны не только в этике и естественной теологии – для укрепления добродетели и благочестия, но даже в самой физике – для нахождения скрытых истин. Поэтому, хотя глубокоуважаемый Штурм, говоря в своей «Эклектической физике» о конечной причине, и привел мое мнение в числе гипотез, но мне хотелось бы, чтобы он как следует разобрал его 2. Это, без сомнения, дало бы ему случай сказать много прекрасных и полезных даже для дела веры вещей ввиду важности и плодотворности этого предмета.

5. Рассмотрим же теперь, что говорит автор в своей апологетической диссертации о

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org понятия природы и что до сих пор неудовлетворительно в его учении. Он соглашается (гл. 4, § 2, 3 и в других местах), что движения, ныне существующие, происходят в силу раз данного Богом вечного закона, который он назвал актом Божественной воли и повелением; и нет нужды, по его мнению, в новом велении Бога, новом акте Его воли, не говоря уже о новом усилии или трудовой работе (§ 3); он отвергает, как умышленно навязанное ему противной стороной, мнение, будто Бог двигает вещи, как плотник свой топор или как мельник управляет мельницей, то задерживая воду, то спуская ее на колесо. Но, по правде говоря, мне по крайней мере кажется, что такого объяснения еще не достаточно. Я позволю себе спросить: что же этот акт Божественной воли. или повеление, или – иначе – закон, некогда данный Богом, дал вещам только внешнее наименование или же произвел в них некоторое длящееся впечатление, иначе говоря (по прекрасному выражению г-на Шельгаммера, человека, выдающегося своим умом и опытностью). некоторый внутренний закон, хотя бы большею частью непонятный творениям, которым он присущ, из которого и вытекают их действия и страдания? Первое мнение принадлежит авторам системы окказиональных причин, особенно остроумному Мальбраншу; второе мнение обще принятое и. как я полагаю, совершенно истинное.

6. Ибо так как это прошлое повеление в настоящее время уже не существует, то оно и не может уже теперь ничего произвести, если не оставило тогда после себя пребывающего следа, который и теперь сохраняет

==294

и действует; кто думает иначе, тот должен, по моему мнению, отказаться от всякого понятного и отчетливого объяснения вещей, ибо он может с тем же самым правом сказать, что все может произойти из всего, если то, чего нет в данном месте в данное время, может действовать без всякого посредства здесь и в эту минуту. Поэтому недостаточно будет сказать, что Бог при творении вещей изначала пожелал, чтобы они создали известный закон в своем развитии, если представлять себе, что воля его была настолько лишена действительности, что вещи ничего не потерпели от нее и в них не было произведено никакого продолжительного действия. И поистине будет противоречить понятию Божественного могущества и его чистой и абсолютной воли, если Бог хочет и, однако, ничего не производит и не изменяет своим хотением, постоянно действует и никогда ничего не производит, и не оставляет никакого законченного дела ('ооготелестца). Ведь если ничего не было запечатлено в творениях Божественным словом: «Да производит земля, да множатся животные», если вещи находились после него точь-в-точь в таком же состоянии, как если бы не было никакого Божеского веления, то отсюда следует (ввиду того что необходимо должна быть какая-нибудь связь между причиной и действием, либо непосредственная, либо через чье-нибудь посредство), что либо ничто не происходит ныне сообразно этому велению, либо веление это имело силу только для одного момента и должно быть непрестанно возобновляемо на будущее время; между тем автор совершенно прав, отклоняя от себя такое мнение. Если же закон, данный Богом, оставил после себя какой-то след, запечатленный в вещах, если вещи так были образованы Божеским велением, что сделались способными исполнять волю повелевающего, то нужно допустить, что вещам дана некоторая действительность, форма или сила, которую мы обыкновенно называем природой и из которой будет вытекать ряд явлений, согласно предписанию изначального веления.

7. Эта природная внутренняя сила может быть отчетливо понята, но наглядно представлена быть не может; да она и не должна быть объясняема этим способом, так же как и природа души, ибо сила принадлежит к числу таких вещей, которые постигаются умом, а не воображением. Поэтому, когда уважаемый автор требует в гл. 4, § 6 апологетической диссертации наглядного объяснения способа, каким закон действует в телах, не сознающих

==295

закона, то я понимаю это в том смысле, что он желает понятного объяснения; иначе можно подумать, что он требует, чтобы звуки можно было нарисовать, а цвета услышать. Затем если трудности объяснения достаточно для того, чтобы отвергнуть существование самой вещи, то, значит, он предпочитает думать, будто все вещи движутся одной лишь божественной силой (мнение, на которое он жалуется в гл. 1. § 2 как на несправедливо ему навязанное), чем допускать под именем природы то. природа чего ему неизвестна. И конечно, с тем же правом могли бы Гоббс и другие утверждать, что все вещи только материальны. так как. по их убеждению, только тела можно объяснить отчетливо и наглядно. Но они совершенно основательно

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org опровергаются тем самым, что в телах существует сила действия, которую нельзя произвести из того, что можно наглядно представить себе; а прямо относить ее к велению Бога, раз когда-то данному, но несколько не изменившему вещей и не оставившему после себя никакого действия, – значит не только не делать вещь яснее, но прямо рассекает мечом гордиев узел, скинув маску философа. Впрочем, более отчетливое и правильное, чем было доселе, объяснение деятельной силы можно найти в моей «Динамике» 3, где дано также истинное и согласное с действительностью определение законов природы и движения.

8. Если какой-нибудь защитник новой философии, вводящей косность и мертвенное оцепенение вещей, дойдет до того, что будет отрицать за велениями Бога всякие пребывающие последствия и действительность на будущее время и без малейшего затруднения будет требовать от Бога все новых и новых усилий (мнение, которое г-н Штурм благообразно отвергает как чуждое ему), то пусть он сам судит, насколько достойно он думает о Боге; но его нельзя будет извинить, пока он не укажет основания, почему сами вещи могут сохраняться в продолжение некоторого времени, а те атрибуты вещей, которые мы понимаем в них под именем природы, не могут быть продолжительными; между тем следовало бы думать, что, подобно тому как слово да будет оставило после себя нечто, а именно саму пребывающую вещь, так и не менее чудотворное слово благословения оставило по себе в вещах некоторую творческую способность производить свои акты и действовать или некоторое стремление, из которого будет вытекать деятельность, если не будет никаких препятствий. К этому

==296

можно прибавить (как я объявил в другом месте, хотя, быть может, не все еще достаточно поняли это), что сама субстанция вещей состоит в силе действия и страдания', откуда следует, что нельзя воспроизвести пребывающих вещей, если божественная мощь не в состоянии запечатлеть в них силы, сохраняющейся некоторое время. В этом случае окажется, что ни одна сотворенная субстанция, ни одна душа не остается нумерически тождественной, что Бог ничего не сохраняет, и все вещи только беглые и мимо-четные модификации и, так сказать, призраки единой пребывающей Божественной субстанции, или, что то же, Бог есть сама природа и субстанция всех вещей (пагубное учение, которое пустил недавно в ход и возобновил один остроумный, но нечестивый писатель 4). Поистине если бы в телах не было ничего, кроме материального, то вполне справедливо было бы сказать, что они находятся в постоянном течении и не имеют в себе ничего субстанциального, как jто признали верно некогда платоники.

9. Другой вопрос состоит в том, можно ли приписать творениям собственную и подлинную деятельность. Этот вопрос сводится к первому, если только понять, что присущая вещам природа не отличается от силы действия и страдания. Ибо деятельность не может быть без силы действия, и обратно: потенция, которая никогда не может проявить себя в действии, – пустота. Но так как деятельность (actio) и потенция – вещи все-таки различные, ибо первая происходит последовательно, вторая же есть нечто пребывающее, то следует рассмотреть поближе и деятельность. Я должен признаться, что мне весьма трудно объяснить, какого мнения держится здесь уважаемый Штурм: с одной стороны, он отрицает у сотворенных вещей собственную и самостоятельную деятельность, с другой – допускает, что они действуют, судя по тому, что он не желает, чтобы ему приписывали сравнение творений с топором, которым двигает плотник. Отсюда я ничего определенного не могу вывести и думаю, что Штурм недостаточно объяснил-, в какой мере он отступает от общепринятых мнений и каково его собственное отчетливое понятие о деятельности; а что понятие это вовсе не так очевидно и легко, показывают метафизические споры. Насколько я понимаю, что такое деятельность, – из понятия ее вытекает и получает подтверждение общепринятое учение философии, что действия принадлежат субъектам (actiones sunt suppositorum), – это положение

==297

я считаю настолько верным, что оно допускает, по моему мнению, обратное, так что не только все, что действует, есть единичная субстанция, но и, наоборот, всякая единичная субстанция непрерывно действует, не исключая даже и тела, в котором никогда не бывает абсолютного покоя

10. Рассмотрим теперь несколько внимательнее учение тех, кто не признает в

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org сотворенных вещах настоящей и собственной деятельности. Некогда утверждал это Роберт Флудд, автор книги «Мозаика философии», ныне же некоторые картезианцы, которые полагают, что действуют не вещи, но Бог в присутствии вещей и сообразно их расположению, так что вещи не причины, а поводы (*occasiones*) и лишь принимают действия, а не производят их или извлекают из себя. Это учение, высказанное Кордемуа, Делафоркем и другими картезианцами, было в довольно красноречивой форме изложено Мальбраншем со свойственным ему остроумием; но серьезных доводов в его пользу никто, насколько я могу судить, еще не привел. Если это учение доходит до отрицания даже внутренних (*immanentes*) действий субстанций, то это до такой степени несостоятельно, что дальше уже и идти некуда (и Штурм отвергает такое мнение – «Избранная физика». кн. I, гл. 4, эпилог, § 11. с. 176, достаточно доказывая этим свою осмотрительность). В самом деле, неужели кто-нибудь может сомневаться, что душа наша мыслит и желает. что в нас возникает из нас самих много мыслей и же ланий, что мы обладаем самопроизвольностью? Ведь это значит не только отрицать человеческую свободу и слагать на Бога причину зла, но и прямо противоречить свидетельству нашего внутреннего опыта или нашего сознания, при помощи которого мы сами чувствуем, что нам, принадлежит то. что противники наши без всякого основания переносят на Бога. Если же мы признаем за нашей душой присущую ей силу производить внутренние действия, или, что то же, имманентно действовать, то ничто не будет препятствовать – и даже будет последовательно – признать такую же силу и в других душах, или формах, или, иначе, натурах субстанций; ведь нельзя же думать, что во всей принадлежащей нам природе деятельны одни наши души и что всякая способность внутренней, а следовательно, так сказать, жизненной, деятельности непременно связана с разумом; такие утверждения ровно ни на чем не основаны, и защищать их можно лишь с насилием над истиной. Что же касается того, как нужно думать о внешних (*transcutes*)

==298

действиях творений, то об этом лучше поговорить в другом месте, да частью я уже объяснял это в других моих трудах; именно взаимодействие субстанций, или монад, происходит не вследствие влияния, но вследствие согласия, вытекающего из Божеского предобразования (*praeformatio*); каждая отдельная вещь, следуя законам и внутренне присущей силе своей природы, вместе с тем приспособлена к внешним вещам; в этом состоит также и соединение души и тела.

11. что же касается мнения, будто тела инертны сами по себе, то оно будет справедливо, если понять его в нравственном смысле Именно если предположить, что какое-нибудь тело раз пришло по какой-либо причине в состояние покоя, то оно не может само привести себя в движение и не допускает без сопротивления, чтобы другое тело привело его в движение; точно так же не может оно изменить по своему произволу степень скорости или направление, которые оно раз получило, или допустить без сопротивления, чтобы другое тело изменило их. Поэтому нужно признать, что протяжение, или то, что есть в теле геометрического, взятое одно само по себе, не заключает в себе ничего, откуда могли бы произойти деятельность и движение; напротив, материя скорее сопротивляется движению в силу своей природной инерции, по прекрасному выражению Кеплера, так что она не безразлична к движению и покою, как обыкновенно думают, но соразмерно своей величине требует для движения тем большей деятельной силы. В этой-то пассивной силе сопротивления (которая заключает в себе непроницаемость и еще нечто) и состоит, по моему мнению, понятие первой материи, или массы, которая бывает в теле всегда одной и той же и пропорциональной его величине; отсюда, как я доказываю, вытекают совершенно иные законы движения, чем в том случае, если бы в теле и самой материи не было ничего, кроме непроницаемости в соединении с протяжением; и, подобно тому как в материи существует естественная инерция, противящаяся движению, так в самом теле и даже во всякой субстанции существует естественное постоянство (*constantia*), противящееся изменению. Но ведь это учение не только не благоприятствует, но скорее противоречит тем, кто отнимает у вещей деятельность; ибо. насколько достоверно, что материя сама собой не может начать движения, настолько же достоверно (и доказывается превосходными опытами передачи движения от двигателя, который сам находится в движении), что тело само собой

==299

сохраняет раз воспринятое стремление и бывает постоянным в своей легкости, т. е. стремится пребывать в том самом ряду своих изменении, в который оно раз вступило Так как эти деятельности и энтелехии не могут быть видоизменениями первой

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org материи, или массы, – вещи, по существу своему пассивной, как это совершенно справедливо признает и сам Штурм (о чем мы скажем в следующем параграфе), то отсюда можно вывести, что в телесной субстанции должна находиться первая энтелехия, как бы

Трптов сеітїхов деятельности, т. е. первичная двигательная сила, которая в соединении с протяженностью (или чисто геометрическим элементом) всегда действует, хотя и испытывает от столкновения тел различные видоизменения в своих стремлениях и напряжениях. Это и есть субстанциальное начало, которое в живых существах называется душой, в других же – субстанциальной формой; а поскольку оно составляет с материей действительно одну субстанцию, или единое само по себе, оно образует то, что я называю монадой, так как если устранить эти истинные и действительные единицы, то в телах не останется никакого бытия, кроме составного, и даже, как вытекает отсюда, никакого действительного бытия. Ибо если и существуют атомы-субстанции, именно наши монады, не имеющие частей, то не существует атомов массы, или частиц наименьшего протяжения, или последних элементов (так как непрерывное не может состоять из точек), подобно тому как не существует бытия наибольшего по массе или бесконечного по протяжению, хотя существуют величины одна более другой; существует лишь бытие наивысшее по степени совершенства или бесконечное по мощи.

12. Однако уважаемый Штурм, как оказывается, в этой самой апологетической диссертации (гл. 4, § 7 и ел.) на основании различных доводов оспаривает существование присущей телам двигательной силы. «Я докажу, – говорит он, – более чем в достаточной степени, что телесная субстанция даже и не может обладать никакой потенцией деятельно-двигательной» (а я даже и не понимаю, что это за потенция, которая не есть деятельно-двигательная). Он говорит, что приведет два доказательства: одно – основанное на природе тела и материи, другое – на природе движения.

Первое доказательство состоит в следующем: материя по своей природе и сущности есть пассивная субстанция,

==300

поэтому так же невозможно, чтобы в ней была деятельная (ила, как невозможно для Бога пожелать, чтобы камень, оставаясь камнем, обладал жизнью и разумностью, т. е. не был бы камнем; далее все, что заключается в теле, есть только видоизменения материи, но видоизменение вещи, по существу своему пассивной, не может сделать вещь деятельной (последнее, по-моему, совершенно справедливо). На эту аргументацию легко ответить с точки зрения как ходячей, так и истинной философии: под материей можно понимать первую и вторую [материю]; вторая материя есть действительно полная субстанция, но она не чисто пассивна; первая материя чисто пассивна, но она не полная субстанция: для этого к ней должна превзойти душа, или форма, аналогичная душе, или первая энтелехия, т. е. некоторое напряжение, или первичная сила действия, которая и есть сам присущий ей закон, запечатленный Божеским велением. Я думаю, что такое учение не будет противно знаменитому и остроумному ученому, который доказывал недавно, что тело состоит из материи и духа, если только понимать под духом (*spiritus*) не вещь, одаренную разумом (как это обыкновенно делают), но душу или форму, аналогичную душе, не простую модификацию, но пребывающий субстанциальный элемент, который я обыкновенно называю монадой и в котором заключается нечто вроде восприятия (*perceptio*) и влечения (*appetitus*). Поэтому, чтобы доказательство почтенного ученого имело силу, нужно предварительно опровергнуть приведенное учение, общепринятое и согласное и со школьным учением (*dogma*), если истолковать последнее в благоприятном для него смысле. Равным образом отсюда ясно, что нельзя допустить предположения автора, будто все, что заключается в телесной субстанции, есть модификация материи. Ибо известно, что, согласно принятой философии, в телах живых существ находятся души, которые, конечно, не есть модификации. И хотя уважаемый ученый утверждает противоположное и отнимает у животных настоящее чувство и душу в собственном смысле, но он не может основывать своего доказательства на разбираемом положении, пока не докажет последнего. Я, напротив, полагаю, что было бы совершенно несогласным с закономерностью, красотой и разумностью вещей, чтобы некое жизненное, или внутренне действующее, начало находилось лишь в незначительной части материи, так как больше совершенство требует, чтобы оно находилось во всей

==301

материи; и ничто не мешает тому, чтобы везде были души или по крайней мере нечто аналогичное душам, хотя господствующие (управляющие) и, следовательно, разумные души, каковы души человеческие, всюду находиться не могут.

13. Вторым аргументом, который уважаемый автор основывает на природе движения, имеет, по моему мнению, несколько не больше доказательной силы. Движение, говорит он, есть только последовательное существование движущейся вещи в различных местах. Допустим на время это положение – хотя оно и не вполне удовлетворительно. а скорее выражает то, что вытекает из движения, чем саму его формальную сущность, как говорится, – все-таки этим не исключается двигательная сила. Ибо тело в данный момент движения не только находится в месте, соответствующем его размеру, но имеет стремление (*conatus*) к перемене места, так что следующее состояние вытекает из предыдущего само собой, в силу самой природы; в противном случае в настоящий момент (а следовательно, и в любой данный момент) движущееся тело А ничем не будет отличаться от покоящегося тела В; и, следовательно, из мнения уважаемого автора, если оно противно в данном случае нашему, будет вытекать, что в телах не будет ровно никакого различия, так как в полноте однородной самой по себе массы не может быть никакого различия, кроме того, которое полагается движением. А отсюда, далее, выходит в конце концов, что в телах не происходит ровно никакого изменения и что все находится в одном и том же положении. Ибо если любая часть материи не отличается от другой, равновеликой ей и подобной (а это должен допустить почтенный автор, так как он устраняет деятельные силы и стремления и всякие другие свойства и видоизменения, кроме существования в настоящий момент в данном месте, а в будущие моменты последовательно в других местах), и если, далее, состояние мира в один момент отличается от состояния его в другой момент лишь перемещением равновеликих, подобных и во всем сходных частей материи, то отсюда, очевидно, вытекает вследствие возможности взаимного замещения неразличимых вещей, что состояния телесного мира в различные моменты никоим образом не могут быть отличены друг от друга. Ведь части материи будут отличаться одна от другой чисто внешним обозначением, именно отношением к будущему времени, т. е. тем, что

==302

такая-то частица материи будет впоследствии в таком-то или ином месте; в настоящее же время между ними нет ровно никакого различия; да в сущности и в будущем нельзя искать основания для их различия, так как и впоследствии мы не дойдем ни до какого действительного различия в определенный момент, так как нет никакого признака, по которому можно различить место от места или материю от материи того же места (по предположению полного однообразия в самой материи). Тщетным будет прибегать и к фигуре сверх движения, ибо в массе, совершенно одинаковой, не имеющей никаких различий в своих пределах и сплошь наполненной, всякая фигура или отграничение и различие отдельных частей могут возникнуть только через движение. Если же движение не включает в себе никакого признака для различения, то оно не может сообщить такового и фигуре; а так как все, что может быть взаимно замещено, имеет совершенно одинаковую силу и значение, то никакой наблюдатель, будь он даже всеведущ, не в состоянии будет подметить никакого признака изменения; все, значит, будет совершенно в таком же положении, как будто бы в телах не происходило никакого изменения и различия, и мы никогда не будем в состоянии объяснить различия в явлениях, которые мы наблюдаем. Дело будет совершенно похоже на то, как если бы мы представили себе два концентрических шара, совершенно сходных как между собой, так и в своих частях, причем один включен в другой таким образом, что между ними не остается ни малейшего промежутка; будет ли затем включенный шар вращаться или покоиться, даже ангел, чтобы не скачать более, не в состоянии будет заметить какого бы то ни было различия между состояниями их в различные времена и не будет иметь никакого признака, по которому он мог бы отличить, покоится или вращается включенный шар и по какому именно закону движения. Нельзя будет определить границу этих двух шаров за несуществованием между ними перерыва и различия, подобно тому как нельзя заметить здесь и движения в силу только одного отсутствия различия. Поэтому я считаю достоверным (хотя люди, которым не приходилось глубоко проникать сюда, и не замечают этого), что такие представления совершенно не согласуются с природой и порядком вещей и что решительно нигде не бывает совершенного сходства (это, однако, из новых и важнейших моих положений). Из этого положения вытекает также, что

==303

в природе не существует ни корпускул высшей степени твердости, ни тончайшей жидкости или всюду разлитой тонкой материи, ни последних элементов, которых предполагают некоторые под названием первых или вторых. Кое что из этого было, как я полагаю, замечено Аристотелем, который, по моему мнению, был более глубоким мыслителем, чем обыкновенно думают, поэтому он и полагал, что сверх пространственного изменения необходимо еще качественное изменение и что материя не везде подобна себе, так как в этом случае она оставалась бы неизменной. Несходство же это или различие качеств, а следовательно, и качественное изменение сходимости, недостаточно объясненное Аристотелем, происходит из различия степеней и направлении стремлений (*nisus*), т. е. из видоизменений наличных монад. Отсюда, полагаю, вполне понятно, что в телах необходимо должно заключаться нечто иное сверх однородной массы и ее перемещений, которые ничего не могут изменить в ней. Правда, те, кто предполагает атомы и пустоту, наделяют материю до некоторой степени различиями, так как кое-где делают ее делимой на части, кое-где – неделимой, в одном месте – сплошной, в другом – отделенной перерывами. Но я давно уже заметил, что нужно отвергнуть атомы и пустоту, и расстался с этим предрассудком моей юности. Почтенный ученый прибавляет, что существование материи в различные моменты зависит от божественной воли; почему бы не приписать ей же, говорит он, и существование материи в данном месте и в данное время. Я отвечаю, что это, как и все другое, обязано своим существованием Богу, поскольку заключает в себе некоторое совершенство, но, подобно тому как эта первая и всеобщая, все сохраняющая причина не устраняет, но скорее производит естественное сохранение вещи. начавшей существовать, или пребывание ее в бытии, раз таковое допущено, точно так же она не будет устранять, но скорее укрепит естественную действительность вещи, приведенной в движение, или пребывание ее в деятельности, раз таковая сообщена ей.

14 Есть много других положений в апологетической диссертации Штурма, которая заключает в себе некоторые затруднения. Например, он говорит (гл. 4, § 14) по поводу передачи движения от одного шарика к другому через несколько промежуточных, будто последний шарик движется той же силой, которая двигала первый. Я, напротив, думаю, что последний шарик движется

==304

равной, но не той же самой силой, так как каждый из них (что может показаться удивительным) приводится в движение собственной силой, именно силой упругости. вследствие толчка ближайшего, прикасающегося к нему шарика (я теперь не касаюсь причины этой упругости и не отрицаю, что она должна объясняться механически движением существующей в пространстве и перемещающейся жидкости). Точно так же возбуждает справедливое изумление и то, что он говорит в № 12, именно что вещь, которая не может дать себе движения изначала, не может сама собой продолжать движение. Известно, напротив, что как, с одной стороны, потребна сила для того, чтобы привести вещь в движение, так, с другой стороны, не только не нужна новой силы для продолжения движения, но, наоборот, нужна будет новая сила для того, чтобы остановить его. Ведь в данном случае речь идет не о необходимом для вещей сохранении, зависящем от всеобщей причины, которая, как мы сказали, уничтожила бы само существование вещей, если бы уничтожила их действительность.

15 Отсюда опять видно, что защищаемое некоторыми учение о случайных (окказиональных) причинах, если не толковать его в смягченном смысле (как это частью сделал, частью, по-видимому, готов сделать Штурм), ведет к опасным выводам, хотя бы и против воли самих ученых его защитников. Ибо оно не только не увеличивает славы Божьей, устраняя идол природы, но, наоборот, превращая сотворенные вещи в простые модификации Единой Божественной субстанции, делает вместе со Спинозой из Бога саму природу вещей; ибо то, что не действует, что лишено деятельной силы, различимости и даже всякого основания своего пребывания, никоим образом не может быть субстанцией. Я твердо убежден, что уважаемый Штурм, известный своей ученостью и правоверием, далек от таких чудовищных мнений. Поэтому нет ни малейшего сомнения, что Штурм или покажет в ясной форме, каким образом при его учении может остаться какая-либо субстанция и изменение в вещах, или протянет руку истине.

16 Впрочем, я имею много оснований думать, что ни я не понимаю в достаточной степени его мысли, ни он моей. Он в одном месте признался мне, что можно и даже некоторым образом должно мыслить присущую и при надлежащем вещам некоторую частицу божественной мощи (т. е. как я полагаю, некоторое выражение ее,

==305

отображение, ближайшее действие, так как сама божественная сила вовсе не может быть делима на части). Пусть обратят внимание на то, что он сообщил мне и повторял в том месте своей «Избранной физики», которое я привел в начале настоящей статьи. Если это выражение понимается (как видно из самих слов) в том смысле, в каком мы называем душу частицей божественного дыхания, то спор между нами будет устранен. Но я не решаюсь утверждать, что он думает именно это, так как он нигде в другом месте не говорит ничего подобного и не излагает следствий, вытекающих отсюда; напротив, я вижу у него много отдельных мест, которые вовсе не вяжутся с таким мнением, а его апологетическая диссертация идет в совершенно другом направлении. Когда я впервые высказал в лейпцигских «Acta eruditorum» в марте 1694 г. мое учение о внутренней силе (развитое в моем «Опыте рассмотрения динамики» в тех же «Acta» в апреле 1695 г.). Штурм сделал мне в письме несколько возражений и, получив мой ответ, высказал мне в лестной форме, что между нами разница только в способе выражения; тогда я, обратив на это внимание, сделал еще несколько разъяснений; он, напротив, указал уже на несколько разногласий, которые и я признаю; когда мы столкнулись и в этом, он, наконец, недавно снова написал мне, что между нашими мнениями различие только в словах и что это доставит мне большое удовольствие. Поэтому я и пожелал по поводу появления его последней апологетической диссертации так разобрать этот вопрос, чтобы было ясно, в чем состоят наши учения и на чьей стороне истина. Глубокоуважаемый Штурм отличается редкой пронизательностью и ясностью изложения, ввиду чего я и надеюсь, что он может внести немало света в столь важный вопрос, и потому я буду считать свой труд бесполезным хотя бы и потому, что он даст, быть может, повод уважаемому ученому взвесить и выяснить, со свойственным ему умом и искусством, некоторые важные стороны настоящего вопроса, не обращавшие на себя доселе внимания ученых, но которые мне, если не ошибаюсь, удалось несколько выяснить новыми, покоящимися на более глубоких основаниях и имеющими широкое значение положениями. Из них, быть может, возникнет когда-либо возрожденная и улучшенная система философии, которая примирит философию формы и философию материи, соединит и сохранит то, что есть истинного в той и другой.

==306

ДВА ОТРЫВКА О СВОБОДЕ

О свободе

Все действия Бога спонтанны.

Несомненно, что каждому человеку присуща свобода совершения любого поступка, т. е. того, что он сочтет наилучшим. Спрашивается, присуща ли человеку также свобода воли?

Воля есть осознанное стремление к действию. Из воли и способности действовать с необходимостью следует поступок. Не существует воли там, где все предпосылки к желанию или нежеланию равны. Однако существует безразличие, т. е., если даже существуют все необходимые предпосылки к действию, последнее может не наступить из-за существования противоположных предпосылок. Человек сопротивляется основаниям только лишь в силу забвения, т. е. отвращения духа от них. Именно таким образом он может противостоять основаниям.

Если только не допустить следующее положение: ничто не существует без основания, т. е. не существует предложения, в котором не было бы некоей связи предиката с субъектом, т. е. которое не могло бы быть принято.

Существуют два первичных положения: (принцип необходимых) первое: то, что заключает противоречие, — ложно; второе (принцип случайных): то, что более совершенно, т. е. обладающее большим совершенством, — истинно. Наперво основаны все метафизические истины, т. е. абсолютно необходимые, каковыми являются истины логические, арифметические, геометрические и т. п.; ведь всякому отрицающему их мож но показать, что противоположное [понятие] заключает противоречие. На втором же основываются все истины, по своей природе случайные и становящиеся необходимыми лишь в силу предположения божественной или иной воли.

==307

Таким образом, все истины, касающиеся '(возможного, т. е.) сущностей вещи, и [ее] невозможности (необходимости, т. е.) невозможности противоположного, основываются на принципе противоречия; все же истины, касающиеся случайного, т. е. существования вещей, основываются на принципе совершенства. Все существования, за исключением существования одного только Бога, являются случайными. Причину же существования какой-то одной (случайной) вещи, (а не другой) следует искать не в (одном лишь) ее определении, но и в каком-то основании. Потому что, следовательно, было основание для того, чтобы эта вещь скорее существовала, чем не существовала, но в сравнении с другими вещами. Ведь если- бесконечно число возможностей, которые, однако, не осуществляются, то основания того, почему существуют одни вещи, а не другие, должно искать не в определении (иначе «не существовать» заключало бы противоречие и другие вещи не были бы возможны вопреки предположению), а во внешнем принципе, т. е. в том, что одна вещь совершеннее другой.

Прежде всего я в качестве посылки принимаю следующее определение возможности и необходимости: некоторые вещи возможны, но, не будучи, однако, необходимыми, реально не существуют. Отсюда следует, что основание, в силу которого свободный ум выбирает одно, а не другое, исходя при этом или из совершенства вещи (как в Боге), или из нашего несовершенства, не уничтожает нашей свободы. Отсюда также ясно, чем отличаются произвольные действия Бога от необходимых. Так, любовь Бога к самому себе – действие необходимое, так как может быть доказана из определения Бога. Но что Бог (избирает) наисовершеннейшее, не может быть доказано, ибо противоположное не заключает в себе противоречия; иначе противоположное было бы невозможным вопреки предпосылке. Оно же возникает из понятия существования, ибо существует только наисовершеннейшее.

Пусть существуют два возможных А и В, каждое из которых необходимо должно существовать, и предположим, что А обладает большим совершенством, чем В; в таком случае, несомненно, можно привести основание, в силу которого А обладает преимущественным существованием сравнительно с В, и возможно предвидеть, которое из них станет существовать, более того, это может быть доказано, т. е. сделано определенным, исходя из природы вещи. И если определенное есть то же самое, что и необходимое,

==308

я скажу даже, что существование А является необходимым. Но такую необходимость я называю гипотетической, потому что, если бы существование А было абсолютно необходимым, тогда В заключало бы в себе противоречие вопреки предпосылке.

Итак, следует признать, что возможным является все то, что включает какую-то степень совершенства; осуществляется же то возможное, которое совершеннее противоположного; и это не в силу собственной природы, но в силу общего установления Бога производить наиболее совершенное. Совершенство, т. е. сущность, есть потребность в существовании, из которой, впрочем, само собой вытекает существование, но не в силу необходимости, а [из предпосылки всетворящего Бога, т. е.] если другое, более совершенное, не может помешать этому. Таковы все физические истины, так что, когда мы говорим, что какое-то тело движется с первоначальной скоростью, нужно понимать: «если ничто не мешает [этому]».

Бог творит наилучшее не по необходимости, а потому, что хочет этого. Если же кто-нибудь спросил бы у меня, подчиняется ли его воля необходимости, я потребовал бы раскрыть понятие необходимости, т. е. сформулировать вопрос полностью: например, подчинена ли воля Бога необходимости, или она свободна, т. е. осуществляется ли [она] в силу его природы или его воли? Я отвечаю, что во всяком случае воля Бога не может быть произвольной, а иначе существовало бы желание желать бесконечно. Но следует говорить, что Бог желает наилучшего по своей природе. «Следовательно, – скажешь ты, – его воля подчинена необходимости. Я отвечу вместе со св. Августином, что эта необходимость блаженна. Но ведь отсюда следует, что вещи необходимо существуют. Почему же? Потому ли, что заключает в себе противоречие несуществование того, что Бог хочет видеть существующим? Я не считаю это предложение абсолютно истинным. Иначе было бы невозможным все то, чего Бог не хочет. Ведь что-то остается возможным, хотя Бог и не избирает его. Возможно даже, чтобы существовало то, существования чего Бог не желает; оно возможно потому, что могло бы существовать по своей природе, если бы Бог пожелал

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org его существования. Но «Бог не может хотеть существования». Согласен, однако оно остается возможным по своей природе, хотя и не является возможным с точки зрения божественной воли. Ведь мы определили «возможное по своей природе» как то, что не

==309

заключает в себе противоречия. Но нужно употреблять слова, сохраняя постоянными их значения, чтобы избежать всякой возможности бессмысленной речи.

Итак, я могу сказать: возможно то, что обладает какой-то сущностью, т. е. реальностью, т. е. то, что может быть понято отчетливо. Например, если бы мы вообразили, что в природе никогда не существовало и не будет существовать правильного пятиугольника, пятиугольник, однако, оставался бы возможным. Но следует дать какое-то основание тому, почему никогда не существовал и не будет существовать никакой пятиугольник. Никакого другого основания здесь нет, кроме того, что пятиугольник несовместим с другими вещами, обладающими большим совершенством, т. е. включающими больше реальности, которые, как это определенно известно, наделены преимущественным по сравнению с ним существованием. Но ты скажешь на это: «Следовательно, необходимо его существование». Согласен, если смысл таков: необходимое есть то же самое, что и несомненно истинное, т. е. истинное, которое может быть доказано. Следующее предложение: «Пятиугольник не будет существовать и не существовал» – есть необходимое, ложно же, если смысл таков: предложение «Не существует никакого пятиугольника» (не принимая во внимание время) есть необходимое. Я считаю, что это предложение не может быть доказано, ибо пятиугольник не является абсолютно невозможным и не заключает в себе противоречия, хотя из гармонии вещей следует, что он не может найти себе среди них никакого места, что может быть прекрасно иллюстрировано сравнением с мнимыми корнями в алгебре ибо $V-1$ заключает какое-то значение, хотя оно и не может быть представлено, и, если кто-нибудь захочет представить его через окружность, он обнаружит, что эта окружность не соприкасается с прямой, требуемой для этого. Однако вопросы, неразрешимые вследствие мнимости корней, весьма отличны от тех, которые неразрешимы вследствие их бессмысленности, как если бы кто-нибудь стал искать число, которое, будучи помноженным само на себя, давало бы 9, а будучи прибавленным к 5, тоже давало бы 9. Такое число заключает в себе противоречие, ибо оно должно быть и 3 и 4, т. е. 3 и 4 должны быть равны, часть = целому. Но если кто-то станет искать число, квадрат которого, прибавленный к 9, давал бы тот же результат, что и число в третьей степени, он, хотя и никогда не укажет, что целое больше

==310

своей части, допуская такое число, однако, он покажет, что такое число не может быть обозначено.

<xx от x равно – b 2

xx равно bx – b^2

Если бы Бог решил, что не должно встречаться ни одной реальной линии, которая была бы несоизмеримой с другими реальными линиями (реальной я называю линию, которая действительно ограничивает какое то тело), отсюда не следовало бы, что существование несоизмеримого заключало бы противоречие, хотя Бог, следуя принципу совершенства, не мог бы вынести иного решения. Тем самым снимаются трудности предугадывания будущих случайностей. Ибо Бог, предвидя будущие основания преимущественного существования одних вещей перед другими, предвидит их в своих причинах (*msuis causis*), определенно зная о них. И конечно, он обладает о них определенным знанием и образует необходимые предложения, исходя из однажды установленного положения мира, т. е. гармонии вещей, а не абсолютно, подобно математической необходимости. Единственное предложение «Бог (существует», является необходимым). Если пятиугольник существует, из этого следует, что это потому, что он совершеннее других, но это не так. Следовательно, многоугольник не существует. Но отсюда не следует, что его существование невозможно. Это наилучший ответ. Следовательно, нужно говорить, что возможно преимущественное существование несовершенного по отношению к совершенному. Но ты скажешь: невозможно существование того, чего Бог не желает; что это не будет существовать. Тогда надо было бы сказать, что не будет существовать то, существования чего Бог не желает; но тогда придется отрицать

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
необходимость.

(Схоласт Герике у Бонарта («Согласие науки с верой») утверждает, что Бог безразличен не к действию, а к волеию.)

(Если для свободы требуется полное безразличие, то едва ли когда-нибудь появляется свободный акт. Ведь, я полагаю, вряд ли когда-нибудь возникает случай, когда все бывает во всех отношениях равным; если даже вдруг основания окажутся равными, не будут равными страдательные состояния, так что же нам рассуждать о том, что нам не дано? Я не думаю, что существует пример, показывающий, что воля избирает что то потому, что есть какое то основание избрать то, а не другое. Томисты видят свободу

==311

в силе воли, возвышающейся над всяким конечным благом» так что она способна ему противостоять. Так, кроме безразличия воли они ищут безразличия разума
Необходимость, по их словам, не вступает в Боге в противоречие со свободой; такова свобода любви к себе. Но о своих созданиях он не выносит решения, подчиняясь необходимости. Барон не считает, что [Бог] создал неидеальнейшее.)--

О свободе

С древнейших времен человеческий род мучается- над тем, как можно совместить свободу и случайность с цепью причинной зависимости и провидением. Исследования христианских авторов о божественной справедливости, стремящейся к спасению человека, еще больше увеличили трудности этой проблемы.

Видя, что ничто не происходит случайно или по совпадению, а лишь в зависимости от каких-то частных субстанций, и что фортуна, существующая отдельно от судьбы (fatum), лишь пустой звук. и что ничто не существует, если к тому нет конкретных предпосылок, а существование вещи вытекает из всех них одновременно, я был весьма близок к тем, кто считает все абсолютно необходимым и полагает, что для свободы достаточно отсутствия принуждения, хотя она и подчиняется необходимости; эти люди не отличают безошибочное (infallibile), т. е. познанное наверняка, от необходимого '.

Но от этой пропасти меня удержали наблюдения над такого рода возможным, которого нет, не было и не будет; ведь если нечто возможное никогда не осуществляется, то уж во всяком случае то, что существует, не всегда необходимо, ибо в противном случае было бы невозможно, что вместо него существовало нечто другое, а к тому же все, что никогда не существовало, было бы невозможно. Ведь нельзя отрицать, что множество рассказов, особенно таких, которые именуются романами, становятся возможными, если найдут для себя место в том ряду универсума, который избрал Бог, если только кто-нибудь не вообразит, что во всей огромности пространства и времени существуют некие поэтические царства, где можно было бы увидеть бродящих по земле короля Великой Британии Артура, Амадаса Галльского и созданного фантазией германцев Теодерика Беронского. От подобного мнения был, по-видимому, весьма недалек один знаменитый философ нашего време-

==312

ни, который где-то недвусмысленно утверждает, что материя последовательно принимает все формы, на которые она способна («Начала философии», ч. III, § 47). С этим мнением совершенно невозможно согласиться, ибо в таком случае были бы уничтожены и вся красота универсума, и возможность выбора вещей, не говоря уже о другом, противоположном чему может быть неопровержимо доказано.

Признав, таким образом, случайное в вещах, я стал далее размышлять над тем, в чем же состоит ясное понятие истины. Не без основания я надеялся на некий свет, который бы помог отличать истины необходимые от случайных. А я знал, что всякому истинному утвердительному суждению, как общему, так и частному, как необходимому, так и случайному, свойственно то, что предикат находится в субъекте, т. е. что понятие, выраженное предикатом, на каком-то основании включается в понятие, выраженное субъектом. И это есть основание неизбежности любых истин у того, кто все познает априори, но это же, по-видимому, увеличивает трудность. Ведь если понятие, выраженное предикатом, в данное время содержится в

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
понятии, выраженном субъектом, то каким же образом без противоречия предикат может находиться вне субъекта, сохраняя его значение?

Но тут вдруг блеснул мне некий невиданный и неожиданный свет, явившийся отсюда, откуда я менее всего ожидал его. – из математических наблюдений над природой бесконечного. Ведь для человеческого ума существует два наиболее запутанных вопроса («два лабиринта»). Первый из них касается структуры непрерывного, или континуума (*compositiocontinui*), а второй – природы свободы. и возникают они из одного и того же бесконечного источника. Тот же знаменитый философ, которого я только что упоминал, предпочел разрубить их мечом, не будучи в состоянии распутать два этих узла или не желая раскрыть свое мнение; действительно, в «Началах...» (ч. I, § 40 и 41) он заявляет, что мы легко выберемся из великих трудностей, если попытаемся примирить Божественное предопределение со свободой воли, но что следует воздерживаться от обсуждения этих вещей, ибо понять природу Бога мы не способны. Он же во II части, § 35, сказал, что мы не должны сомневаться в делимости материи до бесконечности, хотя бы мы и не могли этого постичь. Однако такой ответ недостаточен. Ведь одно дело, когда мы не понимаем

==313

предмета, а другое, когда мы понимаем его противоречивость. Поэтому по крайней мере необходимо, чтобы мы смогли ответить на те аргументы, которые, по-видимому, заключают [утверждение], что свобода или делимость материи содержит в себе противоречие.

Следовательно, надлежит знать, что все творения несут на себе некий отпечаток божественной бесконечности и что он является источником многих удивительных вещей. приводящих в изумление человеческий ум.

Действительно, нет ни одной столь малой частицы материи, в которой не был бы заключен некий мир бесконечного множества творений, нет ни одной столь несовершенной сотворенной индивидуальной субстанции, которая бы не воздействовала на все остальные, и не испытывала бы воздействия со стороны всех остальных, и своим полным понятием (как оно существует в божественном уме) не охватывала бы всего универсума – всего, что есть, было и будет. Не существует также ни одной истины факта, т. е. относящейся к индивидуальным вещам, которая бы не зависела от бесконечной цепи оснований. Только одному Богу под силу полностью охватить все, что входит в этот ряд. В этом и состоит причина, что один только Бог знает априори случайные истины и понимает несомненность их, не обращаясь к опыту.

При более внимательном рассмотрении этих положений стало ясным глубокое различие между истинами необходимыми и случайными. Действительно, всякая истина или изначальна, или производна. Изначальные истины – это те, которые не могут быть обоснованы; таковы истины тождественные, или непосредственные, утверждающие о себе то же самое или отрицающие противоречивое о противоречивом (*contradictionum contradictorio*). Производные истины в свою очередь также делятся на два рода, ибо одни можно разложить на изначальные, а другие такое разложение продвигают в бесконечность. Первые – необходимые. вторые – случайные. Действительно, необходимое положение есть такое, противоположность которому заключает противоречие, таково всякое тождественное или производное положение, разложимое на тождественные. Таковы истины, называемые необходимым метафизически либо геометрически. Ибо доказывать есть не что иное, как посредством разложения терминов положения и подстановкой определения или его части на место определяемого показывать некое равенство или совпадение предиката

==314

с субъектом во взаимнообратимом положении (предложении), а в других – по крайней мере включение его так, чтобы то, что скрывалось в предложении и содержалось в нем как бы d возможности, становилось бы благодаря доказательству очевидным и ясно выраженным. Например, если мы понимаем троичное, шестиричное, двенадцатиричное число, как такое, которое может делиться на 3, 6, 12, можно доказать следующее положение: «Всякое двенадцатиричное число есть шестиричное». Ибо всякое двенадцатиричное число есть дважды дважды троичное (что дает разложение двенадцатиричного на его первоначальные составные, или $12 = 2 \cdot 2 \cdot 3$ есть определение двенадцатиричного числа). А всякое дважды троичное является шестиричным (ибо $6 = 2 \cdot 3$ – определение шестиричного числа). Следовательно,

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
всякое двенадцатиричное число есть шестиричное (12 – это то же, что 2,2.3) и 2,2.3 делится на 2.3; а 2.3 есть то же, что 6. Следовательно, 12 делится на 6.

Но в случайных истинах, хотя предикат и присутствует в субъекте, это, однако, никогда не может быть доказано, и никогда предложение не может быть приведено к уравнению или тождеству, но решение простирается в бесконечность. Один только Бог видит хотя и не конец процесса разложения, ибо его вообще не существует, но взаимную связь терминов и, следовательно, включение предиката в субъект, ибо ему известно все, что включено в этот ряд. Даже сама эта истина рождается частично из его разума, а частично из его воли и по-своему выражает бесконечное его совершенство и гармонию всего этого ряда вещей.

Для нас же остаются два пути познания случайных истин путь опыта и рассуждения (*rationis*) Первух мы идем, отчетливо воспринимая вещь чувствами; путь же рассуждения строится на том общем принципе, что ничто не приходит без основания или что предикат всегда на каком-то основании заключен в субъекте. Следовательно, мы можем с уверенностью считать, что Бог все совершает с максимальным совершенством и ничто не делается им без основания, нигде не происходит чего-либо такого, смысл чего – а именно почему положение вещей складывается именно так, а не иначе – не был бы понятен тому, кто способен мыслить. Заблуждения (*peccata*) возникают из первоначальной ограниченности вещей. Бог же не столько предопределяет заблуждения, сколько позволяет существовать определенным возможным субстанциям, заключаю-

==315

щим в своем полном значении в виде возможности добровольное заблуждение, а тем самым – и ряду соответствующих (*connotantes*) вещей, которому они присущи. Не должно быть сомнения в том, что существуют скрытые основания, превосходящие все возможности смертного разума, [объясняющие], почему Бог предпочел один ряд (хоть и включающий заблуждение) другому. Впрочем, от Бога исходит лишь совершенство, т. е. положительное, ограниченность же, рождающаяся отсюда, тем самым допускает заблуждение, ибо, поскольку имеют силу какие-то позитивные решения, абсолютного отказа от него не происходит и не остается ничего другого, исходя из соображений мудрости, как уступить большему благу, которого нельзя достичь иным путем. Однако все это не имеет отношения к данному вопросу 3.

Но когда я все более сосредоточивал мысль, не давая ей блуждать в тумане трудностей, мне пришла в голову своеобразная аналогия между истинами и пропорциями, которая, осветив ярким светом, все удивительным образом разъяснила. Подобно тому как во всякой пропорции меньшее число включается в большее либо равное в равное, так и во всякой истине предикат присутствует в субъекте; как во всякой пропорции, которая существует между однородными (подобными) количествами (числами), может быть проведен некий анализ равных или совпадающих (*congruentes*) и меньшее может быть отнято от большего вычитанием из большего части, равной меньшему, и подобным же образом от вычтенного может быть отнят остаток и так далее, непрерывно вплоть до бесконечности; точно так и в анализе истин на место одного термина всегда подставляется равнозначный ему, так что предикат разлагается на те части, которые содержатся в субъекте. Но точно так же, как в пропорциях анализ когда-то все же исчерпывается и приходит к общей мере, которая своим повторением полностью определяет оба термина по порции, а анализ иногда может быть продолжен в бесконечность, как бывает при сопоставлении рационального и мнимого числа или стороны и диагонали квадрата, аналогично этому истины иногда бывают доказуемыми, т. е. необходимыми, а иногда – произвольными (*liberae*) либо случайными, которые никаким анализом не могут быть приведены к тождеству, т. е. как бы к общей мере. А это и является основным различием, существующим как для пропорций, так и для истин.

==316

Между тем как несоизмеримые предложения подлежат геометрической науке и бесконечные ряды допускают доказательства, так в значительно большей степени случайные, т. е. неопределенные (*infinite*), истины подлежат божественному знанию и познаются Богом не через доказательство (что заключает противоречие), но видятся им во всей их безошибочности. И это божественное видение (*Dei visio*) менее всего должно пониматься как некое опытное знание, будто он видит нечто в вещах, отдельных от него, но как априорное познание (через основание истин) в той мере, как он видит вещи, возможные сами по себе, принимая во внимание их

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org природу, и существующие, кроме того. в силу его свободной воли и решений, первое из которых – делать все наилучшим образом и с полным основанием. А так называемое среднее знание есть не что иное, как знание случайных возможностей.

Если все это как следует принять во внимание, то я не думаю, что в этом доказательстве может возникнуть трудность, решение которой не могло бы быть выведено из сказанного. Ведь, допуская такое понимание необходимости, которое принимают все, т. е. что необходимым является то, противоположное чему заключает противоречие, изучающему природу доказательства и анализ легко становится ясным, что не только могут, но и должны существовать истины, которые никаким анализом не сводимы к тождественным истинам или к принципу противоречия, но дают бесконечный ряд оснований, видимый до конца лишь Богу. А такова природа всего, что включает место и время, как это было достаточно показано выше, исходя из самой бесконечности частей универсума и взаимозамещения и взаимосвязи вещей.

==317

РАЗЪЯСНЕНИЕ ТРУДНОСТЕЙ, ОБНАРУЖЕННЫХ Г-НОМ БЕЙЛЕМ В НОВОЙ КОНЦЕПЦИИ О ВЗАИМОСВЯЗИ ДУШИ И ТЕЛА

Я решаюсь, сударь, послать Вам это разъяснение по поводу трудностей, которые г н Бейль обнаружил в гипотезе, предложенной мной для понимания связи между душой и телом. Его любезность по отношению ко мне не имеет равных, и я считаю честью для себя возражения, которые он поместил в своем превосходном «Словаре», в статье «Рорарий»¹ Впрочем, ум, столь обширный и столь глубокий, каким наделен этот человек, не нуждается в наставлениях, и я попытаюсь лишь воспользоваться новыми сведениями о предмете, которые он изложил как в этой, так и во многих других главах своего труда. Он не спорит против того, что было сказано мной о сохранении души, в частности у животных, но, по-видимому, остался недоволен тем, каким образом я объясняю связь и взаимоотношения души и тела в «Journal des Scavants» от 27 июня и 4 июля 1695 г., а также в «Histoire des Ouvrages des Scavants» за февраль 1696 г., с 274, 275.

Вот его слова, показывающие, в чем именно он нашел трудность «Мне непонятно сцепление внутренних и самопроизвольных действий, благодаря которому душа собаки может почувствовать горе сразу после того, как она чувствовала радость, даже если она окажется одна на свете» Отвечаю: когда я говорил, что душа могла бы испытывать все, что она испытывает теперь, хотя бы, кроме нее и Бога, на свете не было никого, я взял воображаемый случай, предположив то, чего, конечно, никогда не может случиться, но для того, чтобы подчеркнуть, что чувства души суть лишь следствие того, что уже присутствует в ней Я не знаю, следует ли считать доказательством непостижимости, каковую г-н Бейль усматривает в этом сцеплении,

==318

то что он говорит ниже, или он хотел с самого начала доказать это на примере самопроизвольного перехода от радости к горю; быть может, он хотел намекнуть, что это высказывание противоречит аксиоме, которая гласит, что вещь остается всегда в своем прежнем состоянии, если не происходит ничего, что заставило бы ее измениться, и, следовательно, животное, однажды почувствовав радость, будет испытывать ее постоянно, если оно находится в одиночестве или если ничто извне не побудит его перейти к чувству горя Разумеется, я согласен с этой аксиомой, более того, она кажется мне особенно привлекательной, ведь по существу это одна из моих основ Однако не вправе ли мы заключить из нее не только то, что тело, пребывающее в покое, будет и впредь всегда в покое, но и то, что тело, находящееся в движении, будет оставаться в этом движении или изменении, т. е. сохранит ту же скорость и то же направление, если не произойдет ничего, что воспрепятствовало бы этому? Таким образом, вещь не только остается – поскольку это зависит от нее самой – в том состоянии, в каком она есть, но, и когда она находится в состоянии изменения, она продолжает меняться, следуя все тому же закону. А природа сотворенной субстанции, по моему мнению, такова, что субстанция непрерывно меняется, следуя известному порядку, и она, эта природа, сама собой (spontanement), если позволено будет так выразиться, проводит ее через все состояния, какие ей надлежит пройти, так что тот, кто видит все, видит в ее нынешнем состоянии все прежние и будущие состояния. И этот закон порядка, создающий индивидуальность каждой частной субстанции, в точности соответствует тому, что происходит во всякой другой субстанции и во всем мире в целом Быть

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org может, с моей стороны не будет чрезмерной самонадеянностью, если я скажу, что мог бы все это доказать; но сейчас достаточно будет выдвинуть это как возможную гипотезу, способную объяснить явления. Именно поэтому закон изменения субстанции животного заставляет его перейти от радости к горю в тот момент, когда в его теле происходит нарушение непрерывности, так как закон неделимой субстанции этого животного состоит в том, чтобы представлять все происходящее в его теле так, чтобы мы могли на опыте убедиться в этом и, более того, представлять некоторым образом и в соотносительности с телом все, что совершается в мире, ибо единицы-субстанции суть не что иное, как различные концентрации универсума, пред-

==319

ставляемого с разных точек зрения, почему они и различаются.

Г-н Бейль продолжает: «Я понимаю, отчего собака переходит непосредственно от удовольствия к горю, когда, изголодавшись и поев хлеба, она вдруг потом получает удар палкой». Не знаю, так ли уж это понятно. Никто лучше самого г-на Бейля не осознает, что в этом-то и состоит главная трудность – объяснить, почему то, что происходит в теле, производит изменение в душе. Именно это заставило защитников окказиональных причин утверждать, будто Бог берет на себя заботу о том, чтобы постоянно давать душе представление о переменах, происходящих в теле; я же, напротив, полагаю, что дело самой природы, которую Бог даровал душе, представлять себе в силу своих собственных законов то, что происходит в органах.

Он продолжает: «Но что душа собаки будто бы устроена так, что, после того как ее ударили, она испытывает горе. даже если бы ее больше не били, даже если бы она продолжала есть хлеб, никем не смущаемая и без помехи, – вот этого я не в силах понять». Я что-то не помню, чтобы я так говорил, и сказать это можно разве только в порядке метафизического вымысла, все равно что предположить, будто Бог уничтожает какое-нибудь тело, чтобы создать пустоту: и то и другое одинаково противоречит порядку вещей. Так как природа души изначально создана такой, чтобы она могла последовательно представлять себе изменения материи, предполагаемый случай не может произойти в естественном порядке. Бог мог бы дать каждой субстанции феномены, не связанные друг с другом, но в таком случае он создал бы, если можно так выразиться, столько же бессвязных миров, сколько имеется субстанций; получилось бы вроде того, что говорят о снах: пока спишь, ты находишься в собственном отдельном мире, а проснувшись, вступаешь в мир, общий для всех. Не то чтобы сны не соотносились с органами и остальным телом, но это происходит менее отчетливым образом. Последуем далее за г-ном Бейлем.

«Я нахожу также, – говорит он, – что самопроизвольность этой души совершенно несовместима с чувствами. I горя, да и вообще со всеми перцепциями, которые ей неприятны». Эта несовместимость была бы очевидной, если бы «самопроизвольный» и «добровольный» было одно и то же. Все добровольное самопроизвольно; однако есть самопроизвольные действия, кои совершаются без выбора,

==320

следовательно, они не добровольны. Не во власти души всегда предаваться чувствам, которые ей приятны, потому что чувства, которые у нее будут, зависят от тех, которые были.

Далее г-н Бейль говорит: «Впрочем, причина, из-за которой сей даровитый муж не приемлет систему Декарта, представляется мне ложным предубеждением, ибо нельзя говорить, что концепция окказиональных причин требует чудесного вмешательства Бога в обоюдную зависимость тела и души: так как Бог вмешивается не иначе как следуя всеобщим законам, он отнюдь не нарушает порядка вещей». Нет. не только по этой причине я не могу принять систему Декарта; и, если внимательнее присмотреться к моей собственной системе, легко понять, что именно заставляет меня за нее держаться. Впрочем, даже если бы гипотеза окказиональных причин не нуждалась в чуде, моя гипотеза, думаю, не лишилась бы от этого других своих преимуществ. Как я уже говорил, можно представить себе три концепции для объяснения связи, какую мы обнаруживаем между душой и телом, а именно: 1) концепцию взаимного влияния, воспринятую в вульгарной форме (какую я считаю недопустимой) различными школами у картезианцев; 2) концепцию непрерывного надзирателя, который создает представление в душе о том, что совершается в теле,

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org и наоборот, примерно так, как если бы какого-нибудь человека обязали все время сверять два плохо работающих часовых механизма, не способные самостоятельно показывать одно и то же время, – это и есть система окказиональных причин, и, наконец, 3) концепцию естественного согласия двух субстанций – такого, какое существует между двумя точно идущими часами. Я нахожу эту концепцию столь же возможной, как и концепция надзирателя, и более достойной творца всех этих субстанций, часов или автоматов. Но посмотрим, на самом ли деле система окказиональных причин обходится без непрерывного чуда. Нас уверяют, что обходится, так как Бог, по этой системе, действует, не нарушая-де наших законов. Согласен; только мне кажется, что этого недостаточно, чтобы устранить чудеса. Оттого, что Бог совершал бы их непрерывно, они не перестали бы быть чудесами – если понимать это слово не в простонародном смысле как что-то редкостное и диковинное, а философски, имея в виду нечто превосходящее силы и возможности существ. Мало сказать, что Бог сотворил всеобщий Закон: кроме постановлени

==321

требуется еще естественное средство для его исполнения, т. е. нужно, чтобы то, что совершается, могло найти объяснение в природе, какую Бог наделяет вещи. Законы природы отнюдь не столь произвольны и не столь неразборчивы (*indifferentes*), как это представляется некоторым людям. Если бы Бог постановил, к примеру, что все тела должны описывать круговые линии и радиусы окружностей должны быть пропорциональны величине тел, это означало бы, что имеется средство выполнить это при помощи более простых законов, или же нам придется признать, что Бог осуществляет это чудесным образом или хотя бы с помощью ангелов, специально приставленных к этому делу, наподобие тех, которых некогда помещали в небесных сферах. То же самое было бы, если бы кто-нибудь стал говорить, что Бог придал каждому телу естественную и первородную тяжесть, благодаря чему оно обладает притяжением к центру своего шара, не испытывая тяготения со стороны других тел; такая концепция, на мой взгляд, нуждалась бы в постоянном чуде или по крайней мере в помощи ангелов.

«Разве внутреннее деятельное начало, присущее формам тел, осознает последовательность действий, которые оно должно произвести? Конечно, нет; ибо мы знаем по опыту, что нам ничего не известно о том, какие перцепции мы получим через нас». Я отвечаю на это возражение, что это начало, вернее, душа или даже сама форма, хотя и не осознает их отчетливо, но смутно чувствует их. Во всякой субстанции есть следы всего того, что с ней происходило, и всего того, что с ней произойдет. Но это бесконечное множество перцепций мешает нам различать их, подобно тому как, слыша громкий шум толпы, я не различаю отдельные голоса.

«Выходит, что формами, когда они производят свои действия, должен управлять некий внешний принцип; разве это не тот же самый *Deus ex machina*, который будто бы подразумевается в теории окказиональных причин?» Мой предыдущий ответ опровергает и это рассуждение. Напротив, нынешнее состояние всякой субстанции – естественное следствие ее предшествующего состояния, однако существует лишь один бесконечный разум (*intelligence*), способный видеть эту последовательность и в душах, и в каждой части материи, ибо он обнимает весь универсум.

В заключение г-н Бейль говорит: «Наконец, если всё души, как он вполне справедливо полагает, просты

==322

я неделимы, то непонятно, как это можно сравнивать их с часами, т. е. как можно предположить, что они способны в силу своего природного строения разнообразить свои действия, осуществляя спонтанную дееспособность, каковую наделяет их Творец? Совершенно ясно, что простое существо всегда будет действовать единообразно, если ему не помешает какая-либо чужеродная причина. Если бы оно состояло, как машина, из нескольких частей, оно действовало бы разнообразно, потому что отдельные действия каждой части могли бы в любую минуту изменить работу остальных; но в единой субстанции где вы отыщете причину изменения деятельности?» Замечание, на мой взгляд, достойное г-на Бейля и в высшей степени заслуживающее внимания. Однако я думаю, что моя система не стоила бы того, чтобы ее обсуждать, если бы я не предвидел это возражение с самого начала. С часами я сравнивал душу лишь в том смысле, что и там и здесь имеется упорядоченная точность изменении, точность, которая даже в самых лучших часовых механизмах не является безупречной, но вполне совершенна в произведениях Бога. И можно

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org сказать, что душа – это нематериальный автомат (automate immaterial) из числа самых точных. Когда говорят, что простое существо всегда будет действовать единообразно, то тут требуется уточнение: если действовать единообразно – значит постоянно следовать одному и тому же закону порядка, или непрерывности, как в некотором строю или в последовательности чисел, я согласен, что само по себе всякое простое существо и даже всякое составное существо действует единообразно; но если единообразно означает «одинаково» – я против. Поясню эту разницу смысла примером: движение по параболической кривой единообразно в первом смысле, но отнюдь не единообразно во втором, поскольку разные отрезки параболы не равны между собой в отличие от отрезков прямой линии. Правда, – заметим это мимоходом – простое тело, предоставленное самому себе, двигается не иначе как по прямой, если говорить только о его центре, перемещение которого соответствует перемещению тела в целом; но так как простое твердое тело, будучи однажды раскручено, или приведено во вращение вокруг своего центра, в дальнейшем предохраняет направление и скорость движения, то отсюда следует, что тело, предоставленное самому себе, может *'яисывать круговые линии своими точками, удаленными от Центра, тогда как сам центр покоится; если же этот центр II*

==323

тоже перемещается, точки, удаленные от него, будут описывать некоторые более сложные траектории, ордината этих точек будет образована прямой, по которой движется центр, и синусом прямого угла, нижняя ветвь которого будет абсциссой, а дуга будет принадлежать к окружности вращения, так как указанная прямая есть прямая, которая дана по условиям задачи

Следует также принять во внимание, что душа, хоть она и проста, всегда испытывает чувство, составленное одновременно из многих перцепций, что для достижения нашей цели равносильно тому, как если бы она состояла, подобно машине, из разных частей. Ибо каждая предшествующая перцепция оказывает влияние на последующие, согласно закону порядка, которому перцепции подчинены так же, как и движения. Вот почему на протяжении многих веков философы, размышляя о душах и об ангелах (которых они считали лишенными всякого тела), допускали – не говоря уже об интеллигенциях (intelligences) Аристотеля – возможность самопроизвольных изменений в простом существе. Добавлю, что так как перцепции, которые одновременно и все вместе находятся в одной и той же душе, включают в себя поистине бесконечное множество мелких неразличимых чувств, долженствующих постепенно развиваться, то не следует удивляться бесконечному разнообразию того, что со временем должно из них получиться. Все это лишь следствие представительной природы души, которая должна выражать то, что происходит, а также произойдет в ее теле и некоторым образом во всех других телах благодаря связи или соответствию всех частей мира. Быть может, достаточно было бы сказать, что Бог, создав телесные автоматы, счел за благо создать также автоматы нематериальные, которые служат представителем ми первых; но, по общему мнению, эту мысль хорошо бы несколько расширить.

Должен сказать, что мне доставила большое удовольствие статья г-на Бейля о Зеноне 2. Нетрудно заметить, что то, что можно извлечь из нее, согласуется с моей системой, быть может, лучше, чем с любой другой; ибо все реальное в протяженности и в пространстве заключается лишь в обосновании порядка и в упорядоченной последовательности феноменов и перцепций. Поэтому главная трудность, на которой споткнулись и платоники, и скептики, равно как и те, кто решил с ними поспорить, была в том, что они искали в воспринимаемых чувствам вещах вне нас некую

==324

большую реальность, нежели реальность упорядоченных феноменов. Мы постигаем протяженность благодаря тому, что постигаем порядок в сосуществованиях; но мы не должны понимать протяженность – а также пространство – как некоторую субстанцию. То же и со временем, которое предстает уму лишь как порядок изменений. Что же касается движения, то реальное в нем – это сила или потенциальность, т. е. то имеющееся в теперешнем состоянии, что несет с собой изменение в будущем. Все прочее лишь феномены и отношения. Рассмотрение этой системы показывает также, что, углубляясь в суть вещей, можно найти в них больше разумного, нежели казалось большинству философских школ. Незначительность субстанциональной реальности в чувственно воспринимаемых вещах, согласно учению скептиков; сведение всего к гармониям или числам, идеям и перцепциям у пифагорейцев и

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org платоников; единое во всем Парменида и Плотина без всякого спинозизма; связь, не исключаящая самопроизвольности других вещей, в учении стоиков; виталистическая философия каббалистов и сторонников герменевтических учений, наделяющие чувством все вокруг; формы и энтелехии Аристотеля и схоластиков; наконец, механическое объяснение всех частных феноменов, предлагаемое Демокритом и новейшими философами, – все это оказывается объединенным, все сходится, как в перспективе, к одной точке, откуда предмет (хаотически спутанный, если рассматривать его в любом другом ракурсе) предстает в своей упорядоченности и согласовании всех его частей; дух нетерпимости помешал убедиться в этом философам, которые просто не признавали никого, кроме себя. Сторонники форм бранят материалистов или приверженцев корпускулярного учения, и *vice versa*. Напрасно пытаются положить предел дроблению и тонкости природы, а также ее богатству и красоте, навязывая ей атомы и пустоту, выдумывая какие-то первоэлементы (вроде тех, какие предлагают картезианцы) вместо истинных единиц и отказываясь признавать бесконечность во всем и точное выражение величайшего в самом малом, сопряженное со склонностью всякого развиваться в совершенном порядке. А это то и есть самое удивительное и самое прекрасное проявление верховного начала, чья мудрость и благодать не оставляют желать ничего лучшего для тех, кто в состоянии видеть разумное устройство вещей.

==325

ОТВЕТ НА РАЗМЫШЛЕНИЯ, СОДЕРЖАЩИЕСЯ ВО ВТОРОМ ИЗДАНИИ «КРИТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ» Г-НА БЕЙЛЯ (СТАТЬЯ «РОРАРИЙ»), О СИСТЕМЕ ПРЕДУСТАНОВЛЕННОЙ ГАРМОНИИ

Я поместил в парижском «Journal des Scavants» (июнь и июль 1695 г.) несколько опытов о новой системе, которая может, по моему мнению, объяснить союз души и тела: вместо школьной теории влияния и теории содействия картезианцев я воспользовался теорией предустановленной гармонии. Г-н Бейль, который уделяет наиболее абстрактным размышлениям то внимание, коего они заслуживают, чтобы в свою очередь заинтересовать читателя, и который одновременно углубляет их, показывая их такими, каковы они суть на самом деле, соблаговолил дать себе труд обогатить эту систему своими соображениями, помещенными в его «Словаре», в статье «Рорарий»; а так как он указал заодно и на трудности, требующие, по его мнению, разъяснения, я попытался осветить их в «Histoire des ouvrages des Scavants» за июль 1698 г. Недавно г-н Бейль выступил с новыми замечаниями во втором издании своего «Словаря» в той же статье «Рорарий», с. 2610, пункт L. Он честно и прямо признает, что мои ответы облегчили понимание предмета и что, если бы возможность гипотезы предустановленной гармонии была вполне доказана, было бы нетрудно предпочесть ее картезианской гипотезе, ибо она заключает в себе высокую идею Творца вещей и чурается (применительно к обыденным процессам природы) любых представлений о вмешательстве чуда. Однако он все еще находит для себя затруднительным согласиться, что эта предустановленная гармония возможна, и, чтобы показать, почему он не согласен, он

==326

ссылается на нечто, по его мнению, еще более простое, чем это, но которое тем не менее представляется маловероятным. А именно: он сравнивает мою гипотезу с предположением о корабле, который, не будучи никем управляем, сам собой направляется в нужную гавань. Все согласятся, поясняет он, что беспредельность власти Божьей все-таки не столь велика, чтобы наделить корабль такой способностью; не настаивая безусловно на невозможности этого, он, однако, полагает, что все другие именно так и будут думать. «Ведь вы сами говорите, – добавляет г-н Бейль, – что природа корабля не способна воспринять от Бога подобное двойство». Уж не думает ли он, что по смыслу обсуждаемой Гипотезы Бог сумел бы заставить корабль совершать такие действия ради того, чтобы он слушался ученых мужей, Народе той способности, которой схоластики наделяют весомые тела, чтобы заставить их двигаться к центру? Если он именно так толкует мое предположение, я первый от него откажусь. Но если он имеет в виду такие свойства корабля, которые можно объяснить законами механики и его внутренними движущими силами, а также внешними обстоятельствами, и если при этом он все-таки отвергает предположение как невозможное, то я просил бы его представить какой-нибудь разумный довод в пользу такого суждения. Ибо хотя мне и нет нужды допускать возможность чего либо в точности похожего на этот корабль в том смысле, как это, по видимому, толкует г-н Бейль (о чем я скажу ниже), однако, думаю мне, при ближайшем рассмотрении здесь не только не возникает никаких трудностей касательно Бога, но скорее складывается впечатление, что и конечный ум мог бы

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org вполне справиться с решением. Нет сомнения, что человек мог бы создать машину, способную передвигаться в течение какого-то времени по городу, безошибочно заворачивая на определенные улицы. А несравненно более совершенный, хотя и ограниченный ум мог бы предвидеть и дать возможность избежать несравненно большего числа препятствий. Это так же верно, как и то, что если бы наш мир, по гипотезе, выдвигаемой некоторыми, представлял собой лишь соединение конечного числа атомов, двигающихся согласно законам механики, то наверняка конечный ум смог бы оказаться достаточно проницательным, чтобы постичь и предвидеть наглядным образом все, что должно произойти в этом мире за определенный промежуток времени, и этот ум не только сумел бы придумать корабль, спо-

==327

собный сам собой плыть к указанному порту, задать ему курс, направление и снабдить его необходимой движущей силой, но и мог бы создать тело, способное имитировать человека, ибо в сфере возможностей неизменны только самое большое и самое малое: сколь бы многочисленны ни были функции машины, мощь и искусство мастера способны дорасти до нее, и недооценивать его возможности значило бы недостаточно учитывать степени вещей. Правда, мир не есть соединение конечного числа атомов, но скорее как бы машина, где каждая из частей состоит из поистине бесконечного числа пружин; но правда и то, что тот, кто ее создал и кто управляет ею, обладает еще более бесконечным совершенством, потому что она принадлежит к бесконечному множеству возможных миров, которые вмещает его разумение и из которых он выбрал тот, что ему понравился. Если же говорить об умах ограниченных, то можно по малым примерам, порой встречающимся среди нас, судить, чего могут достигнуть те, о чьих способностях мы не догадываемся. Например, бывают люди, которые умеют с исключительной быстротой производить громоздкие арифметические вычисления в уме. Г-н де Монкони упоминает об одном таком человеке, проживавшем в те времена в Италии, а сейчас в Швеции живет еще один такой же, причем он даже не учился элементарной арифметике; думаю, что не следовало бы упускать случая исследовать, каким образом он производит арифметические действия. А что такое человек, каких бы высот он ни достиг, в сравнении с другими существами, возможными и даже существующими, такими, как ангелы или гении, способные во всех отношениях превзойти нас сообразительностью и рассудительностью, и притом несравненно больше, чем эти удивительные обладатели арифметического дара превосходят нас в умении оперировать числами! Заурядную публику, надо признать, эти соображения не интересуют; люди занимаются порицаниями там, где следует подумать о том, что выходит за пределы обычного или даже вовсе не встречается среди нас. Но когда думаешь о величии и многообразии мира, то начинаешь смотреть на эти вещи по-другому. Г-н Бейль и подавно не может не видеть правоту этих заключений. Правда, моя гипотеза от них не зависит, как я постараюсь объяснить, но если бы она и опиралась на них, если бы кто-нибудь имел основания сказать, что она еще более удивляет, чем гипотеза автоматов (впрочем, я покажу ниже, что эта гипотеза лишь

==328

развивает правильные положения и в ней есть много здравого), я бы не особенно тревожился по этому поводу, зная, что не существует другого способа объяснить вещи соответственно законам природы. Ибо в таких вопросах нельзя приноравливаться к общепринятым взглядам из боязни перед теми ил» иными умозаключениями. Впрочем, те возражения, какие философу приходится выдвигать против предположения об автоматах, связанных не с невероятностью самого предположения, а с недостатком принципов, поскольку везде необходимы энтелехии, и допускать таковые только в человеческих телах и нигде более – значит умалять Творца природы, который сколь возможно приумножает свои малые миры, или, что то же, свои неделимые деятельные зеркала. Просто невозможно, чтобы энтелехий не было повсюду.

До сих пор мы говорили лишь о том, на что способна ограниченная субстанция; совсем другое дело – Бог. Отнюдь не все, что поначалу показалось невозможным, должно оказаться таковым в действительности; скорее следует считать невозможным, чтобы Бог сделал это иначе, если он таков, каков он есть – бесконечно могучий и мудрый и во всем, насколько это возможно, соблюдающий порядок и гармонию. Но что еще важнее и что кажется таким странным при обособленном рассмотрении, так это то особое следствие, вытекающее из устройства вещей, по которому всеобщее чудесное пресекает и поглощает, если можно так выразиться, частное чудесное, делая его разумно обоснованным. Ибо все упорядочено и связано таким образом, что эти машины природы (а они действительно существуют), будто бы похожие на

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
корабли, которые сами собой плывут в гавань, несмотря на все извивы пути и все бури, на самом деле нельзя считать более странными, нежели движение масла вверх по фитилю или воды, когда она бежит по желобу. Вдобавок так как тела не являются атомами, но делимы и дробятся до бесконечности и все наполнено ими, то отсюда следует, что мельчайшее тело получает какое-то воздействие от малейшего изменения всех остальных, как бы ни были они отдаленны и малы, и, следовательно, должно быть точным зеркалом универсума; поэтому ум достаточно проницательный мог бы в меру своей проницательности увидеть и предвидеть в каждой корпускуле то, что происходит и произойдет в ней, и то, что происходит и произойдет везде – и в корпускуле, и вне ее. Таким образом, в ней не случается – даже при столкно-

==329

вении с окружающими телами ничего такого, что по следовало бы из уже имеющегося внутри ее и что могло бы нарушить в ней порядок. И это еще более очевидно в простых субстанциях или в собственно активных началах, которые я именую вслед за Аристотелем первичными энтелехиями и в которых, по моему мнению, ничто не может вызвать нарушений. Говорю это в ответ на замечание, брошенное мимоходом г-ном Бейлем на с. 2612, пункт «В», где он возражает мне, указывая, что «так как органическое тело составлено из многих субстанций, у каждой из которых есть действующее начало, фактически отличающееся от действующего начала любой другой субстанции. а действие каждого начала самопроизвольно, то это должно привести к бесконечному многообразию эффектов; столкновение же соседних тел должно некоторым образом стеснить естественную спонтанность каждого». Но надо учесть, что в любой момент одно тело уже оказывается приспособленным ко всякому другому и готово к тому, что другое потребует от него. Поэтому несвобода субстанции – это лишь внешняя и кажущаяся несвобода. Это настолько верно, что движение любой точки в мире, какую бы мы ни взяли, происходит по линии определенного вида, какую эта точка избрала раз навсегда и от которой ничто не заставит ее отклониться. И это есть то, что я мог бы назвать наиболее отчетливым и ясным для ума геометров, хотя линии такого рода бесконечно превосходят те, какие способен постичь конечный ум. Разумеется, эта линия была бы прямой, если бы данная точка могла быть единственной в мире; теперь же ей приходится в силу законов механики соприкасаться со всеми телами, так что именно этим самым соприкосновением эта линия и предустановлена. Итак, я признаю, что спонтанность заключена не в массе как таковой (если, конечно, брать универсум весь целиком, чему ничто не препятствует) • ведь если бы эта точка стала единственной, она продолжала бы двигаться не по предустановленной линии, а по касательной. Спонтанность – не в чем ином. как собственно в энтелехии (для которой эта точка есть точка зрения), и в то время как точка сама по себе может лишь обладать склонностью двигаться по касательной к этой линии, так как у точки нет, если можно так выразиться, ни памяти, ни предчувствия, энтелехия выражает предустановленную кривую, именно ее, и окружающие тела не могут влиять на эту душу, или энтелехию; в этом смысле ничто ее не насилует. Правда, то, что люди

==330

называют насильственным, все же имеет место, поскольку эта душа обладает смутными – и, следовательно, произвольными – перцепциями.

Так вот, все это показывает, каким образом чудесный корабль, который сам собой, без лощмана, направляется в гавань, машина, выполняющая действия человека, не будучи наделена умом, и что там еще можно придумать в качестве возражений, – каким образом все эти предположения, кажущиеся неправдоподобными, если рассматривать их обособленно, перестают быть непонятными и почему все то, что находили странным, рассеивается, когда поймешь, что вещи предназначены или уготованы к тому, что им надлежит делать. Все, к чему честолюбие или другая страсть подвигает душу Цезаря, все это представлено и в его теле, и все движения этих страстей происходят от впечатлений, получаемых от предметов и связанных с внутренними движениями; а тело устроено таким образом, что душа никогда не принимает решений, с которыми не согласуются движения тела, причем даже самые отвлеченные рассуждения принимают в этом участие через посредство символов, которые делают их доступными воображению. Одним словом, если принимать во внимание только явления, все в теле происходит так, как если бы дурное учение тех, кто вслед за Эпикуром и Гоббсом считает, что душа материальна, было истинным или как если бы сам человек был всего лишь телом или автоматом. Оттого то они и распространили на человека то, что картезианцы утверждают в отношении всех других животных, ибо эти материалисты действительно показали, что человек

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org со всем его разумом не совершает ничего, что не было бы игрой образов, страстей и движений в теле. Чего только не делали, желая доказать обратное, и, прибегая к уловкам, лишь расчистили путь для торжества заблуждений. Картезианцы ничего не выиграли (как не выиграл Эпикур со своим отклонением атомов, которое так остроумно высмеивает Цицерон), решив, что, хотя душа не может привести тело в движение, она все же меняет его направление. На самом деле ни того, ни другого не может быть и не должно быть, и материалистам незачем прибегать к этим доводам, так как ничто во внешнем поведении человека не может служить опровержением их учения; на этом частично построена моя гипотеза. Те, кто убеждает картезианцев, что их способ доказывать, будто животные всего лишь автоматы, в конце концов оправдывает того, кто

==331

нашел бы возможным, выражаясь метафизически, считать простыми автоматами и всех людей (кроме себя), высказали как раз то самое, что мне необходимо для этой половины моей гипотезы, той, которая относится к телу. Но помимо начал, на которых основаны монады и по отношению к которым соединения монад суть лишь следствия. Внутренний опыт заставляет отвергнуть Эпикурово учение: сознание того «я», которое присутствует в нас и которое замечает то, что происходит в теле. Это сознание (поскольку перцепцию невозможно объяснить формами и движениями) образует вторую половину моей гипотезы и заставляет признать в нас неделимую субстанцию, которая сама должна быть источником своих феноменов. Таким образом, согласно этой второй половине моей гипотезы, всё в душе происходит так, как если бы тела вовсе не было; точно так же как из первой половины следует, что в теле все совершается так, как если бы не существовало души. А разум подсказывает, что у других людей мы должны предполагать те же преимущества, что и у себя. Да к тому же я не раз доказывал, что в самих телах, хотя отдельные мелкие феномены имеют механические причины, пристальный анализ законов механики и природы субстанций вынуждает нас в конце концов прибегнуть к неделимым активным началам; восхитительный порядок, присутствующий здесь, убеждает в том, что существует всеобщий принцип, который обладает высшим разумом и высшим могуществом. А так как из того, что есть здравого и основательного в ложном и дурном учении Эпикура, видно, что незачем говорить, будто душа меняет склонности, существующие в теле, то легко понять, что нет никакой необходимости и в том, чтобы материальная масса ниспосылала мысли душе под влиянием не знаю уж каких там сил, выдуманных этими учителями; да и Богу незачем быть постоянно толмачом тела при душе, точно так же как ему нет нужды толковать повеления души телу, в чем хотели бы убедить нас картезианцы: ибо настоящий посредник между телом и душой – предустановленная гармония. Отсюда видно, что все, что есть хорошего в гипотезах Эпикура и Платона, в [доктринах] величайших материалистов и величайших идеалистов, объединяется здесь; и здесь нет более ничего удивительного, кроме единого высочайшего совершенства верховного начала, – совершенства, которое, будучи продемонстрировано в его творении, превосходит все, что до сих пор о нем думали. Что же чудесного в том, что все идет

==332

как надо, все совершается с неукоснительной точностью? Коль скоро мы предполагаем, что это «все» есть осуществление совершенного замысла, все вещи находятся как бы в сговоре друг с другом и их ведет одна рука. Скорее было бы величайшим из всех чудес или, лучше сказать, самой странной из нелепостей, если бы этот корабль, предназначенный для беспрепятственного движения, если бы эта машина, для которой путь прочерчен однажды и навсегда, могла бы уклониться от него вопреки мерам, которые принял Бог. Таким образом, не следует нашу гипотезу сравнивать, имея в виду телесную массу, с кораблем, который сам собой идет в порт, а лучше сравнить с паромом, который пересекает реку, будучи прикреплен к канату. То же самое бывает с театральными механизмами и с фейерверком: мы не удивляемся, видя, как они ловко устроены, потому что знаем, каким образом ими управляют; свое восхищение изобретением мы переносим на изобретателя совершенно так же, как мы теперь понимаем, что планетам нет надобности двигаться по собственному разумению.

До сих пор мы говорили почти исключительно о возражениях по поводу тела или материи, и по сути дела здесь не усматривалось ничего непонятного, кроме трудности допущения того чудесного, но вместе с тем прекрасного, правильного и всеобъемлющего, что надлежит обнаруживать в телах, дабы они согласовались друг с другом и с душами; на мой взгляд, это следует считать скорее доказательством,

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org чем возражением, в глазах тех людей, кто умеет правильно судить о «мощи и мудрости божественного искусства», выражаясь словами г-на Бейля, который тоже признает, что «невозможно вообразить ничего, что давало бы достаточно высокое представление о мудрости и мощи Творца всех вещей». Теперь нужно перейти к душе. Здесь г-н Бейль после всего, что я разъяснил, находит новые трудности. Он начинает с того, что сравнивает эту душу, взятую в отдельности, совершенно одинокую и ничего не получающую извне, с атомом Эпикура, окруженным пустотой. Что ж, я действительно рассматриваю души, или, вернее, монады, как субстанциальные атомы, так как, по моему мнению, в природе не существует атомов материальных: мельчайшая частица материи в свою очередь состоит из частей. Атом, каким воображает его Эпикур, обладает движущей силой, придающей ему определенное направление, и потому будет двигаться беспрепятственно и равно-

==333

мерно при условии, что ему не встретится никакой другой атом. Г-ну Бейлю кажется, что то же самое должно происходить и с душой" находясь в состоянии, при котором ничто извне не меняет ее, и получив изначально чувство удовольствия, она будет постоянно испытывать это чувство Ибо. пока остается общая причина, будет продолжаться и действие Когда же я возражаю, говоря, что душу нужно рассматривать как находящуюся в состоянии изменения и потому общая причина уже не остается, г н Бейль отвечает, что это изменение должно быть подобным изменению атома, который двигается постоянно по одной линии (прямой) и с одинаковой скоростью И даже когда происходит метаморфоза мыслей (добавляет он), то необходимо по крайней мере, чтобы переход, который я совершаю от одной мысли к другой, был так или иначе обоснован их родством ВЭтих замечаниях есть резон, и я сам готов ими воспользоваться для разъяснения моей теории Состояние души, как и атома, есть состояние изменения. Это склонность атома – менять место, души – менять мысль, и то и другое меняется само собой наиболее простым и единообразным способом, какой допускает их состояние Но, скажут мне, откуда же в таком случае столько простоты в изменении атома и столько разнообразия в изменениях души? А дело в том, что атом, каким его себе представляют (хотя в природе ничего такого нет), даже если у него и есть части, не имеет ничего, что изменило бы его склонность, так как предполагается, что эти части не меняют своих отношений друг к другу; тогда как душа. притом что она совершенно невидима, заключает в себе сложное сочетание склонностей. т. е. множество наличных мыслей, каждая из которых склонна к своему собственному изменению в зависимости от того, что душа в себе заключает; они находятся в ней одновременно вследствие ее существенной связи со всеми другими вещами в мире. Отсутствие этой связи – вот что наряду с другими недостатками исключает существование Эпикуровых атомов в природе. Ибо каждая вещь или часть универсума должна оставлять отпечаток на всех прочих, и, таким образом, душа ввиду многообразия ее модификаций должна быть уподоблена универсуму, который она представляет со своей точки зрения и даже некоторым образом вместе с Богом как конечный представитель его бесконечности (ибо ее восприятие бесконечности смутно и несовершенно), а не вместе с материальным атомом

==334

Мысль об удовольствии кажется простой, но па самом деле это не так, и тот, кто исследовал бы ее анатомию, нашел бы, что в ней сокрыто все, что нас окружает, а значит, и все, что окружает окружающее. И причина изменения мыслей в душе та же, что и причина изменения вещей в мире, который она представляет. Ибо механические причины, которые развились в телах, соединены и, так сказать, сосредоточены в душах или энтелехиях и даже находят здесь свой источник. Правда, все энтелехии не являются, как наша душа, образами Бога, так как не все они сотворены для того, чтобы стать членами общества, или государства, где он глава; однако они всегда суть образы универсума. Это миры, представленные в ракурсе, каждый на свой лад, и плодоносные при всей своей простоте; единицы-субстанции, бесконечные по своим возможностям благодаря многочисленности своих модификаций; центры, которым соответствуют окружности с бесконечным радиусом. И как мне уже приходилось разъяснять в переписке с г-ном Арно ', необходимо, чтобы они были именно такими. Их продолжительность не должна никого смущать, как продолжительность атомов не смущает последователей Гассенди Впрочем, как заметил Сократ в Платоновом «Федоне», говоря о человеке, который скребет зудящую кожу 2, от наслаждения до боли часто всего один шаг – *extrema gaudii luctus occipit* 3 Таким образом, не следует удивляться этому переходу 4; иногда кажется, что удовольствие состоит из [набора] маленьких перцепций, на которых каждая в

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org отдельности, если она [достаточно] велика, представляла бы собой боль.

Г-н Бейль признает, что я постарался ответить на большую часть его возражений; он согласен и с тем, что в системе окказиональных причин Бог должен быть исполнителем им же установленных законов, а в нашей системе их исполняет душа Но он заявляет, что у души нет орудий для такого исполнения. Я уже ответил и отвечаю снова они у нее есть, это ее наличные мысли, из коих рождаются последующие. Можно сказать, что в ней, как, впрочем, и везде, настоящее чревато будущим Надеюсь, Г-н Бейль и все философы вместе с ним согласятся, что наши мысли не всегда просты, а некоторые таковы, что Душа сама собой способна переходить от одной мысли к другой, как она переходит, например, от посылок к заключению или от цели к средствам. Преподобный отец Мальбранш сам не отрицает того, что душа обладает

==335

внутренними произвольными действиями. Так почему же этого не может быть во всех ее мыслях? Не потому ли, что решили, будто смутные мысли *toto genere* 5 отличаются от отчетливых, тогда как на самом деле они просто менее определены и менее развиты из-за их множественности. Вот и получилось, что некоторые движения сочли до такой степени присущими телу, что пришлось наименовать их произвольными, и на этом основании решили, что в душе нет ничего, что отвечало бы на них; а с другой стороны, решили, что некоторые абстрактные мысли никак не представлены в теле. Но и то и другое – ошибка, как это обычно бывает при разграничениях такого рода, так как обратили внимание только на то, что лежит на поверхности Самые отвлеченные мысли требуют работы воображения; если же вдуматься, что представляют собой смутные мысли (которыми всегда сопровождаются самые отчетливые мысли, какие только могут у нас быть), например мысли о цветах, запахах, вкусовых ощущениях, жаре, холоде и т. п., то приходишь к выводу, что они всегда вовлекают в себя бесконечное, и не только то, что происходит в нашем теле, но и через посредство тела то, что совершается вовне И они куда лучше, чем эта уйма субстанций, о которых толкует Г-н Бейль, служат здесь нашим целям в качестве орудия, по-видимому необходимого для выполнения функций, какие я придаю душе. Это верно, что к ее услугам имеется уйма субстанций; но они не внутри ее самой. Ибо нет души, или энтелехии, которая не была бы господствующей по отношению к бесконечному числу других, входящих в ее органы, и душа никогда не бывает без какого либо органического тела, подходящего для ее нынешнего состояния. Таким образом, именно из наличных нынешних перцепций с упорядоченной склонностью к изменению, подходящему для того, что имеется вовне, складывается та музыкальная табулатура, которая составляет для души, словно для музыканта, ее урок. «Но, – говорит Г-н Бейль, – разве ей не нужно для этого знать (отчетливо) последовательность нотных знаков и (следовательно) думать об этом уже сейчас?» Нет, отвечаю я, достаточно, чтобы они были включены в ее смутные мысли, подобно тому как душа держит тысячу вещей в памяти, не думая о них отчетливо; в противном случае любая энтелехия была бы Богом, если бы она отчетливо сознавала всю ту бесконечность, которую она в себе заключает. Ведь Бог выражает в совершенной форме и одновременно все:

==336

возможное и существующее, прошлое, настоящее и будущее. Он всеобъемлющий источник всего, и сотворенные команды вторят ему, насколько могут это делать твари; он сделал их источниками их феноменов, источниками, которые располагают связями со всем, но более или менее отчетливыми в зависимости от степеней совершенства каждой из этих субстанций. Что же в этом невозможного? Скорее кажется, что это необходимо, дабы приблизить тварей к Богу, насколько это возможно в пределах разумного. Хотел бы я выслушать какой-нибудь серьезный довод, который обнаружил бы противоречие в моих рассуждениях или доказал, что они несовместимы с какой-нибудь доказанной истиной. Сказать, что все это удивительно, не значит возразить. Наоборот, все те, кто допускает существование нематериальных и неделимых субстанций, признают за ними множественность перцепций одновременно и самопроизвольно до их соображений и волевых актов. А ведь я только распространяю самопроизвольность на смутные и произвольные мысли и показываю, что в их природе – заключать в себе отношения ко всему, что есть вовне. Как вы докажете, что этого не может быть или что необходимо, чтобы все, что есть в нас, было бы нам отчетливо известно? Ведь не можем же мы, не правда ли, все время вспоминать хотя бы и то, что мы знаем и к чему возвращаемся мгновенно под влиянием малейшего случайного напоминания. А сколько еще есть в

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org душе такого, к чему мы не можем получить столь быстрый доступ! Иначе душа была бы Богом, тогда как ей достаточно быть маленьким миром, который оказывается столь же невозмутимым, как и большой, принимая во внимание, что и в смутном, и в отчетливом есть своя самопроизвольность. Но в другом отношении совершенно правильно назвали по примеру древних возмущениями или страстями то непроизвольное и неведомое, что присутствует в смутных мыслях; недаром в обиходном языке существует выражение «душа воюет с телом»: наши смутные мысли – представители тела или плоти, они выражают наше несовершенство.

Так как я уже разъяснил вкратце в своем прежнем ответе, что смутные перцепции охватывают все, что есть вовне, и заключают в себе бесконечные связи с ним, Г-Н Бейль, процитировав мой ответ, не отвергает его; напротив, он говорит, что «это предположение, если его развернуть как следует, есть ключ к решению всех трудных вопросов». Его надежды на то, что я сумею окончательно

==337

разрешить его трудности, делают мне честь. Даже если бы эти слова были сказаны просто из любезности, я не ослабил бы своих стараний. Думаю, что я не обошел ни одного трудного вопроса; если же я что-то пропустил и не дал удовлетворительного ответа, то, значит, я просто не видел, в чем состоит трудность, которую мне хотят поставить в упрек. Это подчас больше всего затрудняет меня при ответе. Мне хотелось бы понять, почему, собственно, вы считаете, что это множество перцепций не может вопреки моему предположению присутствовать в неделимой субстанции. Пускай опыт и общее мнение не позволяют нам признать у нас в душе большого разнообразия перцепций; я все-таки стою на том, что такое предположение правомерно. То, что кому-то непонятна та или другая вещь, еще не доказывает, что о ней невозможно говорить, если вы прямо не скажете, в чем именно она противоречит логике и если вся трудность связана с невозможностью представить себе что-то, а не с невозможностью это понять.

Приятно иметь дело с таким беспристрастным и вместе с тем глубоко вникающим в суть вопроса противником, как г-н Бейль, который отдает справедливость оппоненту в такой мере, что нередко предупреждает его ответы, как, например, когда он заметил, что коль скоро, по моему мнению, первичное устройство каждого ума отлично от устройства любого другого, это должно казаться ничуть не более странным, чем то, что говорят томисты вслед за своим учителем о специфическом разнообразии всех обособленных разумов. Что ж, меня радует, что мы снова сходимся с этим в этом отношении, ибо где-то я уже ссылался на то же имя. Правда, в соответствии со смыслом, который я вкладываю в слово «species», я не называю эту разницу специфической, видовой; если, как я считаю, два индивидуума никогда не бывают абсолютно похожи друг на друга, то пришлось бы сказать, что никогда два индивидуума не могут быть одного вида, что, однако, было бы неправильным суждением. Сожалею, что я не мог до сей поры познакомиться с замечаниями дона Франсуа Лами, сделанными (как сообщил мне г-н Бейль) в его втором трактате «О самопознании» (издание 1699 г.), а то бы я учел их в моих ответах. Но г-н Бейль пожелал избавить меня от таких возражений, какие обычно делаются представителями других систем, – еще одно одолжение, которым я ему обязан. Скажу лишь, что касательно силы, данной тварям, я ответил, по-моему, на все возражения

==338

в мемуаре одного ученого мужа, которые появились в лейпцигском журнале в 1697 г. и на которые ссылается мимоходом г-н Бейль в пункте «S»; мой ответ б опубликован в сентябрьском номере того же журнала за 1698 г. Я показал в нем, что без активной силы в телах не было бы и разнообразия в феноменах, а это было бы равносильно тому, как если бы ничего не было. Этот ученый противник, правда, откликнулся, но высказал, собственно, лишь свое мнение, не касаясь достаточно моих аргументов; он не подумал о том, чтобы ответить на мое доказательство; ему кажется, что предмет таков, что бесполезно дальше кого-нибудь убеждать или пытаться что-нибудь выяснить, а можно только сбить себя с толку. Должно быть, это обычная судьба всех словопрений; но наш спор, между мной и г-ном Бейлем, кажется, другого рода. Я со своей стороны все время заставляю себя соблюдать сдержанность и стремлюсь внести в дело больше ясности, чтобы, споря, не только не причинить вреда, но, напротив, быть полезным противнику. Не знаю, сумел ли я нынче этого достичь, но, хотя я и не могу льстить себя надеждой, что полностью удовлетворил столь пронизательный ум, каким является г-н Бейль, да еще в таком

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org трудном предмете, как тот, о коем идет речь, я уже тем останусь доволен, ежели он сочтет, что я продвинулся вперед в столь важном исследовании.

Не могу не сказать о том удовольствии, которое я вновь, как и прошлый раз, получил от его великолепного и богатого «Словаря»; я прочел с сугубым вниманием многие статьи и в числе прочих те, которые касаются философии, как, например, «Павликианец», «Ориген», «Перейра», «Рорарий», «Спиноза», «Зенон». Я снова испытал восхищение богатством, силой и блеском мыслей, содержащихся в нем ни один представитель древней Академии, не исключая самого Карнрча, не сумел лучше продемонстрировать все трудности философии. Г-н Фуше при всей тонкости своих размышлений не смог достичь этого; что же касается меня, то я полагаю, что нет ничего на свете полезнее для преодоления этих трудностей. Вот почему мне так приятно выслушивать замечания от сведущих и умеющих соблюдать меру людей: я чувствую прилив новых сил, как в сказке об Антее, прикоснувшись к земле. И если говорить откровенно, то, рассмотрев предмет со всех сторон, взвесив все соображения и лишь после этого утвердившись в определенном мнении, я, быть может, имею право не хвастаясь сказать: «*Omnia praeseri*

==339

atque *amto mesum peregi*» 7. Однако возражения выводят меня на правильную дорогу и тем избавляют от немалого труда: ибо нужно изрядно потрудиться, если хочешь заново пройти по всем закоулкам, дабы угадать и предупредить все, что смогут сызнова сказать другие, ведь предубеждения и вкусы столь различны, что нашлись и такие весьма проницательные люди, которых моя гипотеза увлекла с самого начала, и они даже дали себе труд рекомендовать ее другим. Кроме того, нашлись очень ученые люди, сообщившие мне, что они с ней уже знакомы, а другие говорили, что благодаря ей они стали понимать гипотезу окказиональных причин и не ставят ее выше моей. Мне приятно это слышать, но еще приятнее, когда я вижу, что мою гипотезу начинают изучать как следует.

Возвращаясь к статьям Г-на Бейля, о которых я только что говорил и тема которых близко касается этого предмета, хочу сказать, что оправдание тому, что в мире дозволено существовать злу, коренится в вечных возможностях, благодаря которым тот способ мироустройства, который допускает зло и который в свою очередь был допущен к действительному существованию, оказывается в итоге самым совершенным из всех возможных способов. Но заблуждаются те, кто хочет по примеру стоиков показать во всех подробностях пользу зла, которое-де лишь оттеняет добро (к этому взгляду в целом присоединился и св. Августин), и, так сказать, отступают назад, чтобы дальше прыгнуть. Ибо можно ли входить в бесконечные частности всеобщей гармонии? Но если уж надо выбирать одно из двух, то, рассуждая здраво, я сделался бы скорее сторонником Оригена, нежели манихейцем 8. Не думаю также, что следует отрицать действие или силу у тварей на том основании, что они сами были бы способны творить, если бы производили модальности. Ибо не кто иной, как Бог, постоянно творит и сохраняет их силы, т. е. Бог есть тот источник модификаций, который находится в творении, или, пожалуй, то состояние, по которому можно судить о том, что произойдет изменение модификаций. Потому что без этого, я полагаю (и, как уже говорилось, это было показано мной в другом месте), Бог ничего бы не производил и вне его собственной субстанции никаких других бы не существовало, а это возвратило бы нас ко всем нелепостям Бога Спинозы. Как видно, ошибка этого автора лишь в том, что он довел до крайности учение, отнимающее у тварей силу и действие.

==340

Я признаю, что время, протяженность, движение и непрерывность в том общем смысле, какой придается им в математике, суть вещи идеальные, т. е. выражающие возможность совершенно так же, как ее выражают цифры. Гоббс даже пространство определил как *phantasma existen-tis* 9. Но правильнее будет сказать, что протяженность – это порядок возможных сосуществований, подобно тому как время – порядок возможностей не определенных, но тем не менее взаимозависимых. Таким образом, первое относится к вещам одновременным или существующим вместе, а второе – к таким, которые несовместимы друг с другом, но которые все же мы воспринимаем как существующие, и вследствие этого они являются последовательными. Но пространство и время, взятые вместе, создают порядок возможностей всего универсума, так что эти упорядоченности (т. е. пространство и время) предусматривают не только то, что существует в наличности, но и то, что могло бы быть на его месте, подобно тому как числа безразличны по отношению ко

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org всему тому, что может быть *res numerata* '°. Эта вовлеченность возможного в существующее создает единообразную непрерывность, безразличную ко всякому делению. И пускай в природе никогда не бывает совершенно единообразных изменений, таких, какие требует представление математиков о движении, точно так же как действительные фигуры не удовлетворяют строгой природе тех, о коих поведала нам геометрия, ибо действительный мир не остался в безразличии возможностей, но обратился к дроблениям или эффективным множествам, следствием чего являются феномены, которые предстают перед нами и разнообразны в мельчайших своих частях; пусть так, а все же действительные феномены природы устроены и должны быть устроены таким образом, что никогда не встречается ничего, что нарушало бы закон непрерывности (который я установил и о котором упомянул впервые в «Nouvelles de la Republique des Lettres» г-на Бейля) " и остальные самые строгие правила математики. Не говоря уже о том, что вещи не могли бы стать умопостигаемыми, если бы не эти правила, единственно способные (как и правила гармонии, или совершенства, какие устанавливает истинная метафизика) ввести нас в соображения и замыслы Творца вещей. Воистину так велико число бесконечных сочетаний, что мы наконец теряемся; вновь и вновь применяя к вещам правила метафизики, а также математики и физики, мы

==341

принуждены остановиться; однако никогда эти применения не обманывают нас, и если что-нибудь не сходится в точном расчете, то это означает лишь, что мы не сумели правильно собрать факты либо имеется несовершенство в предположениях. В этом применении правил мы будем продвигаться тем дальше, чем более мы способны вести рассмотрение бесконечности, как показали наши последние методы. Итак, математические умозаключения не теряют пользы от того, что они идеальны, так как реальные вещи не могут не следовать правилам математики; и можно с полным правом сказать, что в этом и состоит подлинная действительность феноменов, отличающая их от снов. Сами же математики вовсе не обязаны участвовать в метафизических прениях, и им незачем затруднять себя вопросом, действительно ли существуют точки, неделимые, бесконечно малые и бесконечные величины. Я указал на это в моем ответе по поводу «Записок Треву» (май – июнь 1701 г.), который процитирован у г-на Бейля в статье «Зенон». Кроме того, я писал в том же году, что строгость математических доказательств будет достаточной, если вместо бесконечно малых величин взять величины достаточно малые для того, чтобы можно было доказать, что ошибка меньше той, какую хотел бы обнаружить оппонент, и что, следовательно, никакой ошибки фактически обнаружить невозможно; так что если бы точные бесконечно малые, служащие пределом уменьшения величин, были всего лишь чем-то вроде воображаемых корней или зачатков, это не повредило бы предложенному мной инфини-тезимальному исчислению, иначе исчислению разностей и сумм. Исчисление это с большой пользой применили выдающиеся математики, заблудиться в нем можно, только если его не понимаешь или не умеешь им пользоваться, ибо оно в самом себе содержит свое доказательство. Кроме того, в «Журнале Треву», в том же самом месте, признали, что то, что было сказано там раньше, не противоречит моему методу. Правда, некоторые все еще утверждают, что здесь есть расхождение с методом г-на маркиза де Лопиталья, но я думаю, что и он, как и я, не захочет обременять геометрию метафизическими вопросами.

Я едва не расхохотался, слушая рулады, которыми г-н кавалер де Мере уснастил свое послание к г-ну Паскалю, – г-н Бейль приводит его в той же статье. Но как видно, кавалер знал о том, что у этого великого гения были свои слабости, из-за которых он порой поддавал

==342

крайностям спиритуализма и которые даже отвращали его время от времени от положительной науки; это же, как мы убедились, произошло, но уже бесповоротно с господами Стеноном и Сваммердамом вследствие того, что им не удалось соединить физику и математику с истинной метафизикой. Г-н де Мере пользовался слабостью г-на Паскаля, чтобы говорить с ним свысока. Чувствуется, что он слегка иронизирует над ним, как это делают светские люди, у которых много остроумия и посредственные знания. Они хотят нам внушить, что то, в чем они недостаточно разбираются, вообще не имеет значения. Его бы F следовало отослать к г-ну Робервалю, пусть поучится. И все E же надо признать, что у кавалера были кое-какие незаурядные дарования, прежде всего математические; я узнал от г-на де Бийетта, друга Паскаля и выдающегося механика, что представляет собой это открытие, которым кавалер Похваляется в упомянутом письме. Дело в том, что,

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org будучи страстным игроком, он первым обратил внимание на автоматическую оценку заключаемых пари; это навело т. Ферма, Паскаля и Гюйгенса на блестящие мысли de l'ea 1z, в которых не смог или не захотел разобраться г-н Роберваль. Пенсионарий г-н де Витт развил их дальше и употребил для более серьезной цели, а именно он применяет их для расчета доходов; а г-н Гудде, как сообщил мне г-н Гюйгенс, имеет на этот счет собственные весьма интересные соображения; жаль только, что он держит их, как и многое другое, при себе. Так что даже игры заслуживают исследования, и какой-нибудь догадливый математик, поразмыслив над ними, мог бы сделать много важных умозаключений. Ведь никогда люди не проявляют такой остроты ума, как в забавах. Хочу попутно добавить, что не только Кавальери и Торичелли, о которых упоминает Гассенди в отрывке, процитированном здесь же г-ном Бейлем, но и я сам, а также многие другие нашли фигуры бесконечной длины, равновеликие конечным пространствам. Ничего необыкновенного в этом нет – не более чем в бесконечных рядах, где оказывается, например, что сумма $\sqrt{a} + \sqrt{4} + \sqrt{v} + \sqrt{16} + \sqrt{32}$ и т. д. равна единице. Но быть может, этого кавалера увлек еще какой-нибудь благой порыв, он-то и перенес его, как он выражается, «в сей незримый мир, ту беспредельную протяженность», которая, очевидно, представляет собой мир идей или форм и о которой толковали еще схоласты, ломая голову над вопросом: *utrum detur vacuum forma-*

==343

guin 13. Ибо там, говорит он, «можно обнаружить причины и начала вещей, сокровеннейшие истины, правильности, соответствия, пропорции, подлинные прообразы и совершенные идеи всего, что мы ищем». Этот умозрительный мир, о котором немало говорили древние, – в Боге и в каком-то смысле в нас самих. Однако то, что сказано в письме против деления до бесконечности, свидетельствует о том, что писавший его был еще чужаком в этом горнем мире и приманки земного, зримого мира, о которых он упомянул, не оставили ему времени для того, чтобы приобрести право гражданства в другом мире. Г-н Бейль справедливо говорит вместе с древними, что БОГ занимается геометрией и что математика есть часть умозрительного мира и более всего помогает войти в него. Но лично я думаю, что внутри его сокрыто нечто большее. Я уже намекнул в другом месте, что существует исчисление более важное, чем выкладки арифметики и геометрии, исчисление, которое связано с анализом идей. Им должна быть универсальная характеристика, создание которой представляется мне одной из важнейших задач, которую только можно поставить 14.

==344

ЛЕЙБНИЦ – БЕЙЛЮ

[...] Если единственное остающееся у Вас затруднение, сударь, состоит в допущении принципиальной возможности самопроизвольного движения мыслей, то я не теряю надежды, что и оно когда-нибудь прояснится, ибо все, что пребывает в действии, находится в состоянии перехода и продолжения, и я не знаю ничего в природе, что не подчинялось бы этому правилу. А иначе откуда бы взяться изменениям? Если бы кто-нибудь сказал, присоединяясь к мнению новых философов, что действует один только Бог, ему пришлось бы по крайней мере признать, что Бог пребывает в самопроизвольном движении, вновь и вновь совершая действия над творениями. Следовательно, самопроизвольное движение есть нечто возможное, и теперь понадобилось бы доказывать, что оно возможно только в Боге. Но почему бы души не могли быть подобиями Бога в этом отношении? По правде говоря, если отнять у них действие, а значит, и то, что следует за действием, или переход к другим действиям, то я не вижу, что у них вообще останется. Но даже если бы продолжали утверждать, будто только один Бог действует, нам было бы достаточно сейчас и того, что душа или какая-нибудь иная субстанция уже по этой причине обладает самопроизвольным движением в том смысле, что это самопроизвольное движение происходит в данных обстоятельствах и в данном отношении не иначе как от Бога и от нее самой. И если отвлечься от этого общего для всех содействия и ограничиться только отношениями творений между собой, то у всех субстанций должна существовать некоторая склонность [к самопроизвольности], а вернее, самопроизвольное движение. Вот эта сила или склонность, для которой я не могу найти лучшего обозначения, чем энтелехия, и есть то, что привлекало до сих пор так мало внимания; а между тем среди всех начал нет почти ничего более значительного и более достойного внимания, чем это

==345

начало. Аристотель, хотя и дал ему это имя, все же, по-видимому, недостаточно осознал его значение или по крайней мере недостаточно его объяснил. А так как все-таки, насколько я знаю, делается допущение, что душа обладает такой самопроизвольностью в некоторых случаях, то гипотеза о том, что она будет ею обладать и в других случаях, становится еще более правдоподобной. Но по сути дела это нечто большее, чем гипотеза, — это же относится к максиме, которую я привел в моем сочинении о том¹, что «настоящее всегда чревато будущим, иначе говоря, всякая субстанция должна в своем настоящем выражать все свои будущие состояния. [...]»

Быть может, сударь. Вы знаете кого-нибудь еще, кто высказал свои соображения о моей гипотезе? Г-н де Вольдер о ней другого мнения, чем Вы. Он задает вопрос: нельзя ли обойтись без первичных энтелехий, не достаточно ли будет простых возмущений, присущих материи? Но в таком случае мы потеряли бы субстанциальные единицы, без которых, т. е. без простых вещей, не было бы сложений и результатов. Существовали бы модификации, но не было бы никакого модифицируемого субстанциального субъекта, ибо то, что лишь пассивно, не может иметь активных модификаций: не будучи способной привнести какое бы то ни было добавочное совершенство, модификация сводится лишь к той или иной степени урезывания или ограничения и, следовательно, не может увеличить совершенство субъекта. Не касаясь сейчас многих других соображений, по которым мне пришлось наполнить все душами и энтелехиями, скажу, что неоправданная болезнь признать неразрушимость душ, не наделенных разумением, недоста точное понимание того, что и животное, и даже машина полностью неразрушимы, что смерть есть лишь дальнейшее развитие, отвратили от этого учения тех, кто мог бы прийти к нему раньше меня.

Ученый англичанин², который передал мне Ваши любезные поздравления, собирается возвратиться в Голландию; он познакомил меня с тем, что он Вам написал по поводу одного места в Вашем «Словаре», где говорится о Диккархе, который, по словам Цицерона, отрицал, что душа субстанциальна, и сводил ее к температуре либо модификации материи, или протяженной массы. Примерно так же поступал один из собеседников в Платоновом «Федоне»: он говорил, что душа — это некая гармония. И в этом же духе рассуждают, по-моему, Эпикур, Гоббс

==346

и Спиноза. Эпикур признает лишь игру мельчайших телец. Гоббс все сводит к телам и объясняет чувство реакцией наподобие реакции надутого мяча. А Спиноза доказывает, что душа — это идея тела, т. е. относится к нему так, как математическая фигура или тело относятся к физическому телу. Именно так, в определенном смысле, картезианцы представляют себе душу у животных. Хорошо еще, что они не наделяют ее перцепцией, а видят в животном лишь машину.

По-видимому, сей просвещенный англичанин тоже считает, что материя может сделаться мыслящей, подобно тому как она может стать круглой; по его мнению, определенная организация или даже определенная фигура способна производить мысль. А когда эта организация разрушается, мысль исчезает. Но я осмелился возразить ему, что мысль явным образом есть нечто совсем другого рода. Будь у нас даже такое острое зрение, что мы могли бы видеть мельчайшие частицы структуры тел, то и тогда, думается мне, мы не продвинулись бы ни на шаг и не увидели бы, откуда берется перцепция, совершенно так же, как сейчас невозможно обнаружить ее ни в часах, где хорошо видны все составляющие части механизма, ни в мельнице, где можно даже прогуляться между колесами; ведь разница между мельницей и более тонко устроенной машиной лишь количественная. Легко понять, что машина, хотя и производит самые красивые на свете вещи, сама этого не воспринимает. Среди видимых вещей нет ничего более похожего на мысль, чем изображение, какое появляется в зеркале, и следы в мозгу не могли бы быть точнее, однако это столь точное изображение не производит никакой перцепции в том месте, где оно находится. К этому невозможно приблизиться, какие бы гипотезы о машинах ни измышлялись, и мы останемся бесконечно далеки от этого, потому что речь идет о вещах абсолютно разнородных, подобно тому как отражающая поверхность, какая угодно, не в состоянии создать тело. Понятно также, что, коль скоро мысль есть действие некоторой вещи на самое себя, нет никаких оснований приравнять ее к изображениям или движениям, в которых нельзя обнаружить принцип истинно внутреннего действия; но при этом необходимы простые существа, иначе не было бы существ сложных, т. е. образованных путем соединения многих, хотя эти последние суть не столько субстанции, сколько феномены, и существуют

==347

(т е. скорее в моральном и рациональном смысле, нежели физически), говоря словами Демокрита. И если бы не было изменения в простых вещах, то в сложных не было бы его и подавно, потому что вся их реальность состоит всего лишь в реальности простых вещей. Внутренние же изменения в простых вещах однородны с тем, что мы усматриваем в мысли, и можно сказать, что в общем и целом перцепция есть выражение множества в единице. Вы, сударь, не нуждаетесь в том, чтобы Вас просвещали относительно нематериальности мышления, Вы, кто так замечательно сказал об этом во многих местах. Тем не менее, если присовокупить эти доводы к моей частной гипотезе, они, я думаю, прибавят ей ясности, да и сами от этого вы играют.

==348

ПРОТИВ ВАРВАРСТВА В ФИЗИКЕ ЗА РЕАЛЬНУЮ ФИЛОСОФИЮ И ПРОТИВ ПОПЫТОК ВОЗОБНОВЛЕНИЯ СХОЛАСТИЧЕСКИХ КАЧЕСТВ И ХИМЕРИЧЕСКИХ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Злой рок приводит к тому, что люди в каком-то отвращении к свету предпочитают вернуться к тьме. Мы наблюдаем это ныне, когда большая доступность учения породила пренебрежение к науке, а изобилие самых ясных истин возвратило любовь к запутанным выдумкам. Умам присуща такая страсть к разнообразию, что среди изобилия плодов люди словно хотят вернуться к желудям. Слишком ясной и легкой кажется им физика, которая все в природе тел объясняет числом, мерой, весом или величиной, фигурой, движением и учит, что всякое движение в природе заимствуется от чего-то смежного и движущегося, так что все физическое происходит механически, т. е. понятным образом. Нет, надо вернуться к химерам, к археям, к каким то творческим интеллигенциям, направленным к образованию зародыша и позднее к сохранению животного, то бодрым и смелым, то робким и подавленным и наподобие живых личностей в унынии бросающим повод. Наблюдение показывает, что душевное состояние имеет большое значение для хода болезни, и это не удивительно, ибо радостное настроение всегда сопровождается умеренными движениями, а тягостное – бурными; но это для некоторых послужило поводом выдумать внутри животных каких-то начальников, которые, смотря по обстоятельству, раздражаются, успокаиваются, возбуждаются, замирают, – то общих, приставленных к управлению всем телом, то местных, ведающих определенными членами или органами, – кардианактов, растеранактов 2 и других им подобных. И удивительно еще, что они не учат вызывать этих духов заклинаниями, как некий монах, доискиваясь

==349

философского камня, вызвал дух ртути. Правильно посту пили бы они, если бы признали в организации животных некий божественный механизм, но они ничего не считают достаточно божественным, кроме противоречащего разуму, а происходящее в... телах считают столь 3 сложным, что даже божественное всемогущество не могло бы создать такие машины. Недостаточно понимая божественные творения, они думают, что творение должно заключать в себе распорядителей. И вот Бог (чтобы ему не приходилось постоянно творить чудеса) пользуется помощью каких-то замещающих его божков в представлении тех, кто в прежнее время приписывал движение светил их собственным интеллигенциям

Другим угодно прибегать к скрытым качествам и схоластическим способностям, но так как их обеславили варварские философы и медики, то, изменив название, говорят о силах. Но действительные силы тел бывают только одного рода – это силы, которые проявляются в сообщаемых ими устремлениях, например когда мы бросаем какое-нибудь тело, или которые 4 имеют место при нечувствительных движениях А иные воображают частные силы и разнообразят их, как понадобится. Выставляют на показ способности притягательные, удержательные, отталкивательные, направительные, распространительные, сократительные. Это было простительно Гильберту и Кабею и даже в недавнее время Гонорату Фабри, когда еще не стал известным или не получил еще надлежащего признания здравый способ философствования. Ныне же никакой разумный человек не может вынести эти химерические качества, которые они выдают за последние начала вещей. Позволительно признавать силы магнитные, упругие и другие, но при условии понимания того, что это не первичные и не иррациональные (SXoуoi) силы, а

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org возникшие из движения и фигур Но этого не хотят новейшие защитники таких вымыслов. В наше время получила подтверждение давнишняя догадка тех, кто предположил, что планеты тяготеют друг к другу и стремятся сблизиться; тотчас же захотелось вообразить, что всем материальным телам в их сущности придана Богом притягательная сила и как бы взаимная любовь и как будто бы в материи было сознание и каждой ее части дано некое разумение, при помощи которого возможно и между отдаленнейшими телами взаимное восприятие и устремление. Как будто бы не участвовали механические основания, дающие воз-

==350

можность объяснить устремление плотных тел к большим мировым телам движениями тонких тел, пронизывающих пространство. Те же философы угрожают нам и другими скрытыми качествами такого же рода, чтобы окончательно вернуть нас в царство тьмы. Прежде всего древние, а по их примеру и новейшие философы не без успеха пользовались для объяснения природы вещей промежуточными началами, хотя и не объясненными в достаточной степени, но объяснимыми и подающими надежду сведениями их к более глубоким и простым и, наконец, к первым началам. По-моему, заслуживает похвалы всякое сведение сложного к более простому. В познании природы надо подвигаться постепенно, ибо нельзя сразу дойти до первых причин. Те, кто показал, что, предположив взаимное тяготение планет, можно объяснить законы их обращения, совершили великое дело, хотя и не раскрыли сущность тяготения. Но если кто, злоупотребляя этим прекрасным открытием, станет утверждать, что дано уже достаточное объяснение и что не остается надобности искать для него дальнейших оснований, так как тяготение – существенная принадлежность материи, то впадет в физический варваризм, допуская скрытые качества схоластиков. Кроме того, здесь примышляется нечто такое, чего нельзя подтвердить наблюдением, ибо до сих пор у нас не было указано никаких следов всеобщего тяготения материи, кроме той силы, которая толкает все осязаемые тела к центру земли. Итак, надо остерегаться, как бы не умозаключили от немногочисленных к всеобщему, подобно тому как Гильберт повсюду видит магнит, химики повсюду чувствуют запах соли, серы, ртути. Но такие методы объяснения обычно оказываются недостаточными, и часто из принятых предпосылок выводятся положения не только недостоверные, но ложные и невозможные, каковым является это всеобщее устремление материи к материи.

За причины физики принимали либо вещи, либо качества. Вещи, или элементы, например воду – Фалес, огонь – Гераклит, другие... 5 четыре элемента, вслед за каким-то древнейшим автором – огонь, воздух, воду, землю, и это популярное мнение восприняли автор книг «О возникновении и уничтожении» 6, автор приписываемого Оцеллу Лукану сочинения «О мире» и Гален; пятый элемент, звездный 7, добавил, по-видимому, Аристотель. Затем древнейшие химики приняли серу и ртуть, более

==351

поздние – соль, серу и ртуть, а к этим активным первым материям прибавили пассивные – флегму и остаточную землю. Это подверг пересмотру Бойль в «Химике-скептике». Новейшие химики в качестве активных начал ввели щелочь и кислоту, о недостаточности которых писал Боний. Были и такие, которые полагали бесчисленное множество начал, как Анаксагор, автор «Гомеомерий», и такие, которые придают вещам семена, каждой особые – не только животным и растениям, но также металлам, минералам и прочему.

Обращались иные и к неким бестелесным субстанциям, действующим в телах, как-то: душе мира, частным душам в любых телах; придавали всем вещам сознание, например Кампанелла в книге «Об ощущении вещей и о магии». Генрих Мор дал им и гилархическое 8 начало, соответствующее душе мира, против чего возражал Штурм 9. Говорили уже древние и о некоей мудрой природе, действующей целесообразно и не творящей ничего без смысла, – философия, заслуживающая похвалы, если подразумевать Бога или устройство, предустановленное Богом в вещах, иначе тщетная. Некоторые придают вещам различные архей, как бы единичные души, или духи, скорее всего, это божки, некие творческие субстанции, чудесно разумные, которые строят органические тела и управляют ими. Наконец, были и такие, которые призывали Бога и богов *ex machina*; так, язычники выдумали, что Юпитер посылает дождь и гром, наполнили леса и воды богами или полубогами. Некоторые древние христиане и в нашем веке Флудд, автор «Мозаистической философии», убедительно опровергнутый Гассенди, а в недавнее время авторы и сторонники системы

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
окказиональных причин учили, что Бог не посредственно и непрерывно творит чудо в вещах при роды.

Все упомянутые пользовались в качестве причин субстанциями, но иные добавляли качества, которые называли также способностями, свойствами, а в последнее время – силами. Таковы были у Эмпедокла симпатия и антипатия, или раздор и дружба; таковы у перипатетиков и галенистов четыре первичных качества – тепло, холод, влажность и сухость. Таковы были чувствительные и интенциональные (*intentionales*) виды (*species*) у схоластиков, а также изгонительные, удержательные, изменительные способности у медиков, учивших в варварские века. В недавнее время действием тепла пытался многое

==352

Л объяснить Телезий; некоторые химики, прежде всего гельмонтианцы и Маркус Марци, ввели некие действующие идеи (*ideas operatrices*). В последнее время в Англии некоторые попытались вновь обратиться к притягательным и отталкивательным силам, о которых вскоре будет сказано больше. Надо упомянуть и тех, которые представляют движение наподобие какой-то бестелесной субстанции или пифагорейской души, переходящей из тела в тело. И многие из принимающих в качестве начал субстанции приписывали им необъяснимые качества; так, элементам – свои особые несовместимости и сродства, силы брожения, растворения, свертывания, возгонки, археям – особые действующие идеи, особые творческие свойства. Против этого недавно выступил Бойль. Против четырех качеств как достаточных оснований уже в древности возражал автор приписываемой Гиппократу книги «О древней медицине», Сеннерт добавил независимые от этих четырех качеств болезни, которые он приписывал целым субстанциям.

Некоторые из перечисленных не заслуживают упрека и даже заслуживают похвалы за то, что пытались более сложные тела или качества представить какими-то более простыми. Например, огнем, воздухом, водой, землей; затем солями, растворимыми в воде, маслами или серами, распадающимися в огне, известиями или землями, сопротивляющимися огню, спиртами или водами, избегающими огня: многое неплохо объясняется этим, т. е. осязаемые эффекты объясняются причинами, также доступными ощущению. Это весьма важно практически для подражания природе и для ее усовершенствования: ее, так сказать, привычки необходимо тщательно наблюдать в растительном и животном царстве, особенно в части распространения, роста, убывания. С пользой будем мы наблюдать, как тела, насильственно разъединенные или родственные им, легко вступают в соединение, даже изгоняя другие; увидим, что многие тела минерального царства – это истинные продукты природной химической лаборатории, полученные под воздействием огня, ныне подземного, а некогда хватывавшего всю земную кору, одни тела – остеклянивавшего, а другие, испаримые, – изгонявшего. Отсюда мы казали возможность объяснять природу моря, песков, кал, камней, земель и многих обнаруживаемых в них качеств. Однако остается еще множество наблюдаемых нами

==353

эффектов, которые не удалось свести к осязаемым причинам. Таковы действия магнита, таковы особые силы простых тел", ничем не обнаруживаемые в частях, которые можно из них извлечь при помощи химического анализа, как это проявляется в ядовитых и лекарственных растениях. Поэтому мы иногда прибегаем к аналогии, и это приводит к успеху, если удастся по сходству с немногими примерами объяснить весьма многое. Так Гильберт, первый обстоятельно и не без успеха писавший о магнетизме, высказал предположение, что и во многих других телах скрывается магнетизм. В этом он, однако, кое когда и ошибался, как и Кеплер, вообще говоря выдающийся ученый, который выдумал какие то магнетические волокна на планетах, обладающие свойствами притяжения и отталкивания. Так, на основании немногих опытов с насосами и мехами заурядные философы измыслили какое-то избегание пустоты, пока Галилей не показал, что приписываемая этому избеганию сила так называемых всасывающих насосов и сопротивление разрыву тел, на место которых не может проникнуть воздух, преодолимы; после чего Торричелли раскрыл существующую в природе очевидную причину этих явлений в тяжести окружающего воздуха. Итак, не было оснований приписывать природе какое то качество отвращения к пустоте – достаточно того, что все пространство раз навсегда заполнено и что материя, в точности заполняющая место, не может быть сжата до меньшего объема, чтобы мы признали, что пустота не может быть создана никакой силой. Относительная пустота (*vacuum sensibile*), которую мы производим при помощи машин и которая, как долго

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org думали, вызывает у природы страх и отвращение, не исключает существования более тонких тел. Итак, нередко ученые или выдумывали то, чего не было. или слишком далеко заходили в выводах из некоторых наблюдений; вместе с тем следует одобрить, что они высказали достойные внимания догадки, которые оправдались по крайней мере в некоторых случаях, и установили некоторые подчиненные положения, исходя из которых можно постепенно продвигаться в исследовании причин.

Но заслуживают порицания те, кто эти подчиненные начала принял как первичные и необъяснимые, как и те, кто измыслил чудеса – бестелесные понятия, производящие, оформляющие, направляющие тела, кто установил такие четыре элемента и четыре первых качества, в которых заключается последнее основание всех вещей, кто. не

==354

довольствуясь признанием некоторой силы, позволяющей /переливать жидкости при помощи насоса и препятствующей расправлению меха, не имеющего отверстия) 12, принимает боязнь пустоты в природе как первичное, существенное и непреодолимое качество, а также те, кто, не довольствуясь признанием качеств скрытых, т. е. до сих пор не раскрытых, как признаем их мы. измыслил качества навеки скрытые, иррациональные и необъяснимые, которые никакой гений не может познать и сделать понятными.

Таковы те, кто в увлечении успехом, позволившем установить, что великие мировые тела нашей системы 13 проявляют взаимное притяжение в целом и в ощутимых частях 14, воображает, что любое тело притягивается любым другим вследствие самой силы материи: то ли будто подобное радо подобному и чуёт его даже издали, то ли Бог, творя непрерывное чудо, заставляет их устремляться одно к другому, будто под влиянием таких чувств. как бы то ни было, они не могут свести это притяжение к толчку или вообще к объяснимому основанию (как это уже сделал Платон в «Тимее»), да и не хотят, чтобы это было возможно. Семена этой теории мы находим у Роберваля в «Аристархе», и их убедительно критикует Декарт в одном письме к Мерсенну, хотя Роберваль не исключал механических причин. Удивительно, что в наш просвещенный век находятся люди, которые рассчитывают убедить мир в столь далекой от разумных оснований теории.

Локк в первом издании своего «Опыта о разумении», как и должно было, установил, а его выдающиеся соотечественники Гоббс, Бойль и многие другие подтвердили физический механизм – тело движется только от толчка соприкоснувшегося с ним тела. Но после того он, следуя, как я думаю, более авторитету друзей, чем собственному суждению, пересмотрел свое мнение и допустил, что в существе материи могут таиться какие-то чудесные свойства; это то же самое, как если бы кто думал, что в числе, времени, пространстве, движении, взятых сами по себе, таятся скрытые качества, т. е. стал бы искать узел на былинке и хотел бы насильно сделать ясное темным.

Прекрасно опроверг все это Роберт Бойль, изгнав нить Франциска Лина и Томаса Альбиа, связывающую материальные тела, которая предполагает, правда, нечто воображаемое и необъяснимое, что делает ее неразрываемой, но все же материальной и более понятной (благодаря

==355

сплошности), чем эта неслышанная и нематериальная сила, действующая притягательно на любом расстоянии без каких либо приспособлений в промежутке, неразумнее чего едва ли можно и выдумать что-либо на свете. А между тем эти люди воображают, что сказали нечто превосходное. Пусть же они после этого сошлются еще на влияния, излучаемые небесными светилами и мгновенно распространяющиеся в среде, – механизм, при помощи которого когда-то схоластики пытались сделать более понятным действие на расстоянии. Что сказали бы об этом Декарт или Бойль, если бы они воскресли, с каким только негодованием они не обрушились бы на эту новоявленную химеру! От этой мысли о присущей материи силе притяжения ее сторонники вынуждены были перейти к допущению пустоты, ибо тщетным останется всеобщее притяжение, если все чем-то заполнено; но пустота по другим соображениям изгоняется в истинной философии. Сам я в молодости в книжке под названием «Физическая гипотеза» 15 попытался свести все явления к трем деятельным качествам, а именно к тяготению, силе упругости и силе магнетической; но я не отрицал, а, напротив, определенно признал, что они должны получить объяснение из простейших и подлинно первичных понятий величины, фигуры и

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
движения.

Первым Демокрит вместе с Левкиппом попытался очистить физику от иррациональных {dLpprw) качеств и объявил, что качества происходят из мнения – $\tau\iota\omicron\iota\omicron\tau\tau\iota\omicron\tau\iota$; $\epsilon\lambda\upsilon\tau\iota$ и представляют собой как бы видимость, а не подлинные вещи. Одно только иррациональное качество он оставил – непреодолимую твердость своих атомов – также вымысел, который заставил его принять и пустоту; так всегда ошибки порождают новые ошибки. Эпикур добавил еще два измышления – тяготение атомов и беспричинное отклонение, которое остроумно высмеял Цицерон. Аристотель в своей «Физике» пошел дальше по верному пути и высказал против пустоты и атомов те же возражения, которые возобновили Декарт и Гоббс. Другие сочинения, в которых его философия представляется не столь глубокой, или не принадлежат ему, или написаны для непосвященных ($\lambda\epsilon\upsilon\tau\epsilon\pi\iota\chi\iota$). Гассенди также сохранил эти две иррациональности ('аррт)та хqci 'олоуа) – атомы и пустоту. Кенельм Дигби с Томасом Английским в своем большом философском труде (ибо я не касаюсь удивительных побасенок в его книжке о симпатиях), вообще

==356

небесполезном, сохранил только абсолютное сгущение и размежевание, и также поступил Гонорат Фабри, который поэтому принял помимо тяготения и эластическую силу как нечто первичное. Галилео Галилей, Иоаким Юнг, Рене Декарт, Томас Гоббс, с которым, за изъятием атомов и пустоты, можно присоединить и Гассенди, и их последователи [полностью очистили физику от необъяснимых химер и 16, вернувшись к Архимедову применению математики в физике, полностью очистили философию от необъяснимых химер и показали, что все телесное в природе должно быть объяснено механикой. Но, не говоря уже о малообоснованных механических гипотезах, которыми они иногда злоупотребляли, они недостаточно уяснили себе истинные метафизические начала и основания движения и зависящие от них законы природы.

Этот недостаток я и попытался восполнить и показал наконец, что хотя все в природе происходит механически, однако основания механизма лежат в области метафизики и законы движения и природы порождены не абсолютной необходимостью, а волей мудрой причины, которая действует не по чистому произволу, а сообразно с вещами; что массе должна быть придана сила, но не иная, чем та, которая происходит от приложенного натиска; что вместо археев, интеллигенции или творческих способностей (facilitations plasticis), инстинктов, антисимпатических или подобных качеств для объяснения действий, особенно в органических телах растений и животных, достаточно силы божественного механизма с сохранением только восприятия и устремления души, но с устранением всякого физического влияния тела на душу или души на тело. И даже более того, хотя не все тела органические, однако во всех неорганических скрываются органические, так что вся масса, на вид бесструктурная и сплошь однородная, внутри не однородна, а дифференцирована, притом не бесформенно, а упорядоченно. Таким образом, везде присутствует организм, нигде нет хаоса, недостойного мудрой природы, и все органические тела в природе одушевлены, но души и тела не обмениваются между собой присущими им законами. Все в телах происходит через фигуры и движения, все в душах – через восприятия и устремления; в Душах – царство конечных причин, в телах – царство производящих причин, и эти два царства независимы одно от другого, но находятся в гармонии между собой; Бог (конечная и производящая причина, общая всем вещам)

==357

сообразует все вещи с их целями через спонтанные промежуточные ступени, души и тела, неуклонно следующие своим законам, согласуются между собой в силу предустановленной Богом гармоник без физического взаимодействия, и в этом сокрыто новое и прекраснейшее утверждение Божества

Наконец, тела – это только агрегаты, составляющие единство лишь окказионально или по внешнему наименованию, и потому они с полным основанием должны быть отнесены к явлениям; только монады (среди которых прежде всего души и среди душ – духи) являются субстанциями, и отсюда неуничтожаемость всех душ (которая для сознания означает и подлинное личное бессмертие) оказывается вне сомнений. Так возникает высшая метафизика и этика, т. е. естественная теология и вечная божественная юриспруденция, и из познания причин вещей проистекает наука истинного счастья.

==358

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО УЧЕНИЯ О ЕДИНОМ ВСЕОБЩЕМ ДУХЕ

Многие остроумные люди думали и думают еще и ныне, что существует только один дух – всеобщий, оживотворяющий весь универсум и все его части – каждую сообразно ее строению и тем органам, которые он находит, – подобно тому как одно и то же дуновение ветра заставляет различно звучать трубы органа. Таким образом, если у животного органы хорошо устроены, то в нем дух этот производит впечатление как бы отдельной души, если же органы повреждены, то эта отдельная душа обращается в ничто или возвращается, так сказать, в океан всеобщего духа.

Многим казалось, что Аристотель придерживался подобного мнения, которое возобновил Аверроэс, знаменитый арабский философ. Он полагал, что в нас существует разум деятельный (*intellectus agens*), а также разум страдательный (*intellectus patiens*), что первый, привходящий извне, вечен и универсален, для всех общ. страдательный же разум, будучи для каждого отдельным, исчезает со смертью человека. Это учение было два три века назад принято некоторыми перипатетиками, например Помпонаци. Контарини и др., следы его мы находим и у покойного Ноде. как об этом свидетельствуют его письма и недавно изданная «Нодеана» Перипатетики преподавали это учение тайно своим самым близким и способным ученикам, тогда как публику они ловко заверяли, что учение это в самом деле истинно с точки зрения философии, под которой они разумели преимущественно аристотелевскую, но что оно ложно с точки зрения веры; отсюда и возникли споры о двойственной истине, учение о которой было осуждено на последнем Латеранском соборе.

Мне говорили, что большую склонность к указанному мнению имела королева Христина, а так как им проникнут был Ноде. бывший ее библиотекарем, то весьма вероятно,

==359

что именно он сообщил ей сведения о тайных учениях знаменитых философов, которых он изучал в Италии. Спиноза, допускающий существование только одной субстанции, не очень отклоняется от учения о едином всеобщем духе, и это же учение бессознательно устанавливают новейшие картезианцы, которые утверждают, что действует один только Бог. По-видимому, в пользу этого мнения о субботе, или упокоении души в Боге, склонялись также Молинос и некоторые другие новейшие квиетисты (между прочим, один писатель, предшественник Молиноса, называющий себя Иоанном Силезским Ангелом, некоторые труды которого были недавно вновь изданы), и даже еще ранее их – Вейгель. Вследствие этого они думали, – что прекращение отдельных отправлений есть состояние высшего совершенства.

Правда, философы-перипатетики не признавали этот дух вполне всеобщим, так как кроме интеллигенции, одушевляющих, по их мнению, светила, они допускали особую интеллигенцию для нашего мира и именно эта интеллигенция играла у них роль деятельного разума в душах человеческих. Они склонялись к этому учению о бессмертной душе, общей для всех людей, на основании ложного рассуждения, так как предполагали, что актуально бесконечное множество невозможно и что поэтому нельзя допустить, чтобы существовало бесконечное множество душ, а между тем оно должно было бы существовать, если бы отдельные души сохранялись. Ведь мир, по их мнению, вечен и род человеческий также; при рождении же постоянно новых душ и при предположении, что все они сохраняются, пришлось бы допустить их уже теперь актуальное бесконечное множество.

Это рассуждение сходило у них за доказательство. Между тем оно полно ложных предположений, ибо нельзя согласиться с ними ни в том, что актуальная бесконечность невозможна, ни в том, что человеческий род существовал вечно, ни в том, что рождаются все новые и новые души, так как ведь учили же платоники о предсуществовании душ, а пифагорейцы – об их переселении, причем они утверждали, что постоянно существует некоторое определенное число душ, которые и претерпевают превращения.

Учение о всеобщем духе само по себе хорошо, ибо все те, кто его проповедует, допускают в самом деле существование Божества – все равно, думают ли они, что этот Всеобщий Дух есть верховное начало (ибо тогда они

==360

принимают его за самого Бога), или верят вместе с каббалистами в то, что Бог его сотворил. Таково именно было мнение англичанина Генриха Мора и некоторых других новейших философов, в особенности химиков, полагавших, что существует всеобщий архей, или душа мира 2. Иные утверждали даже, что это-то и есть Дух Господень, который носился над водами, как об этом говорит начало книги Бытия.

Но когда заходят так далеко, что утверждают, будто этот всеобщий дух есть единственный дух и что не существует отдельных духов или по крайней мере что существование этих отдельных душ прекращается, то при этом, мне кажется, выходят за пределы разума и без какого-либо основания выдвигают учение, о котором даже не имеют отчетливого понятия. Рассмотрим несколько ближе выдвигаемые доводы, которыми хотят обосновать это учение, уничтожающее бессмертие душ и низводящее человеческий род и даже все живые существа с того места, какое им принадлежит и какое за ними обыкновенно признавалось. Мне кажется во всяком случае, что мнение, имеющее столь важное значение, должно быть доказано и что недостаточно иметь о нем только образное представление, которое на самом деле основывается только на весьма шатком сравнении духа с дуновением ветра, оживляющим музыкальные органы.

Я показал выше, что пресловутое доказательство перипатетиков, утверждавших, будто существует только один дух, общий для всех людей, не имеет никакой силы и основано лишь на неверных предположениях. Спиноза думал, что доказал существование единой субстанции в мире, но его доказательства жалки и невразумительны. Точно так же и новейшие картезианцы, полагавшие, будто один БОГ действует, не дали этому доказательств, не говоря уже о том, что отец Мальбранш, по-видимому, допускает по крайней мере внутреннюю деятельность отдельных духов.

Одно из более очевидных оснований, которое приводилось против признания отдельных душ, заключалось в ссылке на затруднения, которые встречались при указании их происхождения. Схоластики много спорили о происхождении форм, под которыми они разумели и души. Мнения сильно разделялись по вопросу о том, происходит ли при этом выведение душ из силы самой материи (эдукция), подобно тому как фигура извлекается

==361

из мрамора, или совершается передача душ (традукция), так что одна душа рождается от предыдущей, подобно тому как огонь загорается от другого огня, или, далее, души уже существуют и только обнаруживаются вместе с рождением животного, или, наконец, души творятся Богом каждый раз, как происходит новое рождение.

Те, кто отрицал отдельные души, думали выйти этим способом из затруднений, но это значило бы разрубить узел, а не распутать его, и не может иметь никакой силы аргумент, построенный таким образом: «Данное учение неверно, так как толкования его были разнообразны». Это способ рассуждения скептиков, и если бы он был удобоприемлемым, то не было бы почти ничего, что нельзя было бы отвергнуть. Опыты нашего времени приводят нас к убеждению, что души и даже животные всегда существовали, хотя бы в малом размере, и что рождение есть особого рода увеличение. При этом исчезают и все трудности объяснения происхождения душ и форм. Этим мы не отказываем Богу в праве творить новые души или делать более совершенными те, которые уже существуют в природе; мы говорим лишь о том, что делается в обычном порядке природы, не входя в специальный образ действий, какой БОГ может принять по отношению к человеческим душам, которые могут иметь привилегированное положение, так как бесконечно превосходят души животных.

Тому, что люди умные принимали учение о едином всеобщем духе, много содействовало, по моему мнению, то обстоятельство, что ходячая философия распространяла касательно отдельных душ и отправлений души независимо от тела и его органов учение, которое она не в состоянии была достаточно оправдать. Совершенно законно было желание таких философов отстоять бессмертие души, как согласное с божественными совершенствами и с истинной моралью; но, видя, что смерть расстраивает, а затем и совершенно разрушает органы, наблюдаемые у животных, они сочли себя обязанными прибегнуть к предположению об отдельности и независимости душ, т. е. к предположению, что душа может существовать без тела, сохраняя при этом все свои мысли и отправления. И чтобы лучше отстоять это положение, они старались доказать, что душа уже в здешней жизни имеет идеи

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
отвлеченные и независимые от идеи материальных. Конечно, те, кто отвергал такую
отдельность и независимость душ. как противоречащие опыту и разуму, тем более
были склонны верить в уничто-

==362

жение отдельной души и в возможность сохранения только одного всеобщего духа.

Я тщательно рассматривал этот вопрос и показал, что в самом деле в душе есть
некоторые материалы, или предметы познания, недоставляемые внешними чувствами, а
именно сама душа в ее отправления (nihil est in intellectu quod non fuerit in
sensu nisi ipse intellectus), и с этим легко согласятся те, которые стоят за
всеобщий дух, ибо отличают же они его от вещества; но я утверждаю все-таки, что
не существует отвлеченной мысли, которая бы не сопровождалась некоторыми
материальными образами, или следами: я установил полнейший параллелизм между
тем, что происходит в душе. и тем. что совершается в вещество, показав, что душа
с ее отправлениями есть нечто отличное от материи, но что все-таки она всегда
сопровождается вещественными органами, а ее отправления всегда сопровождаются
отправлениями органов, которые должны соответствовать первым, и что соотношение
это взаимно и всегда будет таковым.

Что же касается полного отделения Друг от друга души и те та. го хотя я и не
могу ничего сказать о законах благодати и о том, что Бог установил их, в
частности, касательно человеческих душ, кроме того, что сказано в св. Писании
(так как это вещи, которые невозможно познать разумом и которые зависят
непосредственно от божественного откровения), тем не менее я не вижу ни со
стороны религии, ни со стороны философии никаких оснований, которые бы заставили
меня отказаться от учения о параллелизме души и тела и допустить полное их
разделение. Почему бы душа не могла всегда сохранить тончайшее, особым образом
организованное тело, которое могло бы впоследствии при воскресении взять вновь
то, что ему необходимо, от видимого тела? Ведь блаженным приписывают же тело
прославленное, а древние отцы церкви приписывали и ангелам тончайшее тело.

Это учение согласно, впрочем, и с естественным порядком природы, известным нам
из опыта. Наблюдения весьма искусных наблюдателей приводят нас к заключению, что
зачатие животных совершается не тогда, когда это кажется толпе, и что семенные
животные или животные семена существовали уже с самого начала вещей 3 По закону
же порядка и по разуму выходит, что то, что существовало изначально, не может
иметь и конца. Если, таким обра-

==363

зом, рождение есть только увеличение животного, которое преобразовывается и
развивается, то и смерть может быть лишь уменьшением животного, которое
преобразовывается и свертывается, причем само животное сохранится во всех своих
превращениях, подобно тому как шелковичный червь и его бабочка – одно и то же
животное. При этом надо заметить, что природа имеет предусмотрительность и
благодать открывать нам свои тайны на некоторых небольших образчиках, чтобы мы
могли на основании общего соответствия и гармонии судить об остальном. Таким
образом. посредством превращения гусениц и других насекомых – так как и мухи
происходят из червей – она и заставляет нас догадываться, что превращения
совершаются везде. Опыты над насекомыми разрушили обычное мнение, что эти
животные зарождаются из пищи 4. без осеменения. Точно так же в птицах природа
дала нам образец происхождения всех животных посредством яиц, и это заставило
в настоящее время признать новейшие открытия.

Опыты с микроскопами показали также, что бабочка есть не что иное, как развитие
гусеницы, а главное, что семена содержат уже образовавшееся растение или
животное, хотя и необходимо для них превращение и питание, или возрастание,
чтобы стать одним из животных, заметных для наших обыкновенных чувств. И так как
самые крошечные насекомые происходят также путем полового размножения, то это же
должно предполагать и о маленьких семенных животных, а именно что они сами
происходят от других семенных животных, еще меньших, и что, таким образом, они
возникли не иначе как вместе с началом мира, что согласно и со св. Писанием,
намекающим на то, что прежде всего были семена.

Природа дала нам на примере сна и обморока образчик, по которому мы можем
судить, что смерть есть не прекращение всех отправлений, но только приостановка

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org некоторых, более заметных. И я выяснил в другом месте важный момент, невнимание к которому облегчило людям путь к мнению о смертности души, а именно что в нас есть большое количество маленьких восприятия, равных друг другу уравновешенных друг с другом, которые, не выделяясь и не имея ничего отличительного, бывают поэтому незаметны, так что о них невозможно и помнить. Однако заключать отсюда, что душа в этом случае совсем не совершает никаких отправлений, значило бы то же, что думать вместе с толпой, что там, где нет заметного

==364

вещества, нет ничего или существует пустота или что земля неподвижна, так как движение ее, будучи однообразно и совершаясь без толчков, совершенно незаметно. Мы испытываем множество маленьких восприятия, которых не в состоянии различить: оглушительный шум, как, например, ропот собравшейся толпы, состоит из множества маленьких ропотов отдельных лиц; отдельно их заметить невозможно, но тем не менее мы ощущаем их, иначе не ощущали бы мы и целого. Поэтому, если животное лишено органов, способных доставлять ему достаточно отдельные восприятия, то из этого вовсе не следует, что на его долю не остается менее значительных и более однообразных восприятия и вообще что оно лишено всяких органов и всяких восприятия. Его органы скрыты и низведены к малому размеру, но порядок природы требует того, чтобы все вновь развилось и возвратилось рано или поздно в состояние заметное и чтобы во всех этих превращениях был строго определенный прогресс, который ведет к созреванию и усовершенствованию вещей. По-видимому, даже Демокрит имел в виду это восстановление животных, так как Плотин приписывает ему учение о воскресении.

Все эти соображения показывают, как сохраняют свое бытие не только души, но и сами животные, так что нет никакого основания верить в совершенное уничтожение душ или в полное разрушение животного, а следовательно. нет надобности прибегать и к предположению о едином всеобщем духе и лишать природу ее частных и всегда пребывающих совершенств. Это значило бы недостаточно принимать во внимание ее порядок и гармонию. Есть в учении о едином всеобщем духе и другие вещи, которых нельзя отстаивать и которые запутывают в трудности гораздо большие, чем те, какие представляет обычное учение.

Вот некоторые из них. Прежде всего ясно, что сравнение с дуновением ветра, заставляющим различно звучать разные трубы органа, хотя и подкупает воображение, но ничего не объясняет, а скорее даже намекает на противоположное тому, что имелось в виду. Ведь общее дуновение ветра в трубах – не что иное, как собрание большого количества отдельных дуновений, не говоря о том, что каждая труба наполнена своим собственным воздухом, могущим перейти при этом из одной трубы в другую. Таким образом, это сравнение скорее подтверждает существование отдельных душ и благоприятствует допущению переселе-

==365

ния душ. из одних тел в другие, подобно тому как воздух может менять трубы.

Если представить себе, что всеобщий дух есть как бы океан, составленный из бесконечного множества капель, которые отделяются от него, когда оживляют какое-нибудь отдельное органическое тело, и снова соединяются в своем океане после разрушения органов, то это будет опять представление материальное и грубое, неподходящее к делу и запутывающееся в те же противоречия, как и сравнение с дуновением ветра. Ибо, подобно тому как океан есть собрание капель, так точно и Бог был бы собранием всех душ вроде того, как рой пчел есть собрание этих маленьких животных. Но так как этот рой не есть настоящая субстанция, то ясно, что в таком же смысле и всеобщий дух не был бы сам по себе истинным существом, и вместо того, чтобы говорить, что он есть единый дух, пришлось бы сказать, что он сам по себе ничто и в природе существуют только отдельные души, а он их собрание.

Притом капли, соединенные в океане всеобщего духа, после разрушения органов были бы, по правде сказать, душами, которые продолжали бы существовать отдельно от материи и, таким образом, мы бы впали снова в то, чего желали избежать, особенно если допустить, что эти капли сохраняют некоторые следы предшествующего состояния или имеют некоторые отправления, а пожалуй, еще и приобретают более высокие в этом океане божества или всеобщего духа.

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
Если же будут настаивать, что эти души, соединившиеся в Боге, не имеют никаких собственных отправлений, то это приведет к мнению, противному разуму и всякой доброй философии. В самом деле, разве может существо, имеющее действительное бытие, достигнуть когда-нибудь такого состояния, в котором бы у него не было ни одного отправления и ни одного впечатления? Ведь вещь, соединенная с другой вещью, продолжает иметь свои особые отправления, которые в соединении с отправлениями других вещей и составляют отправления целого, иначе и целое не имело бы никаких отправлений, если бы их не имели его части.

Кроме того, я уже показал в другом месте, что всякое существо сохраняет совершенно все впечатления, какие оно получило, хотя эти впечатления, соединившись с другими впечатлениями, перестают быть заметны сами по себе. Таким образом, и душа, соединенная с океаном душ,

==366

продолжала бы всегда оставаться той же особой душой, какой она была, но только отделенной (от тела).

Это показывает, что более разумно и более согласно с природой предположить существование отдельных душ в самих животных, а не вне их – в Боге и сохранить таким образом не только душу, но и животное, как я уже объяснял это здесь и в другом месте; таким образом, отдельные души всегда останутся бодрствующими, т. е. при тех особых отправлениях, которые им соответствуют и способствуют красоте и порядку вселенной, вместо того чтобы быть низведенными к суббите квиетистов в Боге, т. е. к состоянию лени и бесполезности. Что же касается состояния блаженного созерцания блаженных душ, то ведь оно совместимо с функциями их прославленных тел, которые не перестанут быть по-своему органическими.

Если же кто-нибудь станет настаивать, что отдельных душ вовсе не существует, даже и в настоящем, в то время как отправления мыслей и чувства совершаются при помощи органов, то его опровергнет наш опыт, который, кажется, достаточно учит нас тому, что мы составляем нечто особое, мыслящее, сознающее себя, хотящее, и что мы отличны от всякого другого существа, мыслящего и хотящего что-либо иное. Иначе легко согласиться с мнением Спинозы и ему подобных авторов, которые хотят признавать только одну субстанцию, а именно Бога, которая во мне мыслит, верит и хочет противоположное тому, что она мыслит, чему верит и чего хочет в другом, – мнение, нелепость которого обнаружил еще г-н Бейль в некоторых местах своего «Словаря» 5.

Если, далее, в природе нет ничего, кроме всеобщего духа и вещества, то придется признать, что не всеобщий дух верит и желает противоположного в различных лицах, а само вещество, которое в них различно и разное в них действует. Но если вещество действует, то к чему тогда всеобщий дух? Если же вещество есть первое страдательное начало или даже начало чисто страдательное, то как возможно приписывать ему эти действия? Таким образом, более разумно допустить, что кроме Бога, который есть высшее деятельное начало, существует множество частных деятельных начал, так как существует множество отдельных и противоположных друг к другу действий и страданий, которые не могут быть приписаны одному субъекту, и тогда эти деятели суть не что иное, как отдельные души.

==367

Известно также, что во всем бывают ступени Существует бесконечное число ступеней между каким угодно движением и полным покоем, между твердостью и совершенно жидким состоянием, которое не представляет никакого сопротивления, между Богом и ничто. Точно так же существует бесконечное число переходных ступеней между каким угодно действием и чисто страдательным началом. Следовательно, не согласно с разумом допускать существование только одного деятельного начала, а именно всеобщего духа, и одного страдательного, а именно вещества

Следует еще принять во внимание, что вещество не есть нечто противоположное Богу, но что скорее следует противопоставить его ограниченному действию, а именно душе, или форме. Ведь Бог есть существо высшее, противоположное ничто; из него возникает вещество в той же мере, как и формы, и затем чисто страдательное начало есть нечто большее, чем ничто, ибо оно способно на что-то, между тем как нельзя ничего приписывать полному ничто. Таким образом, должно вообразить рядом с каждой отдельной частью вещества особые формы, т. е. души или духи, ей

Я не хочу прибегать здесь к демонстративному аргументу, которым я пользовался в другом месте и который основывался на понятии единств, или простых вещей, к которым относятся и отдельные души, хотя этот аргумент неизбежно заставляет нас не только допустить существование отдельных душ, но и признать, что они по природе своей бессмертны и так же неразрушимы, как универсум, и даже более того, что всякая душа – это своеобразное и постоянное зеркало универсума и содержит в своем существе порядок, соответствующий порядку универсума, что души разнообразят и представляют универсум на бесконечное множество ладов, которые все различны и все истинны, что души, так сказать, умножают универсум во столько раз, сколько это возможно, так как сообразно с этим они приближаются к Божеству на сколько возможно соразмерно различию их степеней, и дают универсуму все совершенство, к какому он способен

После этого я не вижу, какое основание или побуждение можно иметь для того, чтобы восставать против учения об особых душах. Те, кто это делает, признают, что все, что в нас происходит, есть действие всеобщего духа Но действия Божий продолжительны, да в некотором смысле даже

==368

изменения и действия существ сотворенных прочны, и их впечатления соединяются друг с другом, не разрушаясь Следовательно, если, как мы видим, признание того, что животное со своими более или менее отчетливыми впечатлениями и известными органами сохраняется всегда согласно с разумом и с опытом, и если, значит, это действие Бога всегда пребывает в этих органах, то отчего не обозначить его именем души и не сказать, что это то произведение Бога и есть невещественная и бессмертная душа, которая воспроизводит некоторым образом всеобщий дух' Ведь это учение уничтожает все трудности, как это видно из того, что сказано мною только что, а также и в других сочинениях, которые я писал по этому поводу.

==369

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЖИЗНЕННЫХ НАЧАЛАХ И О ПЛАСТИЧЕСКИХ НАТУРАХ

Так как спор, который поднялся о пластических натурах и о жизненных началах, стал поводом к обсуждению моей системы со стороны нескольких знаменитых лиц, интересующихся этими вещами, причем, по-видимому, от меня ожидают некоторых разъяснений (см. *Biblioth. choisie*, t. 5, p. 301, а также «*histoire des ouvrages des Scavants*», 1704, n. 393), то мне показалось уместным прибавить кое-что об этом предмете к тому, что я уже печатал в различных местах в журналах, упоминаемых П. Бейлем в статье «Рорарий» в его «Словаре».

Я действительно допускаю распространенные во всей природе жизненные начала (*les principes de vie*), бессмертные, так как они суть неделимые субстанции, или – иначе – единства, между тем как тела суть множества, подверженные уничтожению через разложение на части. Эти жизненные начала, или души, имеют восприятие (*perception*) и влечение (*appetit*). Когда меня спрашивают. субстанциальные ли это формы, я отвечаю с некоторой оговоркой: именно если этот термин понимать в том смысле, как у Декарта, когда он утверждает в споре с Режисом ¹, что разумная душа есть субстанциальная форма человека, то я должен ответить «да». Но если кто либо понимает этот термин в том же смысле, как и те, кто воображает, будто у куска камня или у другого неорганического тела существуют свои субстанциальные формы, то я отвечу «нет», ибо жизненные начала принадлежат только органическим телам. Правда, по моей системе, не существует части вещества, в которой бы не было бесконечного множества органических и живых тел, под которыми я разумею не только животных и растения, но еще и многие другие роды тел. совершенно нам неизвестных. Однако отсюда еще не следует, что всякая часть вещества оду-

==370

шевлена, точно так как мы не говорим, что пруд, полный рыбок, одушевлен, хотя рыбы – одушевленные существа.

Но, несмотря на это, мое учение о жизненных началах во многих пунктах отличается от того, чему учили о них доселе. Один из этих пунктов заключается в том, что все до сих пор признавали, будто жизненные начала изменяют ход движения тел или

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org по крайней мере дают Богу случай изменить его. а между тем. по моей системе, этот ход движений вовсе не изменится в порядке природы, ибо он Богом как следует предусмотрен Перипатетики думали, что души имеют влияние на тела и что сообразно своей воле или влечениям они производят известные впечатления на тела; и того же мнения держались знаменитые авторы, которые подали повод к настоящему спору своим пониманием жизненных начал и пластических натур, хотя они и не перипатетики То же самое можно сказать и о тех, которые прибегали к археям, или гилархическим началам, или к другим нематериальным началам, как бы они ни назывались 2 Декарт совершенно справедливо признал, что есть закон природы, по которому сохраняется одно и то же количество силы (хотя в применении этого закона он ошибался, смешивая количество силы с количеством движения); поэтому он думал: что нельзя приписывать душе способность увеличивать или уменьшать силу тела, но можно только признавать за нею способность изменять направление силы посредством изменения движения животных духов. И те между картезианцами, которые пустили в ход учение об окказиональных причинах, полагали, что так как душа не в состоянии влиять на тело, то следует предположить, будто Бог изменяет ход и направление движения животных духов сообразно с желаниями души Но если бы во времена Декарта знали этот новый закон природы, мною доказанный, а именно что сохраняется не только одно и то же общее количество силы в телах, которые находятся во взаимодействии, но еще и общее направление этих тел в целом, то Декарт пришел бы неизбежно к моей системе предустановленной гармонии. так как он узнал бы, что столь же разумно утверждать, что душа не изменяет количества направления тел, как разумно отказывать ей в способности изменять количество их силы. так как и то и другое одинаково противно порядку вещей и законам природы, как то и другое одинаково и необъяснимо Таким образом, согласно моей системе, Души, или жизненные начала, ничего не изменяют

==371

в естественном движении тел и даже не дают Богу повода (occasion) это делать. Души следуют своим законам, которые состоят в известном развитии восприятию сообразно с их благом и злом, а тела тоже следуют своим законам, которые состоят в правилах движения, и, однако, эти два рода существ, совершенно различные, встречаются и согласуются друг с другом, как двое часов, может быть совершенно различных по устройству, но поставленных в полное соответствие. И это я называю предустановленной гармонией (1'harmonie preetablie), которая устраняет всякое понятие о чуде из области действий совершенно естественных и заставляет вещи понятным образом идти установленным ходом. Обычная система прибегает к предположению влияний, безусловно необъяснимых; в системе окказиональных причин Бог на основании некоего общего закона или как бы договора обязан изменять в каждое мгновение естественное течение мыслей в душе, чтобы приспособлять их к впечатлениям тел и нарушать естественный ход движений тел, согласно воле души, что не может быть объяснено иначе как предположением постоянного чуда; между тем как я объясняю все это удобопонятным образом теми натурами, которые Бог установил в вещах.

Эта система предустановленной гармонии дает новое, до сих пор еще неизвестное доказательство бытия Божия, так как совершенно ясно, что согласие стольких субстанций, из которых ни одна не имеет влияния на другую, может происходить только от одной общей причины, от которой они все зависят, и что она должна иметь бесконечную силу и мудрость, чтобы заранее установить все эти согласия. Бейль выразил даже мнение, что никогда не было гипотезы, которая выставляла бы в таком ярком свете наше знание премудрости Божией. Эта система имеет еще и то преимущество, что она сохраняет во всей строгости и общности тот важный принцип физики, что никогда тело не претерпевает изменения в своем движении иначе как от другого движущегося тела, которое его толкает. Этот закон всегда нарушали те, кто допускал существование душ или других нематериальных начал, включая всех картезианцев. Последователи Демокрита, Гоббс и некоторые другие чистые материалисты, которые отвергали всякую нематериальную субстанцию, одни только отстаивали до сих пор этот закон, видели в этом повод к насмешкам над другими философами, как будто те держались весьма неразумного мнения. Но

==372

повод к их торжеству только мнимый, имеет силу лишь ad hoīinem и не только не в состоянии оказать им услугу, но, напротив, на них же обрушивается. И теперь, когда их иллюзия открыта и когда их преимущество обратилось против них же самих, кажется, можно сказать, что ныне впервые лучшая философия оказывается и наиболее

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org согласной с разумом, так как нет ничего, что бы можно было ей противопоставить. Этот общий принцип [предустановленной гармонии], хотя и исключает особые первые двигатели, отказывая в этом качестве душам и другим сотворенным невещественным началам, тем вернее и яснее приводит нас к всеобщему первому двигателю (*premier moteur universel*), от которого истекает равным образом и ход, и согласие восприятию. Это как бы два царства: одно – причин действующих, другое – конечных, из которых каждого достаточно, чтобы объяснить все, как будто бы другое и не существовало. Но с точки зрения их общего происхождения одного из них недостаточно без другого, ибо они вытекают из одного источника, в котором соединены сила, производящая причины действующие, и мудрость, управляющая причинами конечными. И это правило, что нет движения, которое бы не имело своего источника в другом движении, по законам механическим, также приводит нас к первому двигателю, так как материя сама по себе безразлична по отношению к движению и покою и, однако же, постоянно обладает движением со всей его силой и направлением, значит, движение могло быть вложено в нее только самим ее творцом.

Есть и еще различие между мнением других авторов. отстаивающих жизненные начала, и моим. А именно: я думаю в одно и то же время, что эти жизненные начала бессмертны и что они везде существуют; между тем, по обычному мнению, души животных погибают, а согласно картезианцам, только человек – воистину обладает душой и даже восприятиями и влечениями – мнение, которое никогда не найдет себе одобрения и к которому прибегли лишь потому, что увидели, что иначе или надо приписать животным бессмертные души, или сознаться, что душа человека может быть смертной. Но надо было сказать скорее, что так как всякая простая субстанция неуничтожима и, следовательно, всякая душа бессмертна, то и та Душа, в которой нет основания отказывать животным, не может не существовать всегда, хотя и совсем иным способом, чем наша, так как животным, насколько можно

==373

судить, недостает того размышления (*reflexion*), которое дает нам возможность думать о самих себе. И непонятно, почему людям так трудно было допустить для тел других органических существ существование невещественных и негибнущих субстанций, ведь защитники атомов ввели же материальные негибнущие субстанции, а душа животного обладает размышлением не более, чем атом. Ибо весьма редко велико расстояние между чувством, которое свойственно этим душам, и размышлением, сопровождающим разум (*raison*), ведь и мы испытываем тысячу чувств, не размышляя о них, и я не допускаю, чтобы картезианцы доказали когда-либо или могли доказать, что всякое восприятие сопровождается сознанием. Согласно с разумом и то, чтобы были способные к восприятию субстанции ниже нас, как есть таковые выше нас, и чтобы наша душа. далеко не будучи последней из них всех. находилась в середине, от которой пришлось бы допустить недостаток постепенности, который некоторые философы называют пробелом в формах (*vacuum formarum*). Таким образом, и разум и природа приводят людей к учению, которое я только что предложил, но предрассудки отклонили их от него.

Это учение приводит нас еще к другому, где я опять принужден покинуть общепринятое мнение. Людей, разделяющих мой взгляд, спросят, что будут делать души животных после смерти последних, и нам будут навязывать учение Пифагора, верившего в переселение душ, – мнение, которое хотели воскресить не только покойный ван Гельмонт-сын, по также и остроумный автор напечатанных в Париже «Метафизических размышлений» З. Но должно заметить, что я весьма далек от этого учения, потому что думаю, что не только душа, но и само животное продолжает существовать. Люди весьма точные в опытных наблюдениях заметили уже в наше время, что есть основание сомневаться в том. чтобы могло быть произведено какое либо совсем новое животное, и животное, вполне живое. дано. быть может, в малом виде в семенах до зачатия, точно так же как и растения. Коль скоро это учение установлено, есть основание допустить, что не имеющее начала жизни не имеет и конца ее и что смерть, как и рождение, есть лишь превращение одного и того же животного, которое то возрастает, то уменьшается. Что еще более открывает нам чудеса божественного искусства там, где о них никогда и не помышляли, так это то, что природные машины, будучи машинами и в своих мельчайших частях, неразрушимы

==374

вследствие того, что меньшая всегда заключена в большей, и так до бесконечности.

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
Таким образом, приходится допускать и предсуществование как души, так и животного и субстанцию как животного, так и души.

Я незаметно пришел к выяснению моего взгляда на образование растений и животных, причем оказалось по тем основаниям, которые я только что изложил, что они никогда не образуются заново. Поэтому я согласен с мнением г-на Кэдворта (превосходный труд которого 4 в наибольшей части своей необыкновенно нравится мне), что законы механизма, взятые сами по себе, не в состоянии образовать животного там, где нет еще ничего организованного; и я нахожу, что он с полным правом восстает против того, что думали об этом предмете некоторые древние и даже г-н Декарт в своем «Человеке» 5, создание которого ему ничего не стоит, но зато и так мало приближает к настоящему человеку. И я подкрепляю этот взгляд г-на Кэдворта, обращая внимание на то, что вещество, устроенное премудростью Божьей, должно быть по существу своему везде организовано, и что в естественном механизме дан механизм во всех частях до бесконечности, и что существует столько оболочек и тел органических, заключенных друг в друге, что никогда невозможно было бы привести ни одного совершенно нового органического тела без всякой префор-мации, и что точно так же нельзя разрушить вполне ни одного животного, уже существующего. Таким образом, я не имею надобности прибегать вместе с г-ном Кэдвортом к неким нематериальным пластическим натурам, хотя я помню, что и Юлий Скалигер, и другие перипатетики, а также некоторые последователи [учения] Гельмонта об археях думали, что душа сама сооружает свое тело. Я могу сказать об этом: «Non mi bisogna e pop mi basta» (мне этого не нужно и недостаточно) – именно потому, что я допускаю преобразование и организацию до бесконечности, которые доставляют мне нематериальные пластические существа, пригодные для того, что требуется, тогда как нематериальные пластические начала так же мало необходимы, как и мало способны удовлетворить цели. Так как животные никогда не образуются естественным путем из неорганической массы, то механизм, неспособный произвести вновь все эти бесконечно разнообразные органы, может, однако же, легко извлечь их посредством развития и посредством

==375

преобразования предсуществующего органического тела Впрочем, те лица, которые прибегают к понятию пластических натур, все равно, материальных или нематериальных, не ослабляют этим нисколько того доказательства бытия Божия, которое основано на истолковании чудес природы обнаруживающихся преимущественно в строении животных, если только эти защитники нематериальных пластических сил присоединят сюда особое направление их со стороны Бога, а те, которые вместе со мной будут обращаться к причинам материальным, признавая пластический механизм, будут отстаивать не только непрерывное преобразование, но еще и первоначальное божественное предустановление. Таким образом, как бы мы ни взялись за дело, невозможно будет обойтись без предположения бытия Божия, если хочешь отдать себе отчет в этих чудесах, которым всегда изумлялись, но которые никогда лучше не освещались, чем в моей системе.

Отсюда видно, что не только душа, но и животное должно существовать вечно в естественном ходе вещей. Но законы природы созданы и применяются с таким порядком и такой мудростью, что они служат более чем одной цели; Бог, играющий по отношению к механизмам и творениям природы роль изобретателя и строителя, является царем и отцом по отношению к субстанциям, которые одарены разумом и душа которых есть дух, сотворенный по его образу И по отношению к духам его царство, в котором они граждане, есть совершеннейшая монархия, какую только можно придумать; в нем нет греха, который бы не навлек на себя наказания, нет доброго дела, которое осталось бы без награды, в нем, наконец, все направлено к славе Монарха и к счастью его подданных вследствие самого прекрасного сочетания справедливости и добра, какого только можно пожелать Однако же я не смею ничего утверждать ни о предсуществовании, ни о подробностях будущего существования души, так как Бог может пользоваться в Царстве Благодатей путями необычайными, тем не менее нужно предпочитать то, в чью пользу говорит естественный разум, если только откровение не учит нас противному, чего я здесь решать не берусь.

Прежде чем кончить, может быть, не мешает отметить среди иных преимуществ моей системы универсальность правил, которыми я пользуюсь и которые во всей моей философии остаются без исключений; в других системах мы видим обратное. Так, например, я уже говорил, что

==376

механические законы никогда не нарушаются в естественных движениях, что всегда сохраняется та же сила и то же ее направление; что все происходит в душах так, как если бы вовсе не было тел, а в телах – так, как если бы не существовало вовсе душ; что нет незаполненной части пространства; что нет части материи, которая бы не была делима и не содержала бы в себе органических тел; что везде есть души, как везде есть тела; что души и те же самые животные существуют всегда; что органические тела никогда не бывают бездушны и что души никогда не бывают отделены от всякого органического тела, хотя правда, что нет части материи, о которой можно было бы сказать, что она всегда привязана к одной и той же душе.

Итак, я не допускаю, чтобы существовали ни души, естественным образом вполне разделенные, ни сотворенные духи, совершенно оторванные от тел, в чем я схожусь со взглядом многих древних отцов церкви Единственно Бог превыше всякой материи, так как он ее творец, но творения свободные или освобожденные от материи были бы тем самым оторваны от связи с универсумом и были бы некоторым образом дезертирами всеобщего порядка. Указанная всеобщность правил подкрепляется чрезвычайной легкостью объяснений, ибо однообразие, которое, по моему мнению, наблюдается во всей природе, приводит к тому, что и везде в других местах, и во все времена все так же идет, как здесь, приблизительно в тех же размерах и с тем же совершенством, и что, таким образом, вещи, наиболее отдаленные и скрытые, прекрасно объясняются по аналогии с тем, что видимо и близко от нас.

==377

ПИСЬМО К ПОСТУ О «НЕОБХОДИМОСТИ И СЛУЧАЙНОСТИ»

Ганновер, 19 декабря 1707 г.

Весьма благодарен Вам за сообщение последних дополнений и поправок г-на Локка; с удовольствием узнал я сообщенное мне Вами насчет последнего спора его с г-ном Лимборхом. Покоящаяся на безразличии свобода, из-за которой происходит спор и по поводу которой Вам желательно узнать мои взгляды, состоит в известной тонкости, постичь которую силится немного людей, но относительно которой тем не менее рассуждают многие. Все дело сводится к исследованию необходимости и случайности.

Истина бывает необходимой, когда противоположность ее содержит противоречие; если же она не необходима, то ее называют случайной. Что Бог существует, что все прямые углы равны друг другу и т. д. – это необходимые истины; напротив, то, что я сам существую и что в природе существуют тела, которые и впрямь представляют прямой угол, – это истины случайные. В самом деле, весь универсум мог быть иным, так как время, пространство и материя безразличны к движениям и фигурам и Бог из бесчисленного сонма возможностей выбрал ту, которую признал наиболее подходящей.

Но коль скоро им был сделан выбор, надо признать, что этот выбор коснулся всего и здесь ничего нельзя изменить, так как Бог, будучи не в состоянии управлять вещами через пятое на десятое, все предусмотрел и урегулировал раз и навсегда, так что прегрешения и зло, какие он счел возможным допустить ради наибольших благ, в определенной мере вошли в состав его выбора. Как раз эту необходимость, которую теперь можно признать за будущими вещами, называют гипотетической или соответствующей–

==378

щей. т. е. вытекающей как следствие из гипотезы о сделанном выборе. Она не упраздняет случайности вещей и не производит той безусловной необходимости, которая не мирится со случайностью. Богословы и почти все философы (за исключением социан) признают гипотетическую необходимость, которую я только что описал и которую нельзя оспорить без того, чтобы не исказить свойства Бога и даже природу вещей.

Но хотя все происходящее теперь в универсуме в отношении к Богу безусловно, или, что то же самое, определено само по себе и даже сопряжено друг с другом, из этого, однако, еще не следует, что эта связь есть истинная необходимость, т. е. что истина, сообразно которой один факт вытекает из других, необходима. Это

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org должно быть применимо главным образом к добровольным действиям.

Если предоставляется выбор, например выйти или не выйти, то спрашивается, нахожусь ли я еще в состоянии случайности, если иметь в виду совокупность всех внешних и внутренних обстоятельств, побудительных причин, представлений, состояний, впечатлений, склонностей и страстей, или мне необходимо сделать выбор, например выйти. Иными словами, случайным или необходимым является действительно определенное решение, если при всех вместе взятых обстоятельствах я выбрал выйти? Я отвечаю: оно случайно, поскольку ни я, ни иной, более меня осмысленный человек не может доказать, что противоположное этой истине содержит противоречие. Я согласен с тем, что под свободой, покоящейся на безразличии, следует понимать свободу, противоположную необходимости (как я только что показал), ибо я убежден, что нашей свободе, как и свободе Бога и блаженных духов, чуждо не только принуждение, но и безусловная необходимость, хотя она не лишена определенности и достоверности.

Однако я нахожу, что здесь нужна большая предусмотрительность, чтобы не впасть в химеру, которая погрешает против принципов здравого смысла; это было бы тем, что я называю безусловным или содержащим равновесие безразличием, которое иные разумют под свободой и которую я считаю химерической. Следует именно принять во внимание, что та связь, о которой я говорил выше, хотя не безусловно необходима, но тем не менее непременно верна и что вообще во всех случаях, где по

==379

совокупности всех обстоятельств весы обдумывания на одной стороне более нагружены, чем на другой, будет, конечно, безошибочно то, что это решение удержит за собой первенство. Бог или совершенный мудрец изберут всегда заведомо наилучшее, и если бы одно решение нисколько не было лучше другого, то они не выбрали бы ни одно из них. У остальных разумных субстанции страсти зачастую занимают место разума, и насчет воли можно вообще сказать, что выбор следует сильнейшей склонности, под которой я понимаю как страсти, так и истинные или кажущиеся основания.

Между тем я вижу, что находятся люди, которые воображают, что иногда предпочитается наиболее легкое, что Бог порою избирает наименьшее из всех благ и что человек подчас решает без причин и вопреки всем основаниям, наклонностям и страстям – короче, что порою делаешь выбор без сущствующих причин, определяющих выбор. Но это – то я и считаю как раз абсурдным, ибо один из самых приметных принципов здравого человеческого смысла тот, что ничего не совершается без причин или без определяющего основания. Если поэтому Бог делает выбор, то это происходит на основании лучшего, а когда человек производит выбор, то он склоняется на ту сторону, которая произвела на него сильнейшее впечатление. Если же он выбирает что-нибудь, что явно представляется менее полезным и приятным, то для него это будет, вероятно, более приятным либо из каприза, либо из склонности к противоречию и из подобных оснований испорченного нрава, что тем не менее не перестает служить определяющими основаниями, хотя они при этом, пожалуй, и не были разумны. Никакого противоположного примера Вы никогда не найдете.

Таким образом, хотя мы и имеем свободу, покоящуюся на безразличии, которая защищает нас от необходимости, но у нас никогда не бывает плоского безразличия, которое освобождает нас от определяющих причин; напротив, есть всегда нечто побуждающее и определяющее нас к выбору без того, однако, чтобы быть в состоянии принудить нас к нему. И как Бог всегда неумолимо, но не необходимым образом побуждается к наилучшему (иначе, чем в силу моральной необходимости), так и мы всегда неустраимо, но без необходимости определены к тому, что на нас более всего влияет, и поскольку противоположное этому не содержит никакого противоречия, то не было ни необхо-

==380

димый, ни существенным, чтобы Бог вообще сотворил что-либо или, в частности, сотворил наш мир, хотя его мудрость и благость и побуждали его к этому.

Именно это г н Бейль, невзирая на его пронизательность, учел недостаточно, когда полагал, что случай, подобный Буриданову ослу, был бы возможен и что человек также среди обстоятельств совершенного равновесия все же был бы в состоянии сделать выбор. Следует, собственно, заметить, что случай совершенного равновесия

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
химеричен: он никогда не встречается, так как универсум нельзя разрезать или разделить на две совершенно равные и схожие части. Универсум, как эллипс или другой подобный овал, нельзя разложить посредством проведенной через центр прямой линии на две совпадающие части. Универсум не имеет центра, и его части бесконечно разнообразны; следовательно, никогда не будет случая, когда все на обеих сторонах станет одинаковым и будет производить на нас равное влияние; и, хотя мы не всегда в состоянии дать себе отчет во всех малых впечатлениях, которые содействуют определению нашей воли, все же существует нечто определяющее наш выбор между двумя противоречиями без того, чтобы случай на каждой из двух сторон был бы совершенно одинаков.

Хотя также наш выбор *ex datis* ' постоянно по всем внутренним, взятым в совокупности обстоятельствам определен и хотя в настоящем не от нас зависит изменить волю, но все же остается тем не менее истинным, что насчет наших будущих желаний мы имеем большую власть, если мы обращаем наше внимание на известные предметы и усваиваем известный образ мыслей. Таким путем мы в состоянии привыкнуть противостоять впечатлениям и придавать больше цену разуму, словом, мы можем содействовать тому, чтобы заставить себя желать того, что следует. Впрочем, в другом месте я указал, что мы, если понимать вещи в известном метафизическом смысле, пребываем всегда в совершенном самоопределении. То, что приписывают воздействию внешних предметов, происходит в нас исключительно от неясных представлений, которые соответствуют внешнему миру, и вследствие предопределенной гармонии, которая определяет отношение каждой субстанции ко всем остальным, должны были быть дарованы нам с самого начала.

Если бы было верно, Милостивый Государь, что Ваши Северны – пророки, то это обстоятельство отнюдь не

==381

оспорило бы моей гипотезы о предустановленной гармонии, но, напротив, скорее сполна соответствовало бы ей. Я всегда говорил, что настоящее чревато будущим и что существует совершенная связь между предметами, как ни отдалены они друг от друга, так что достаточно дальнзоркий человек мог бы читать одно в другом; я никогда не стал бы противоречить тому, кто утверждал бы, что есть в универсуме мировые тела, где пророчества обычнее, чем на нашей земле, как. может быть, существует мир. где у собак такое хорошее чутье, что они чуют дичь на расстоянии тысячи миль, и, как, может быть, существуют мировые тела, где разрешается гениям вмешиваться в дела разумных тварей в более широкой мере. чем здесь. Если же дело касается обсуждения того, что фактически здесь происходит, то наш предвзятый приговор должен опираться на отношения, привычные в нашем мироздании, где эти виды пророческого предвидения очень редки. Нельзя присягнуть в том, что их вовсе не бывает, а, на мой взгляд, можно держать пари, что те. о которых здесь идет речь, вовсе не виды пророческого предвидения. Одно из оснований, которое могло бы заставить меня отозваться о них благосклоннее, – это суждение г ла Фатио. но следовало бы в точности знать то, о чем он судит, не извлекая это из газет. Если бы Вы сами, Милостивый Государь, познакомились с дворянином с доходом в две тысячи фунтов, который пророчит по гречески, по-латыни и по французски, хотя понимает только по-английски. то против этого, конечно, уж ничего нельзя было бы возразить. Поэтому прошу Вас, М. Г., дать мне разъяснения по столь интересному и важному предмету.

Остаюсь, М. Г., с полным почтением.

==382

МАТЕРИЯ, ВЗЯТАЯ В СЕБЕ

Материя, взятая в себе, т. е. голая, образуется через антитипию и протяженность. Антитипией я называю тот атрибут, через который материя находится в пространстве. Протяженность – это непрерывность в пространстве, т. е. непрерывное распространение по месту. И вот, когда антитипия непрерывно расходится, или растягивается, по месту и ничего другого не предполагается, возникает материя сама по себе, или голая).

Модификация, или изменяемость, антитипии состоит в изменяемости места. Модификация протяженности состоит в изменяемости величины и фигуры. Отсюда очевидно, что материя есть нечто чисто пассивное, ибо ее атрибуты и их 2

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
видоизменения не содержат в себе никакого действия и поскольку в движении мы рассматриваем только перемену места, мы не усматриваем в нем ничего, кроме чисто пассивного.

Но если присоединим действительное изменение, т. е. самое начало движения, то появляется нечто помимо голой материи. Точно так же очевидно, что восприятие невыводимо из голой материи, ибо оно состоит в некоем действии. Специально о восприятии это может быть понято таким образом. Если бы в органическом теле не было ничего, кроме машины, т. е. голой материи, имеющей определенные разновидности места, величины и фигуры, то из этого < нельзя было бы вывести и объяснить ничего, кроме механизма, т. е. вышеупомянутых разновидностей. Ибо из любой вещи, взятой в себе самой, нельзя вывести и объяснить ничего, кроме разновидностей составляющих ее атрибутов.

Отсюда мы также видим, что в какой-нибудь мельнице или в часах самих по себе нет никакого начала, воспринимающего, что в них самих происходит; при этом не имеет значения, состоит ли машина из твердого или из жидкого или из соединения того и другого. Далее, мы знаем, что между телами грубыми и тонкими нет никакого существенного различия, а только различие по величине. Отсюда следует, что если нельзя понять, каким образом могло бы

==383

возникнуть восприятие в каком-либо грубом устройстве, как бы оно ни было составлено из жидких или твердых тел, то нельзя понять и того, как возникло бы восприятие из более тонкого устройства, ибо если бы наши чувства были тоньше, то дело обстоит бы точно так же, как если бы мы воспринимали грубое устройство, как это происходит теперь. Итак, надо считать достоверным, что из одного только механизма, т. е. голой материи и ее модификаций, объяснить восприятие (*perceptio*) можно не более чем начало действия и движения.

Поэтому необходимо допустить нечто помимо материи, что было бы началом как восприятия, т. е. действия внутреннего, так и движения, т. е. действия внешнего. Такое начало мы называем субстанциальным, также первичной силой, первой энтелехией *, одним словом, душой (*anima*). Это начало, будучи активным, в соединении с пассивным составляет полную субстанцию. Очевидно, что оно начало непротяженное, иначе оно содержало бы в себе материальность против нашего предположения, ибо мы показали, что оно представляет собой нечто привходящее в дополнение к материи. Итак, душа – это нечто субстанциальное и простое, не имеющее частей, внеположных одна другой (*partes extra partes*). Отсюда, далее, следует, что первичная энтелехия не может разрушиться, ибо всякое разрушение в природе состоит в разъединении частей.

Отсюда следует, что животные или являются просто машинами, чуждыми восприятия, как утверждают картезианцы, или имеют неразрушимую душу. Но так как, исходя из других оснований, а именно из природы движения, было показано, что в материи рассеяны первичные энтелехии, обладающие неразрушимостью, то ничто не препятствует приписывать им не только движущую активность, но и восприятие, так что они могут считаться душами, когда соединены с органическими телами. И это подтверждает сама аналогия вещей. Действительно, раз у животных в отношении восприятия и чувства все обнаруживается так же, как и у человека, а природа единообразна в своем многообразии, будучи единообразной в исходных началах и разнообразной в их проявлениях, то правдоподобно, что и у животных есть восприятие, и следует считать их имеющими восприятие, пока не будет доказано противное.

Картезианцы, отрицая у животных воспринимающий рассудок (*perceptionem rationem*), приводят то соображе-

==384

ние, что, допуская его, пришлось бы приписывать животным неразрушимую душу. Но то, что большинство из них считает абсурдом, отнюдь не абсурд, как мы вскоре покажем, разъяснив различие между неразрушимостью души животных и бессмертием человеческой души.

Но доказать это можно также положительным и неотразимым доводом, основанным на том, что всякая первоначальная энтелехия должна иметь восприятие. Действительно,

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
всякая первая энтелехия имеет внутреннюю изменчивость, в соответствии с которой изменяются ее внешние действия. Но восприятие и есть не что иное, как само это воспроизведение внешней изменчивости во внутренней. И так как повсюду в материи рассеяны исходные начала движения, то отсюда следует, что повсюду в материи рассеяны и души, действуя как органы, а поэтому и тела животных также наделены органической душой.

Из этого, далее, можно понять, что души в отдельности от тел в природе не существуют; так как они – первоначальные энтелехии, т. е. чисто активны, то нуждаются в некотором пассивном начале, которое бы их дополнило.

Но, скажут мне, органическое тело может расстроиться. Отвечаю: если расстроится тело, способное к ощущению, то все же от этого не расстроится душа, ибо останется одушевленное тело и душа будет продолжать действовать внутри и вовне, хотя и менее совершенно, т. е. без ощущения. Такое восприятие мы сохраняем в глубоком сне, в апopleksии и в других случаях, хотя и при отсутствии ощущения. Ибо ощущение – это такое восприятие, которое содержит в себе что-то отчетливое и соединено с вниманием и памятью. Но беспорядочное нагромождение многих слабых восприятий, не заключающих в себе ничего значительного, что возбуждало бы внимание, наводит оцепенение. И однако, хотя душа и ее сила ощущения временно и не проявляет себя, она не угасает, ибо со временем тело может восстановиться и стать способным к ощущению, так что это оцепенение отступает по мере того, как тело совершенствуется и упорядочивается и восприятия становятся более отчетливыми.

Многие выдающиеся наблюдатели ныне установили, что животные уже до зачатия сокровенно существуют в семени в форме мельчайших неощутимых животных (*animalcula*), так что рождение животного – это не что иное, как развитие (*evolutio*) и рост, и животное по своей природе никогда не начинает существовать, а только преобразуется;

==385

последовательно будет заключить, что то, что при природе не начинается, по природе и не прекращается, и, таким образом, смерть в свою очередь – это не что иное, как обратное развитие (*involutio*) и уменьшение животного, при котором оно из состояния большого животного возвращается к состоянию ничтожно малого.

Далее, подобно тому как пониманию (*intellectio*) в нас соответствует воля, так и во всякой первоначальной энтелехии восприятию соответствует влечение (*appetitus*), т. е. стремление (*conatus*) к действию, направленное к новому восприятию. Ибо не только изменчивость объекта воспроизводится в воспринимающем, но воспроизведенное изменяется еще и потому, что меняется то, что подлежит воспроизведению.

Вместе с тем, чтобы не показалось, что мы слишком сближаем человека с животным, укажем на огромное различие между восприятием у людей и животных. Кроме низшей ступени восприятия, которая обнаруживается даже у впавших в оцепенение (как было показано), и средней ступени, которую мы называем ощущением и находим у животных, существует еще некая высшая ступень, которую мы называем мышлением; мышление (*cogitatio*) – это восприятие, соединенное с разумением (*ratio*), которого животные, насколько мы можем вывести из наблюдения, не имеют.

Так как это обстоятельство до сих пор не разъяснено удовлетворительно и одни отнимают у животных даже и ощущения, а другие приписывают им даже рассудительность и приводят много примеров, в которых животные якобы делают какие-то логические выводы, укажем, что есть два вида последовательности, далекие один от другого, как небо от земли: последовательность эмпирическая и последовательность рациональная. Последовательность эмпирическая, общая нам и животным, состоит в том, что получающий те ощущения, которые он уже несколько раз получил следующими одно за другим, ожидает и снова получить их в той же последовательности. Так, собаки, которых несколько раз побили за какой-нибудь проступок, ожидают побоев, если снова сделают то же самое, и потому воздерживаются от такого поведения, в чем они сходны с детьми. А один американец⁴ подумал, что письмо, в котором говорилось о его проступке, было свидетелем этого проступка, потому что такова была последовательность в известных ему случаях подобных сообщений. Но

==386

так как часто такая последовательность наблюдается только *per accidens* 5, то поэтому эмпирики часто обманываются, совершенно как животные, когда то, чего они ожидали, не происходит. Так, если я кормлю собаку, выполняющую определенное приказание, то это происходит *per accidens* по моему вольному решению; но раз она привыкла к действию, которому я хотел ее научить, я ее уже не кормлю за правильное поведение, хотя она этого сначала еще ожидает. Так же если какой-нибудь батавец б, сев на корабль, попадает в Азию и в каком-нибудь турецком городе спросит в таверне пива, как у себя на родине, то подобным же образом обманется в своих ожиданиях: он будет ожидать от таверны того, что с ней связано только *per accidens* и не встречается одинаково как в азиатских, так и в батавских тавернах. Но человек, поскольку он действует не эмпирически, а рационально, не доверяется одному только опыту и индуктивным заключениям апостериори на основании частных случаев, а руководствуется и общими соображениями априори. И каково различие между знатоком геометрии или анализа и школьным учителем арифметики, который выучил наизусть арифметические правила, но не знает их оснований и поэтому теряется в вопросах, сколько-нибудь отступающих от привычного, таково же различие между эмпириком и рассуждающим человеком (*rationalem*), между образом действий животных и человеческим рассуждением. Пусть мы наблюдали большой ряд примеров, все же мы никогда не можем быть уверены в дальнейшем, если не найдем необходимых общих соображений, которые позволят заключить, что иной исход невозможен. Итак, животные (насколько мы можем наблюдать) не знают общности суждений (*rationes necessarias*), ибо не знают оснований необходимости. И если иногда эмпирики посредством индукции приходят к правильным суждениям (*propositiones*), то это происходит только *per accidens*, а не в силу последовательности.

Наконец, Бог предназначил человека для более высокой цели, а именно для общения с ним, и поэтому (в силу гармонии царства природы и царства благодати) надо признать, что человеческие души сохраняются вместе с неким органическим телом: не так, как животные, которые после смерти, может быть, и долго существуют в состоянии оцепенения, но более благородным образом, сохраняя чувство и сознание и оставаясь способными принять наказание или награду. 13*

==387

КРИТИКА ОСНОВОПОЛОЖЕНИЙ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА МАЛЬБРАНША

РАЗГОВОР ФИЛАРЕТА И АРИСТА, ПРОДОЛЖЕНИЕ ПЕРВОГО РАЗГОВОРА АРИСТА И ТЕОДОРА

По уходе Теодора Ариста посетил Филарет, его старинный друг, весьма уважаемый доктор Сорбонны; он преподавал когда-то философию и богословие по школьному образцу и, однако, не пренебрегал открытиями новых ученых, только относился к ним с большой осмотрительностью и стремился к точности и строгости. Жил он уединенно, чтобы лучше предаваться делам благочестия, и трудился над разъяснением истин религии, стараясь исправить и усовершенствовать доказательства в их пользу. Это заставило его постороже обсудить уже существующие доказательства, чтобы заметить, в чем они должны были быть пополнены.

А р и с т, увидев его, воскликнул: «Как кстати Вы теперь приходите, дорогой Филарет, после такого долгого перерыва в нашем знакомстве. Я только что вел восхитительную беседу и очень жалею, что Вы при ней не присутствовали. Теодор, этот глубокомысленный философ, этот превосходный богослов, совершенно овладел мною и перенес меня из этого телесного и тленного мира в мир умопостигаемый и вечный. Однако, когда мне приходится размышлять без него, я легко впадаю в свои прежние предрассудки и по временам чувствую себя в неопределенном положении. Никто лучше Вас не может поставить меня на твердую почву и заставить судить надежно и, так сказать, хладнокровно. Признаюсь Вам, возвышенные и прекрасные речи Теодора меня трогают и увлекают; но он ушел, и я уже не понимаю, как я мог вознестись так высоко, и я чувствую своего рода головокружение, которое меня смущает».

Филарет. Достоинства Теодора известны мне по его сочинениям, где много возвышенных и прекрасных мыслей и даже немало хорошо доказанных; но среди них, и даже наиболее существенных, встречаются такие, которые требуют -

==388

ют большего разъяснения. Не сомневаюсь, что он наговорил Вам много такого, что укрепило Вас в принятом Вами (как я слышал) намерении оставить тщету света, оглушающий шум толпы, суетные, а подчас и пагубные разговоры мирских людей и предаться серьезным размышлениям, которые влекут нас к добродетели и ведут к счастью. Слух о счастливой перемене, происшедшей в Вас, побудил меня с Вами повидаться и возобновить нашу старинную связь. А Вы доставите мне самый лучший случай перейти к делу и выразить все мое расположение к Вам, если сразу заговорите со мной о том, что издавна было предметом моих размышлений, да и среди Ваших принадлежит, вероятно, к числу самых интересных. Не помните ли Вы сущность того, что Вам говорил Теодор; я, может быть, помогу развить некоторые из положений, которые он Вам преподавал, а затем он сам окончательно разъяснит и утвердит то, что будет еще оставаться для нас темным или сомнительным.

А р и с т. Я очень рад Вашей помощи и постараюсь повторить сущность того, что мне говорил Теодор; но не ждите от меня того очарования, каким были проникнуты его речи. Прежде всего он показал мне, что то самое «я», которое мыслит, вовсе не есть тело, потому что мысли не суть способы бытия протяжения, которое именно и составляет сущность тела. Я просил его доказать, что мое тело состоит только из протяжения, и, пока я его слушал, мне казалось, что он доказывает это, но я не знаю, как случилось, что его доводы ускользнули из моей памяти. Впрочем, я понемногу вспоминаю их. Достаточно, говорил он, одного протяжения для того, чтобы образовать тело, и прибавил еще, что если бы Бог уничтожил протяжение, то и тело уничтожилось бы.

Филарет. Философы, которые не принадлежат к последователям Декарта, не согласятся с тем, что для образования тела достаточно одного протяжения; они скажут, что для этого необходимо еще нечто, что древние называли антитипией¹ и что делает одно тело непроницаемым для другого. Они скажут, что чистое протяжение есть лишь место, или пространство, в котором находится тело. И правда мне кажется, что, когда Декарт и его последователи принимают опровергать это мнение, они лишь строят предположения и – если называть вещи их собственными именами – принимают за данное именно то, что требуется доказать, и совершают *petitio principii*.

==389

А р и с т. А разве предположение о том, что тело уничтожается, если уничтожить протяжение, не доказывает, по-Вашему, что сущность тела состоит только в протяжении?

Филарет. Оно доказывает только то, что протяжение принадлежит сущности, или природе, тела, но вовсе не то, что оно составляет всю его сущность. Так, величина принадлежит сущности протяжения, но одной ее недостаточно; ведь число, время, движение также величины, и, однако, они отличаются от протяжения. Если бы Бог уничтожил всякую действительную величину, он тем самым уничтожил бы и протяжение. Но если бы он сотворил величину, то из этого могло бы произойти разве только время, а никак не протяжение. То же самое можно сказать о протяжении и теле. Уничтожив протяжение, Бог уничтожил бы и тело, но, произведя одно протяжение, он произвел бы, пожалуй, только пространство без тела, по крайней мере по общему мнению, которого картезианцы не опровергли еще как следует.

А р и с т. Досадно, что, говоря с Теодором, я сразу не обратил внимание на эту неясность, но я замечу ее и предложу ему для разъяснения. Однако, если хорошенько вспомнить, он представил мне еще довод, клонившийся к той же цели; только он мне показался довольно тонким, потому что был основан на сущности субстанции. Теодор доказывал мне, что протяжение есть субстанция, и, кажется, хотел из этого вывести, что тело не может быть ничем иным, как протяжением, иначе оно состояло бы более чем из одной субстанции. Впрочем, не ручаюсь, что такова была подлинная мысль Теодора. Я могу и ошибаться, придавая, может быть, его словам иную связь, чем он сам того хотел. Я справлюсь об этом.

Филарет. Я нахожу неясность и в этом выводе, который Вы, лишь сомневаясь, приписываете Теодору. Ведь Вы знаете, что перипатетики составляют тело из двух субстанциальных начал – материи и формы. Значит, сначала надо доказать, что для тела невозможно состоять одновременно из двух субстанций, т. е. из протяжении (если допустить, что оно – субстанция) и еще какой-нибудь другой субстанции.

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
Однако посмотрим, как Теодор доказывает, что протяжение есть субстанция. Этот пункт довольно важен.

А р и с т. Постараюсь припомнить. Все то, что можно понять отдельно, не мысля в то же время о другом, или так,

==390

что идея не влечет за собою представления о других вещах, или, иначе, все то, что можно понять отдельно, как существующее независимо от другой вещи, есть субстанция; а все то, чего нельзя понять отдельно или не мысля о другом, есть состояние, или модификация, субстанции. Вот что значит, когда говорят, что субстанция есть нечто существующее само в себе; и у нас нет иного способа отличать субстанции от модификаций. И Теодор показал мне, что я могу мыслить о протяжении, не мысля о чем-либо ином.

Филарет. Это определение субстанции не свободно от некоторых затруднений. В сущности только одного Бога можно представлять независимым от всякой другой вещи. Так неужели же мы признаем вместе с одним слишком известным новатором 2, что Бог есть единственная субстанция, а все творения – только ее модификация? Если Вы сузите свое определение, прибавив, что субстанция есть то, что может быть мыслимо независимо от всякой другой сотворенной вещи, то мы, может быть, найдем много вещей, которые в той же мере независимы, как и протяжение, и, однако, не субстанции. Например, способность к действию, жизнь, антитипия представляют из себя нечто существенное и в то же время первичное и могут быть мыслимы независимо от других понятий, а при помощи отвлечения – даже независимо от тех субъектов, в которых они находятся. Напротив, сами субъекты мыслятся при помощи подобных атрибутов. И эти атрибуты отличны от тех субстанций, которым они служат атрибутами. Значит, есть нечто, что, вовсе не будучи субстанцией, может быть мыслимо столь же независимо, как и сама субстанция. Итак, указанная Вами независимость понятия вовсе не представляет отличительного признака субстанции, потому что последний должен согласоваться с тем, что существенно для субстанции.

А р и с т. Я думаю, что абстракций нельзя понять независимо от какой-нибудь вещи, по крайней мере в том субъекте, который конкретен, хотя бы и не полон, и который образует полный субъект в соединении с достаточным первичным существенным атрибутом. Но чтобы выйти из этих терний, скажем, что наше определение должно касаться лишь конкретных вещей. Итак, субстанция есть конкретная вещь, независимая от всякой другой конкретной вещи.

Филарет. Вот новое сужение Вашего определения,

==391

но все еще в нем остается много неясностей. Вот они: 1) может быть, объяснение того, что такое конкретная вещь, уже будет предполагать субстанцию, и в таком случае мы сделаем в определении круг; 2) я не согласен с Вами, что протяжение есть конкретная вещь, ибо оно – отвлечение от протяженного; 3) по-Вашему выходит, что заслуживает названия субстанции лишь определенный и неполный субъект или простое и первичное, конкретное, которое в соединении с существенным атрибутом образует полную субстанцию, так как абстракции, а равно полные конкретные вещи не могут ни быть мыслимы, ни существовать без него; 4) я уже не буду указывать на учение тех богословов, которые утверждают, что акциденции могут существовать без их субъекта в таинстве евхаристии; значит, эти акциденции существенно независимы от субъекта, и, следовательно, к ним подходит Ваше определение субстанции.

А р и с т. Мы довольно-таки углубились в тонкости; хорошо, что я был некогда в коллеже и удержал в памяти кое-какие схоластические термины. Но я должен признаться, что в данном случае эти тонкости необходимы, а Вы предлагаете их в такой удобопонятной форме, что я в состоянии на них отвечать. Итак, отвечаю на первый пункт. При определении конкретной вещи нет надобности обращаться к субстанции, так как и акциденции могут быть конкретными, например теплота может быть велика или обладать величиною; «великий» же есть конкретное понятие; число может быть названо большим, пропорциональным, соизмеримым и т. д.

По поводу второго пункта я скажу, что так как, по мнению Теодора, протяжение,
Страница 138

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
пространство, тело – одно и то же, то он признает, что протяжение есть конкретная вещь.

На третий пункт отвечу, что протяжение, или тело, есть действительно тот первый субъект, который, будучи понят как материя, получившая форму от фигур и движений, составляет полный субъект.

Наконец, касательно четвертого пункта скажу, что Теодор, может быть, не согласится с тем, что акциденции могут существовать без субъекта. Если бы кто пожелал поддержать мое определение, то мог бы сказать, что субстанция есть конкретная вещь, не зависящая в естественном порядке от всякой иной сотворенной конкретной вещи.

==392

Филарет. По-моему, ответ Ваш на первое мое замечание хорош; следовало бы только более отчетливо разъяснить понятия конкретного и абстрактного. Но что касается второго пункта, то нельзя с Вами согласиться, будто протяженное и протяжение – одно и то же: среди сотворенных вещей нигде нет примеров тождества между абстрактным и конкретным.

Ответ на третий пункт может быть принят, а также и тот ответ, который Вы даете на четвертое возражение, согласно с теми, которые не признают, что акциденции существуют вне субъекта. Но желающие исправить Ваше определение, ограничивая его тем, что происходит естественно, сделают его похожим на то определение человека, которое приписывают Платону. Про него рассказывают, будто он определил человека как двуногое животное без перьев, а Диоген ошипал петуха и, бросив его в аудиторию Платона, сказал: «Вот платонов человек» 3. Платоник точно так же мог бы возразить, что говорилось о животном, как оно существует естественно. Но нужны такие определения, которые почерпнуты из сущности вещей; конечно, могут быть полезны и определения, взятые из того, что происходит естественно (per se). так что можно различать три степени предикатов: существенные, естественные и просто случайные. Но в метафизике желательны атрибуты существенные или почерпнутые из того, что называется формальной сущностью.

А р и с т. Насколько я понимаю, у нас остается нерешенным только один вопрос: абстрактно или конкретно протяжение?

Филарет. Я мог бы еще возразить на Ваше определение, что тела не независимы друг от друга; необходимо, например, чтобы они были сжимаемы и движимы окружающей средой; но Вы можете ответить моим же возражением, что достаточно одного существенного, так как Бог может сделать тела независимыми и, даже при уничтожении одного из них, сохранит их в прежнем состоянии. Итак, я настаиваю на том, что я только что сказал, а именно что протяжение есть не что иное, как абстракция, и требует, чтобы было нечто протяженное. Для него необходим какой-нибудь субъект, и оно, так же как длительность, есть нечто относящееся к этому субъекту. Оно даже предполагает нечто предшествующее в этом субъекте, некоторое качество, атрибут, натуру в этом субъекте, которая вместе с субъектом расширяется,

==393

распространяется, продолжается. Протяжение есть распространение этого качества, или этой природы; например, в молоке мы находим протяжение, или распространение, белизны, в бриллианте твердости, в теле – вообще протяжение, или распространение, антитипии. или материальности. Из этого Вы в то же время видите, что в телах есть нечто предшествующее протяжению. Можно сказать, что протяжение так же относится к пространству, как продолжительность – к времени. Длительность и протяжение – атрибуты вещей, а время и пространство принимаются за нечто находящееся как бы вне вещей и служащее их измерению.

А р и с т. философы, признающие пространство, отдельное от тела, смотрят на него как на субстанцию, образующую место, а картезианцы и Теодор самую материю представляют, как Вы – пространство, с тою только разницей, что включают в нее вместе с протяжением и подвижность.

Филарет. Значит, они молчаливо признают, что одного протяжения для образования материи, или тела, недостаточно, так как к нему следует присоединить

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
подвижность, которая есть следствие антитипии или сопротивления, иначе тело не могло бы быть толкаемо или движимо другим телом.

А р и с т. Они возразят, что подвижность есть следствие протяжения: всякое протяжение делимо, так что части отделимы одна от другой.

Филарет. С Вашим выводом не согласятся все те, которые предполагают существование пустоты или по крайней мере реального пространства, отдельного от материи, его наполняющей; они скажут, что в пространстве можно обозначить различные части, но не отделить их. А я, хотя и различаю понятие протяжения от понятия тела, все же считаю, что нет пустоты, а также субстанции, которая могла бы называться пространством. Я всегда бы делал различие между протяжением и тем атрибутом, к которому относится протяжение или распространение (как понятия относительные). Этот атрибут есть положение, или местоположение. Так, распространение места образует пространство, которое есть как бы *при-covSexихов*, или первый субъект протяжения; через него оно будет принадлежать и другим вещам, находящимся в пространстве. Итак, протяжение, когда оно бывает атрибутом пространства, есть распространение, или продолжение расположения,

==394

или местоположения; а протяжение тела есть распространение антитипии, или материальности. Ибо место может быть и в точке, и в пространстве, следовательно, место может быть без протяжения, или распространения; но распространение просто в длину образует линию в пространстве, наделенную протяжением. То же можно сказать о материи: она находится в точке так же, как и в теле, а ее распространение только в длину образует материальную линию. Другие продолжения, или распространения в ширину и глубину, образуют геометрическую поверхность и телесность – словом, пространство в месте и тело в материи.

А р и с т. Эти пропорциональные отношения между местом и материей, пространством и телом мне нравятся; они помогают говорить точно; их так же полезно различать, как продолжительность и время, протяжение и пространство. Надо насчет этого спросить Теодора.

Филарет. Пойдем далее. Я держусь того мнения, что не только протяжение, но и само тело не может быть мыслимо независимо от других вещей. Таким образом, следует признать, что или тела не субстанции, или не все субстанции могут быть мыслимы независимо, хотя мыслить таким образом можно лишь одни субстанции; ибо тело, представляя из себя нечто целое, зависит от других тел, которые его составляют и служат ему частями. Только одни монады, т. е. простые и неделимые субстанции, действительно независимы от всякой иной сотворенной конкретной вещи.

А р и с т. Стало быть, я скажу, что субстанция есть конкретная вещь, независимая от всякой вне ее находящейся сотворенной конкретной вещи; таким образом, зависимость субстанции от ее атрибутов и частей не будет составлять затруднения для наших рассуждений.

Филарет. Вот уже третье ограничение Вашего определения. Вы имеете право это сделать, но, говоря правду, не все дозволенное полезно (*pop omne quod licet excedit*). Не все ли равно, вне меня или во мне находится червь, который меня гложет? Все равно я от него независим. Одни бестелесные субстанции независимы от всякой другой сотворенной субстанции. И кажется, со строго философской точки зрения тела не заслуживают названия субстанций. Этого мнения, кажется, держался уже Платон; он заметил, что тело есть нечто преходящее, существующее не более одного мгновения. Но это потребовало бы более

==395

пространного исследования, а у меня есть и другие важные доводы, которые не позволяют мне придавать телам звание и имя субстанции в метафизическом значении. Потому что, говоря одним словом, тело не представляет из себя настоящего единства, оно только агрегат, по схоластическому названию чистая акциденция, собрание вроде стада, а единство его происходит от нашего восприятия; само оно есть создание нашего ума, или, вернее, воображения, – явление.

А р и с т. Надеюсь, что Теодор обстоятельно разъяснит Вам все эти неясности.

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
Предположим пока, что тело и протяжение не особенно отличаются друг от друга, так как Вы не допускаете пустоты, или по крайней мере оставим этот вопрос до более подробного обсуждения и перейдем к дальнейшим выводам Теодора. Они сводятся к следующему: все то, чьи модификации не могут быть объяснены протяжением, отлично от тела (я предполагаю, что тела и протяжение – одно и то же или по крайней мере что они различаются лишь настолько, насколько пространство и то, что просто необходимо для его заполнения, т. е. то, что кроме протяжения обладает еще в известной степени сопротивлением и подвижностью, как Вы это, по-видимому, допускаете). Но душа имеет модификации, которые не суть модификации протяжения, или, если Вам угодно, антитипии, того, что наполняет пространство. Это Теодор доказывает тем, что наши удовольствия, желания, мысли не имеют никаких пространственных отношений: их нельзя измерять футами и вершками, как это делается с пространством и тем, что его наполняет.

Филарет. Я согласен с Теодором, когда он признает, что модификации души не суть модификации материи и что, следовательно, душа нематериальна. Но все же его доказательство страдает некоторой неясностью. Основываясь на том, что мы не можем измерить мыслей, он утверждает, что они не имеют никаких пространственных отношений; но последователь Эпикура возразит, что это происходит от недостаточности нашего знания и что если бы мы знали маленькие тельца, которые образуют мысль, и их движение, необходимое для этого, то мы увидели бы, что мысли измеримы и представляют собой не что иное, как ход некоторых тонких машин; все равно как нам кажется, что природа цвета в существе своем не состоит из чего либо измеримого, а между тем если верно, что причина таких качеств в предметах происходит от известных конфигура-

ций и движений, как, например, белизна пены – от маленьких шариков, гладких, словно зеркальца, то в конце концов эти качества можно будет свести к измеримому, материальному и механическому.

А р и с т. Да так Вы передаете в руки противникам все доводы, которые можно привести в пользу раздельного существования души и тела.

Филарет. Вовсе нет. Я только хочу их усовершенствовать, и вот Вам сейчас небольшой образчик этого. Я считаю, что материя заключает в себе только то, что пассивно; с этим, по-моему, должны согласиться как сторонники Демокрита, так и другие философы, которые признают лишь механические причины. И не только протяжение, но и приписываемая телам антитипия есть нечто всецело пассивное, следовательно, источник действия не может быть модификацией материи; значит, и движения, так же как и мысль, должны происходить от чего-то иного.

А р и с т. Позвольте мне указать Вам, в чем, по моему мнению, погрешает Ваш довод; Вы сами учите меня быть точным до строгости. Ваш довод имеет силу только *ad hominem*. т. е. для тех, кто философствует, как Демокрит и Декарт, но платоники и аристотелики, а также некоторые новые приверженцы учения об археях и симпатиях⁴, которые утверждают, что тела могут притягиваться на расстоянии, вкладывают в них качества, необъяснимые механически; следовательно, они не согласятся, что тела чисто пассивны. Мне помнится даже, что один известный писатель из числа Ваших друзей, хотя он признавал для явлений в телах одни лишь механические объяснения, доказывал в своих очерках, помещенных в лейпцигских «*Acta eruditiorum*»⁵, что тела наделены некоторой активной силой, так что, по его мнению, тела состоят из двух натур, а именно: первичной активной силы (названной Аристотелем первой энтелехией) и материи, или первичной пассивной силы, по-видимому антитипии. Поэтому он утверждает, что все в материальных вещах может быть объяснено механически, за исключением самых оснований механизма. Последние не могут быть извлечены только из рассмотрения одной материи.

Филарет. Я нахожусь в сношениях с этим автором и довольно сносно понял его учение. Эта первичная активная сила, которую можно назвать жизнью, и заключается, по его м в простой субстанции; это нематериальная, неделимая, неразрушимая реальность; ее он вкладывает во все тела, считая, что нет частицы массы, где не было бы органического тела, наделенного некоторой способностью к восприятию, или своего рода души. Таким образом, его рассуждение прямо ведет к различению души от материи. А если станут называть телом то, что я вместе с ним предпочел бы называть телесной субстанцией и что состоит из души и массы, то это будет лишь вопрос о названии. Вот эта та активная сила и показывает лучше и заметнее всего

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
различные души и массы, так как механические принципы, из которых проистекают законы движения, не могут быть ни извлечены из того, что имеет характер чисто пассивный, геометрический, или материальный, ни доказаны одними аксиомами математики Этот автор показал во многих местах парижского <

А р и с т. Да, в том, что Вы говорите, есть кое-что, и мне бы хотелось с Вашей помощью основательнее поразмыслить и над динамикой, раз она столь важна для познания нематериальных субстанций, и над несообразностью пустоты и атомов. Но у меня есть кое что возразить Вам, а именно: Бог может сам непосредственно произвести все то, что Вы приписываете душам, и, таким образом, те

модификации и деятельности, которые превышают силы материи, не приведут нас к отличным от материи душам, так как это будут деятельности Бога. Правда, мое возражение направляется и против самого Теодора, пожалуй, более, чем против других, потому что он, как Вам известно, смотрит на вторые причины как на случайные.

Филарет. Если бы даже эти действия производились Богом, то во всяком случае модификации, которые приписываются душам и которые мы сами ощущаем в своей душе, не могут быть модификациями Бога. По поводу этих действий скажу еще и то, что нельзя отрицать у нас самих наших внутренних актов и их достаточно для нашей настоящей цели, так как материя, будучи лишь пассивной, на них неспособна. Но предположение, будто все внешние действия производятся одним Богом, ведет к чудесам и даже к чудесам неразумным, мало достойным Божественной мудрости. Если вымышлять такие предположения, которые могут сделаться возможными лишь при утверждении чудесного всемогущества Божьего, то с одинаковым правом можно будет утверждать, что я один на свете, а Бог производит в моей душе все явления, как будто бы вне меня существовали другие предметы, хотя их нет на самом деле. Однако если бы мое настоящее рассуждение, доказывающее отличие души от материи, поскольку оно основано на внешних действиях, или на динамике, было справедливо лишь при том предположении, что в обычном течении природы все вещи производятся естественными силами, так что действие Божие ограничивается только их сохранением, то и этого во всяком случае было бы достаточно для доказательства или различия души и тела, или существования Божества.

Мы могли бы идти далее и яснее показать, как динамика подтверждает то и другое из этих важных положений, но это потребовало бы слишком долгого расследования, а в него не следует теперь вдаваться.

А р и с т. Мы поговорим об этой более обстоятельно в другой раз, когда Вам будет удобно. Но я нахожу, что уже много будет сделано, если людям неверующим нельзя будет возражать против того, что Вы говорили в пользу бессмертия душ. не прибегая к Богу, тек тому, чего они более всего избегают. А раз они согласятся признать существование Бога, т. е. Духа бесконечно» могущественного и мудрого, то отсюда нетрудно будет вывести заключение, что им созданы еще конечные духи, бестелесные, как он сам,

и далее, что было бы несовместно с его справедливостью, если бы наши души погибали вместе с телом.

Филарет. Есть веские основания сомневаться в том, что Бог создал нечто иное, кроме монад, т. е. непротяженных субстанций, и что тела не что иное. как феномены, проистекающие из этих субстанций. Мой друг, мнение которого я Вам сообщил, ясно показывает, что он склонен думать именно таким образом; он все сводит к монадам, т. е. простым субстанциям, их модификациям и феноменам, из них проистекающим; реальность этих последних обозначается связанностью, которая отличает их от сновидений. Я уже коснулся кое-чего, но теперь пора послушать продолжение доказательств Вашего прекрасного Теодора.

А р и с т. Установив раздельность души и тела как основание главнейших догматов философии и даже бессмертия души, он обратил мое внимание на идеи, которые душа сознает, и утверждает, что эти идеи – реальности. Он идет дальше: по его мнению, эти идеи имеют вечное и необходимое существование и образуют архетип видимого мира, тогда как вещи, по нашему мнению вне нас находящиеся, по большей части воображаемы и всегда преходящи. Он даже приводил мне следующее доказательство. Предположим, что Бог уничтожил все сотворенное им, за исключением Вас и меня; предположим далее, что Бог представляет нашему духу те же самые идеи, которые представляются последнему в присутствии предметов; мы увидим те же красоты, что

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org и теперь; значит, красоты, созерцаемые нами, не материального свойства, а умопостигаемые красоты.

Филарет. Я вполне согласен с тем, что материальные вещи не являются непосредственным объектом наших восприятия; но в доказательстве и способе объяснения, которые Вы приводите, я все-таки нахожу некоторое затруднение, и их следовало бы несколько лучше развить.

То условное предложение, которое составляет большую посылку доказательства Теодора, разве представляет из себя достоверный вывод? «Если в случае уничтожения внешних вещей мы видим все в умопостигаемом мире, то, значит, в нем же мы видим все и теперь». «Верен ли этот вывод?» – спрашиваю я. Разве не может наш теперешний, обычный способ восприятия отличаться от этого необычного способа? Меньшая посылка гласит: «Но в случае уничтожения мы видим все в мире умопостигаемом». Но и эта меньшая посылка для многих покажется сомнительной.

Противник, признающий влияние тела на душу, возразит, что Бог в случае уничтожения тел восполнит их недостаток и произведет в наших душах то, что в них обычно производят тела, причем для этого не будет никакой надобности в вечных идеях или в умопостигаемом мире. И если бы все происходило в нас в обычных случаях так же, как в случае уничтожения тел, т. е. если допустить, что внутренние феномены в нас производим мы сами (как думаю я) или Бог (как думает Теодор), причем тело не имеет на нас никакого влияния, то какая же здесь надобность во внешних идеях? Разве не достаточно признать, что эти феномены просто-напросто новые преходящие модификации нашей души?

А р и с т. Я не помню, доказал ли мне Теодор вообще, что идеи, созерцаемые нами, суть вечные реальности. Он доказывал мне это, в частности, по отношению к идее пространства, но это предрасполагает уже и в пользу идей других вещей, которые по большей части содержат в себе пространство. Он очень хорошо опроверг доводы, которые я ему противопоставлял. На мои возражения, что земля оказывает мне сопротивление и она есть нечто плотное, он отвечал, что это сопротивление может быть воображаемым, подобно тому как это бывает в живом сновидении, тогда как идеи нас не обманывают. Точно так же он весьма кстати обратил мое внимание на то, что если сопротивление есть признак реальности, то ведь сопротивление есть и в идеях, когда, например, мы желаем приписать им то, чего они не допускают. Словом, как я уже сказал, он доказал мне, что идея пространства необходима, вечна, неизменяема и тождественна для всех умов.

Филарет. Я уже согласился с Вами, что существуют вечные истины, но не всякий согласится с тем, что существуют вечные реальности, которые представляются нашей душе, когда она взирает на эти истины. Достаточно признать, что в данном случае наши мысли имеют отношение к мыслям Бога; только в нем одном эти вечные истины реализованы.

А р и с т. Тем не менее вот доводы, которые приводил Теодор для подтверждения своего положения. С идеей пространства мы имеем идею бесконечного; но идея бесконечного бесконечна, а нечто бесконечное не может быть модификацией нашей души, которая бесконечна; значит, среди идей, созерцаемых нами, находятся такие, которые не являются модификациями нашей души.

Филарет. Это, по-моему, очень важное доказательство, его стоит получше развить. Я согласен с тем, что в нас находится идея бесконечного по совершенству; для этого стоит только представить абсолютное, оставляя в стороне ограничения. И мы воспринимаем это абсолютное, так как мы ему причастны в той степени, как причастны совершенству. Однако есть основание сомневаться, имеем ли мы идею бесконечного целого (*un tout infini*) или идею бесконечного, составленного из частей (*d'un infini compose de parties*), ибо составное не может быть абсолютным. Могут сказать, что хотя мы прекрасно понимаем, например, что всякая прямая может быть продолжена или что всегда можно найти прямую, которая будет больше данной прямой, но что мы не имеем идеи о прямой бесконечной или такой, которая была бы больше всякой данной прямой.

А р и с т. Теодор думает, что наша идея протяжения бесконечна, но наша мысль о нем – модификация нашей души – не бесконечна.

Ф и л а р е т. Но как доказать, что нам нужно еще что то помимо наших мыслей и их объектов в нас? Что для образования конечной мысли нам необходима в качестве

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
объекта бесконечная идея, существующая в Боге? И если есть надобность в идеях, отличных от мыслей, то не достаточно ли, чтобы эти идеи были пропорциональны мыслям? Ведь будут указывать на то, что у нас нет и средств осознать подобные идеи.

А р и с т. А вот средство, которое мне представил Теодор. Дух наш не видит бесконечного, если понимать это выражение в смысле полного и соразмерного постижения мыслью. Тем не менее недостаточно только не видеть конца в бесконечном, ибо в этом случае дух человеческий мог бы надеяться найти его; напротив, он ясно понимает, что. этого конца и нет. Подобно этому, геометры видят, что, продолжая деление сколько угодно, никогда нельзя найти такой части стороны квадрата, как ни будь она мала, которая могла бы быть какой-нибудь частью диагонали, или точно измерять ее. Точно так же геометры видят асимптоты гиперболы, которые, как они знают, не могут с нею встретиться, хотя и приближаются к ней бесконечно.

Филарет. Этот способ познавать бесконечное верен и неоспорим; он доказывает также, что предметы не имеют границ. Но хотя мы можем заключить отсюда, что нет последнего целого конечного, из этого не следует еще. чтобы мы видели бесконечное целое. Нет бесконечной

прямой, но всякая прямая всегда может быть продолжена, и ее всегда может превзойти другая большая прямая. Значит, частный пример пространства нисколько не доказывает, чтобы нам было необходимо присутствие каких то пребывающих идей, отличных от переходящих модификаций нашей души; для этого достаточно, кажется, наших мыслей.

А р и с т. Я не самого себя вижу, когда вижу пространство, фигуры; значит, я вижу нечто вне меня находящееся.

Филарет. А почему бы я не мог видеть их в самом себе? Правда, я вижу их возможность, даже тогда, когда не сознаю их действительного существования, и эти возможности, даже когда мы их не видим, существуют всегда как вечные истины возможных вещей, реальность которых должна иметь основание в чем-нибудь актуальном, т е в Боге Но вопрос в том. имеем ли мы основание говорить, что видим их в Боге.

Впрочем, я во многом одобряю прекрасные мысли Теодора и думаю, что можно будет следующим образом оправдать его учение по настоящему вопросу, хотя оно и кажется парадоксальным тем людям, которые не могут возвыситься духом над чувственным Я убежден, что для души единственный внешний непосредственный объект – »то Бог, так как один он, находясь вне души, непосредственно действует на нее И мысли наши и все, что находится в нас, поскольку заключает в себе какое-нибудь совершенство, непрерывно производится его постоянной деятельностью. Таким образом, поскольку мы принимаем наши конечные совершенства от его бесконечных совершенств, мы получаем от него непосредственное воздействие Этим способом дух наш подвергается непосредственному воздействию находящихся в Боге вечных идей, когда наш дух имеет мысли, к ним относящиеся и им причастные. В этом смысле мы можем сказать, что наш дух видит все в Боге.

А р и с т. Надеюсь, что Ваши возражения и Ваши разъяснения нисколько не будут неприятны Теодору. напротив, его порадуют: ведь он любит обмениваться мыслями. Передав ему наш разговор, я дал ему случай развернуть перед нами еще больше свои мысли и знания. Я даже льщу себя надеждой оказать вам обоим услугу. познакомив вас друг с другом. Выиграю от этого больше всею я сам.

НАЧАЛА ПРИРОДЫ И БЛАГОДАТИ, ОСНОВАННЫЕ НА РАЗУМЕ

1. Субстанция есть существо, способное к действию. Она может быть простой или сложной. Простая субстанция – это такая, которая не имеет частей. Субстанция сложная есть собрание субстанций простых, или монад. Монада – слово греческое, обозначающее единицу, или то, что едино. Субстанции сложные, или тела, суть множества; субстанции простые, жизни, души, духи суть единицы. Простые субстанции необходимо должны быть повсюду, ибо без субстанций простых не было бы и сложных; и, следовательно, вся природа полна жизни.

2. Монады, не имея частей, не могут подлежать ни образованию, ни разрушению.

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
Естественным образом они не могут ни возникнуть, ни уничтожиться и, следовательно, имеют такую же длительность, как и универсум, подлежащий изменению, но никоим образом не разрушению. Они не могут иметь фигур, иначе они должны были бы иметь части. Поэтому монада сама по себе в данный момент может отличаться от другой монады только внутренними качествами и действиями, которые не могут быть ничем иным, как ее восприятиями, или перцепциями (perceptions) (т. е. представлениями (representations) в простом сложного или внешнего), и ее стремлениями (appetitions) (т. е. влечениями от одного представления к другому), составляющими принципы изменений. Простота субстанции не препятствует множественности модификаций, которые должны совместно существовать в той же самой простой субстанции и состоять в разнообразии отношений к внешним вещам. Точно так же в центре, или точке, как она ни проста, находится бесконечное множество углов, образованных линиями, в ней встречающимися.

3. В природе все наполнено. Существуют субстанции простые, действительно отделенные друг от друга своими действиями и непрерывно изменяющие свои отношения. Всякая простая субстанция, или особая монада, являющаяся ее центром и принципом единства сложной субстанции (например, животного), окружена массой, состоящей из

бесконечного множества других монад, образующих собственное тело такой центральной монады; сообразно изменениям этого тела она представляет как бы некоторого рода центр вещи, находящейся вне ее. Это тело бывает органическим, когда оно образует некоторого рода естественный автомат или естественную машину – машину не только в целом, но и в мельчайших своих частях, какие только можно заметить. И так как вследствие полноты универсума все находится друг с другом в связи и всякое тело более или менее, смотря по расстоянию, действует на всякое другое тело и в свою очередь подвергается воздействию со стороны последнего, то отсюда вытекает, что всякая монада есть живое зеркало, наделенное внутренним действием, воспроизводящее универсум со своей точки зрения и упорядоченное точно так же, как и сам универсум. Восприятия в монаде рождаются одни из других по закону стремлений, или конечных причин добра и зла, состоящих в заметных восприятиях, упорядоченных или неупорядоченных; с другой стороны, изменения тел и внешние явления возникают одни из других по законам причин действующих, т. е. по законам движений. Таким образом, существует совершенная гармония между восприятиями монады и движениями тел, изначально предустановленная между системой причин действующих и системой причин конечных. В этом и состоит согласие и физическая связь души и тела, причем одно не может изменять законов другого.

4. Всякая монада в соединении с особым телом образует живую субстанцию. Таким образом, не только повсюду есть жизнь, связанная с членами и органами, но и существует бесконечное множество ступеней монад, из которых одни более или менее господствуют над другими. Если же монада имеет органы, таким образом приспособленные, что посредством их достигается в получаемых ими впечатлениях а следовательно, и восприятиях, эти впечатления воспроизводящих, – большая отчетливость и раздельность (так, например, если благодаря известной фигуре влаги глаза лучи света концентрируются и действуют с большей силой), то это может повести к возникновению чувства, т. е. восприятия, сопровождаемого памятью. – восприятия, отголосок которого сохраняется на долгое время и при случае может быть снова услышан. Такое живое существо называется животным, а его монада – душой. Если же таковая душа возвышается до разума, она представляет

собой уже нечто высшее и ее ставят в ряд духов, как это будет сейчас объяснено.

Животные, правда, находятся по временам в состоянии простых живых существ, а их души – в состоянии простых монад, именно когда их восприятия недостаточно раздельны, чтобы их можно было сохранить в памяти, как это бывает в глубоком сне без сновидений или во время обморока. Но восприятия, ставшие совершенно смутными, должны у животных по причинам, которые я скоро укажу (§ 12), снова развиться. Таким образом, следует делать различие между восприятием перцепцией, которое есть внутреннее состояние монады, воспроизводящее внешние вещи, и апперцепцией сознанием, или рефлексивным познанием этого внутреннего состояния, каковое дано не всем душам, да и у одной и той же души бывает не всегда. Картезианцы делали ошибку, упуская это различие и считая за ничто те восприятия, которые не осознаются. подобно тому как обыкновенно считают за ничто тела, не поддающиеся чувству Это то и заставило картезианцев признавать монадами только

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org
духов, отрицать душу у животных, а тем более иные начала жизни. И как, с одной стороны, они шли слишком вразрез с общим людским мнением, отрицая чувство у животных, так, с другой стороны, они слишком приноравливались к предрассудкам толпы, отождествляя состояние продолжительного бесчувствия, происходящее вследствие сильного смещения восприятия, со смертью в собственном смысле, где прекращались бы всякие восприятия. Это дало опору ни на чем не основанному взгляду касательно уничтожения некоторых душ и вредному учению некоторых мнимых умников, оспаривавших бессмертие нашей души.

5. В восприятиях животных существует связь, имеющая некоторое сходство с разумом; но она основывается только на памяти о фактах или действиях, а вовсе не на познании причин. Так, собака убегает от палки, которой ее били, вследствие того, что память воспроизводит ей боль, причиненную этой палкой. И люди, когда они основываются только на опыте, т. е. в трех четвертях своих действий, поступают так же, как животные. Например, люди ожидают, что завтра будет день. на том основании, что постоянно испытывали это. Только астроном предвидит это разумом, да и его предсказание в конце концов не сбывается. когда исчезнет причина дня, никоим образом не вечная. Напротив, настоящее рассуждение основывается на исти-

нах необходимых или вечных, каковы истины логики, чисел, геометрии, образующие несомненную связь идей и непреложные выводы. Твари, у которых таких выводов вовсе не замечается, называются животными; те же, кто знает эти необходимые истины, и есть именно те, кому дают название животных разумных, и их души называются духами. Эти души способны к рефлексивным актам и разумению тою, чему дают названия «я», «субстанция», «душа», «дух» – одним словом, к разумению вещей и истин нематериальных. Это то и делает нас способными к наукам и доказательным знаниям

ij Исследования новейшего времени нам показали (да то согласно и с разумом), что живые существа, органы которых нам известны, т. е. растения и животные, возникают не из гниения или из хаоса, как это думали древние, но из преобразованного семени, следовательно. путем превращения ранее существовавших живых существ. В семени взрослых животных находятся маленькие животные, которые через посредство зачатия принимают новую оболочку, ими усвояемую и дающую им возможность питаться и расти, дабы вступить со временем на арену более широкую и способствовать продлению рода взрослого животного. Несомненно, души семенных человеческих животных лишены разума и получают их только тогда, когда зачатие наделяет этих животных человеческой природой. И как животные вообще не возникают всецело при зачатии и рождении, так же точно они и не уничтожаются всецело в том, что мы называем смертью: разум требует, чтобы то, что естественным образом не начинается, и не кончалось в порядке природы. Таким образом, оставляя свою личину, свою оболочку, животные только возвращаются на арену более узкую, где, однако, они могут быть так же заметны и так же упорядочены, как и на арене более широкой. И то, что мы сейчас сказали о больших животных, имеет место и по отношению к рождению и смерти самих семенных животных, т. е. они вырастают из семенных животных еще более мелких, в сравнении с которыми они могут считаться большими – в природе все идет в бесконечность.

Таким образом, не только души, но и животные не подлежат ни происхождению, ни исчезновению; они только развиваются, свертываются, надевают новую одежду, сбрасывают ее, превращаются; души никогда не покидают своего тела и не переходят из одного тела в другое, для них совершенно новое.

Итак, нет метемпсихоза, но есть метаморфоза¹, животные переменяют, приобретают и оставляют только свои части; это совершается мало-помалу нечувствительными небольшими частицами, но постепенно в питании и одним разом, заметным образом, но редко – в зачатии и смерти, заставляющих приобретать или терять все сразу.

7. До сих пор я говорил просто как физик; теперь нам следует подняться на высоту метафизики, пользуясь великим принципом, к которому обыкновенно редко прибегают и который гласит следующее: ничего не делается без достаточного основания, т. е. не происходит ничего такого, для чего нельзя было бы при полном познании вещей указать основания, достаточного для определения, почему это происходит так, а не иначе

Раз такое начало допущено, то первый вопрос, который мы имеем право сделать, будет следующий: почему существует нечто, а не ничто, ибо ничто более просто и

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org более легко, чем нечто? Далее, если предположить, что вещи должны существовать, то должна быть возможность указать, почему они должны существовать так, а не иначе

8 Такое достаточное основание существования универсума не может находиться в ряде вещей случайных, т. е. в ряде тел и их представлений в душах, ибо материя сама по себе безразлична к движению и покою, к тому или иному движению, и потому в ней нельзя найти основания движения, а тем более определенного движения. И хотя движение, теперь существующее в материи, вытекает из предшествовавшего, а то в свою очередь из предшествовавшего, таким путем можно идти как угодно далеко и все же ни на шаг не подвинуться вперед, ибо вопрос остается все тем же. Таким образом, достаточное основание, которое в свою очередь не нуждалось бы в другом основании, должно находиться вне этого ряда вещей случайных и заключаться в субстанции, которая составляет причину этого ряда или есть необходимое существо, само в себе носящее основание своего бытия; в противном случае нет никакого другого достаточного основания, на котором можно было бы остановиться. Такая последняя причина вещей называется Богом.

9. Эта простая первоначальная субстанция должна вмещать в себе в превосходной степени те совершенства, которые содержатся в субстанциях производных, представляющих собой ее действия. Таким образом, она должна

обладать могуществом, всезнанием и высочайшей благостью. А так как справедливость, говоря вообще, есть не что иное, как благость, сообразная с мудростью, то в Боге должна быть и высочайшая справедливость. То основание, в силу которого вещи существуют через Бога, делает их зависимыми от Бога в их существовании и деятельности; они непрестанно получают от него все то, что позволяет им иметь какое-либо совершенство; несовершенство же, за ними остающееся, проистекает из существенной и исконной ограниченности всего тварного.

10. Из высочайшего совершенства Бога следует, что при творении универсума он избрал план наилучший, соединяющий в себе величайшее разнообразие вместе с величайшим порядком. Наиболее экономичным образом распорядился он местом, пространством, временем; при помощи наипростейших средств он произвел наибольшие действия – наибольшее могущество, наибольшее знание, наибольшее счастье и наибольшую благость в творениях, такие только доступны универсуму. Ибо так как все возможности в разумении Бога по мере своих совершенств стремятся к осуществлению, то результатом всех этих стремлений должен быть наиболее совершенный действительный мир, какой только возможен. Иначе невозможно было бы указать основания, почему вещи сотворены именно так, а не иначе

11. Высочайшая мудрость Божия заставила его в особенности избрать законы движения наиболее пригодные и наиболее соответствующие абстрактным, или метафизическим, основаниям. По этим законам всегда сохраняется одно и то же количество силы общей и абсолютной, или действия, одно и то же количество силы относительной, или противодействия, наконец, одно и то же количество силы направляющей. Мало того, действие всегда равно противодействию, и полный эффект действия всегда эквивалентен его полной причине. И изумительно то, что путем рассмотрения одних только действующих причин или материи невозможно было бы указать основания для этих законов движения, открытых в наше время и часть которых была открыта мною самим. Я нашел, что здесь необходимо прибегнуть к причинам конечным и что эти законы зависят вовсе не от принципа необходимости, как истины логические, арифметические и геометрические, а от принципа соответствия, т. е. от выбора, руководимого мудростью. Для тех, кто способен глубоко вникать в вещи, это

составляет одно из самых сильных и наиболее убедительных доказательств бытия Божия.

12. Из совершенства Всевышнего Творца следует далее, что не только мировой порядок в целом совершеннейший, насколько это возможно, но и всякое живое зеркало, отражающее универсум со своей точки зрения, т. е. всякая монада, всякий субстанциальный центр должен иметь свои восприятия и свои стремления упорядоченными наилучшим образом, насколько только это совместимо со всем прочим. Отсюда следует далее, что души, т. е. монады наиболее господствующие, или, лучше сказать, сами животные, неизбежно должны пробуждаться из того состояния усыпления, в которое их может повергнуть смерть или какая-либо другая

13. Ибо в вещах все раз и навсегда приведено в такой порядок и соответствие, какие только возможны, так как высочайшая мудрость и благодать могут действовать только в совершенной гармонии. Настоящее чревато будущим; будущее можно было бы прочесть в прошедшем, отдаленное выражается в ближайшем. Красоту вселенной можно было бы познать в каждой душе, если бы только возможно было раскрыть все ее тайники, заметно проявляющиеся только со временем. Но так как всякое отчетливое восприятие души обнимает бесконечное множество смутных восприятий, заключающих в себе весь универсум, то сама душа лишь постольку знает вещи, которые она воспринимает, поскольку она имеет восприятия отчетливые и ясные, и ее совершенство находится в соответствии с последними.

Всякая душа знает бесконечное, знает все, но смутно. Когда я прогуливаюсь по берегу моря и слышу сильный шум, который оно производит, я слышу отдельные шумы каждой волны, из которых слагается этот общий шум, но не различаю их; так и наши смутные восприятия суть результат впечатлений, производимых на нас всем универсумом. То же самое и в каждой монаде. Один Бог имеет отчетливое познание всего, ибо он источник всему. Очень хорошо было сказано, что Бог – это как бы вездесущий центр, окружности которого нет нигде, все для него существует непосредственно, без всякого удаления от центра.

14. Что касается разумных душ, или духов, то в них есть нечто большее, чем в монадах или даже в простых душах. Дух не только зеркало мира творений, но и образ Божества. Дух не только имеет восприятия дел Божиих, но и

сам способен производить нечто им подобное, хотя и в малых размерах. Ибо, не говоря о чудесных видениях снов, в которых мы без труда и даже без всякого желания изобретаем вещи, которые требовали бы долгого размышления в состоянии бодрствования, наша душа обладает творческими способностями также и в произвольных действиях; открывая истины, по которым Бог устроил вещи (*ponderare, mensura, numero, etc.*) 2, она в своей области и в своем малом мире, в котором ей дана возможность *j* действовать, подражает тому, что Бог производит в больш-Шом мире.

15. Вот почему все духи, будут ли то духи людей или духи гениев, в силу своего разума и вечных истин вступают в некоторого рода общение с Богом и через это являются членами Града Божия, т. е. всесовершеннейшего государства, образованного и управляемого величайшим и превосходнейшим из монархов, где нет ни вины без возмездия, ни добрых дел без соответствующей награды, где, наконец, столько добродетели и счастья, сколько только возможно; и это не путем расстройств природы, как если бы то, что Бог уготовляет душам, нарушало законы вещественного мира, но путем того же самого естественного порядка вещей, в силу гармонии, на все времена предустановленной между царством природы и царством благодати, гармонии между Богом-строителем и Богом-монархом; в силу этой гармонии сама природа ведет к благодати, а благодать совершенствует природу, ставя ее себе на службу.

16. Таким образом, хотя разум не дает нам постичь подробностей великого будущего, предоставленных откровению, но мы можем быть уверены, по внушению того же самого разума, что вещи устроены так, что превосходят наши желания. Так как Бог есть самая совершенная и самая блаженная из всех субстанций, а следовательно, и наиболее достойная любви, а чистая истинная любовь есть состояние, заставляющее обретать радость в совершенствах и счастье того, кого любишь, то эта любовь, когда предметом ее является Бог, должна доставлять нам наибольшую радость, к которой только мы способны.

17. И его легко любить, как должно, если мы его познаем так, как я говорю. Ибо, хотя Бог и не доступен нашим внешним чувствам, это не препятствует ему быть всего более достойным любви и давать нам наибольшую радость. Как часто мы видим, что почести радуют людей, хотя они и не относятся к свойствам, воспринимаемым

внешними чувствами. Мученики и фанатики, хотя бы страсти этих последних и были дурно направлены, показывают, на что способна бывает духовная радость; мало того, сами чувственные удовольствия сводятся к удовольствиям интеллектуальным, лишь смутно познаваемым. Музыка чарует нас, хотя красота ее состоит только в соотношениях чисел и счете ударов и колебаний звучащих тел, повторяющихся через известные промежутки, счете, который мы не замечаем и который, однако, душа наша

Лейбниц Г. Статьи, трактаты, малые произведения filosoff.org непрерывно совершает. Того же рода удовольствие, которое глаз находит в пропорциональности; удовольствия, проистекающие из других чувств, можно было бы также свести к чему-либо подобному, хотя мы и не можем объяснить их с такою же определенностью.

18. Можно сказать даже, что уже теперь любовь к Богу дает нам наслаждаться предвкушением будущего блаженства. И хотя эта любовь совершенно бескорыстна, она сама по себе составляет наивысшее для нас добро и благо, если даже в ней этого блага не ищут и, не обращая внимания на производимую ею пользу, имеют в виду лишь удовольствие, ею доставляемое; она заставляет нас вполне уповать на благость нашего Творца и Господа, а это упование дает нам истинное спокойствие духа не так, как у стоиков, насильно вынуждаемых к терпению, но путем настоящего удовлетворения, уверяющего нас и в будущем блаженстве. Но и оставляя в стороне блага настоящего времени, ничто не может быть полезнее для будущего, ибо любовь к Богу исполняет наши надежды и ведет нас на путь высшего блаженства, так как в силу совершенного порядка, установленного в универсуме, все устроено возможно наилучшим образом как по отношению к общему благу, так и по отношению к наивысшему частному благу тех, которые убеждены в этом и находят довольство в правлении Бога, а этого не может не быть у тех, которые умеют любить источник всякого блага.

Правда, наивысшее счастье, каким бы блаженным созерцанием или познанием Бога оно ни сопровождалось, никогда не будет полно, ибо Бог в силу своей бесконечности никогда не может быть познан вполне.

Таким образом, наше счастье никогда не будет и не должно состоять в полном удовлетворении, в котором более нечего было бы желать и которое притупило бы наш дух; оно состоит в непрерывном переходе к новым радостям и новым совершенствам.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!